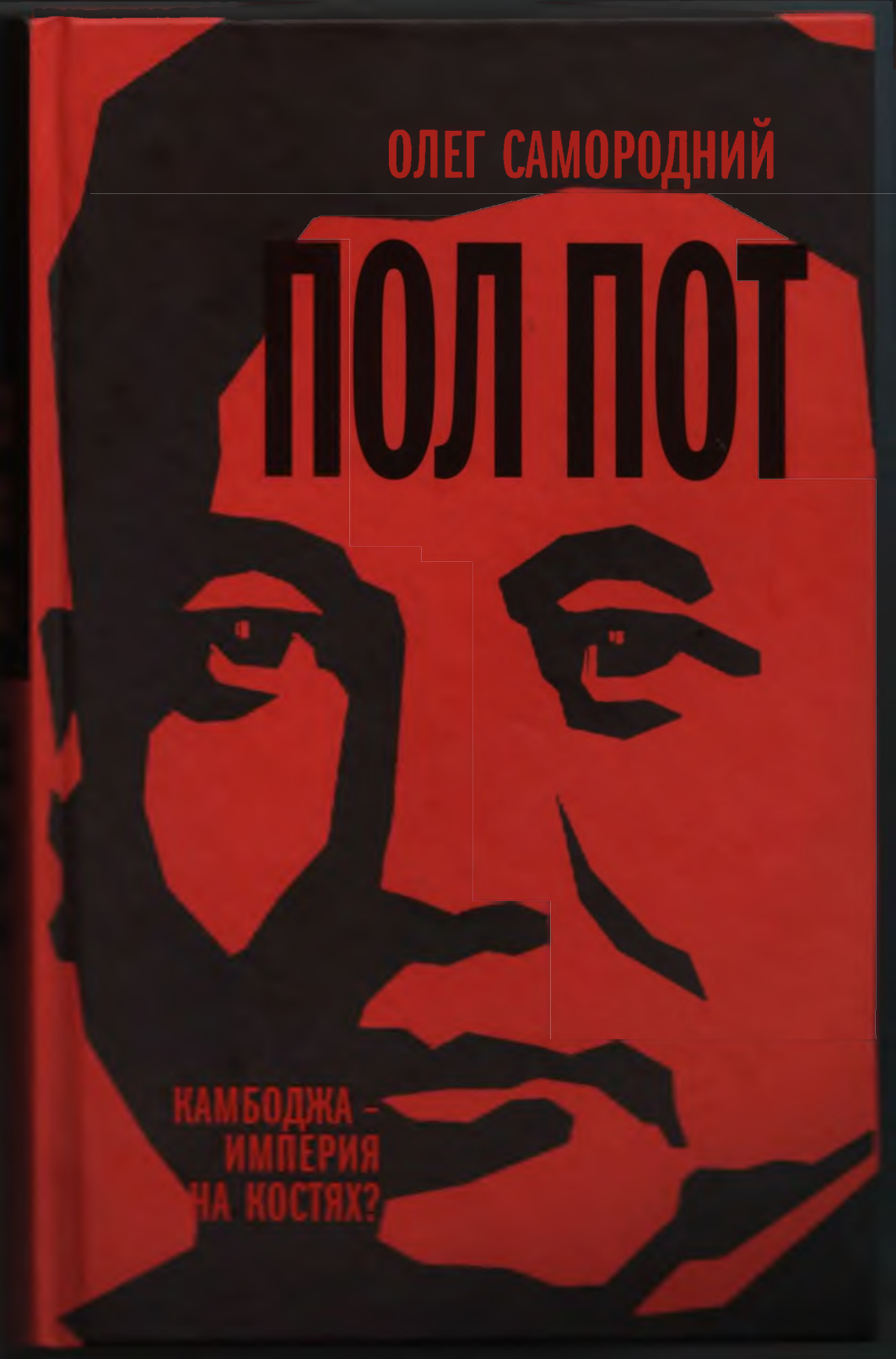

ОЛЕГ САМОРОДНИЙ
ПОЛ ПОТ
КАМБОДЖА –
ИМПЕРИЯ
НА КОСТЯХ?

ТИТАНЫ И ТИРАНЫ

ОЛЕГ САМОРОДНИЙ

ПОЛ ПОТ

КАМБОДЖА – ИМПЕРИЯ НА КОСТЯХ?

Москва
Алгоритм
2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С 17

Самородний О.

С 17 Пол Пот. Камбоджа – империя на костях? / Олег Самородний. – М. : Алгоритм, 2013. – 320 с. – (Титаны и тираны).

ISBN 978-5-4438-0502-3

Режим «красных кхмеров» стал самой страшной диктатурой в человеческой истории. Пирамиды из человеческих черепов, братские могилы с тысячами безымянных жертв... Но имели ли к этому отношение «красные кхмеры» на самом деле? Был ли блестящий студент Сорбонны Пол Пот чудовищем или его сделала таким советская и американская пропаганда, чтобы скрыть собственные грешки? Что погубило молодую процветающую страну, с которой стремились дружить самые респектабельные международные институты? Факты, приведенные в представленной книге, поражают.

Олег Самородний едва ли не единственный специалист по истории «красных кхмеров» на постсоветском пространстве. Эта книга – самое объективное исследование вопроса на русском языке! Автор безжалостно разоблачает мифы о «чудовищном геноциде» и называет его подлинных виновников.

Книга для всех, интересующихся историей холодной войны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4438-0502-3

© Самородний О., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Введение

Человек, впервые попадающий в Камбоджу, всегда поражается веселости и беззаботности кхмеров, которые щедро одарены природой чувством юмора. Они склонны иронизировать даже над такими вещами, к которым испытывают искреннее почтение. Европейцу, поверхностно знакомому с Камбоджей, кажется, что все кхмеры живут весело, в райской лености за счет благодатного климата.

Камбоджийцы, непритязательные в быту, склонны к задушевным беседам. Это понимаешь не сразу... Если заговоришь с кхмером о вечном — о добре и зле, о смысле жизни, то есть о таких вещах, которые для человека, испорченного индустриальной цивилизацией, уже почти ничего не значат, то найдешь в нем умного, внимательного и заинтересованного собеседника.

Кхмеры достигли пика своего державного могущества в IX—XII веках, когда созданная ими Ангкорская империя охватывала почти весь Индокитайский полуостров. Имперская столица Ангкор была крупнейшим мегаполисом мира того времени: с широкими улицами и просторными площадями, идеально продуманной сетью искусственных каналов, роскошными дворцами знати, школами, больницами, библиотеками...

Это было странное государство с выборным монархом, который после восхождения на престол наделялся всеми атрибутами живого божества. Фактически страной управляла могущественная интеллектуальная прослойка брахманских жрецов, которые бережно лелеяли государственную идею, замешанную на сплаве индуизма, буддизма и доисторических кхмерских верований.

Это было разумно организованное государство, в котором религиозно-идеологические мифологемы гармонично сочетались с повседневными потребностями подданных. Ис-

пользуя современную терминологию, внутреннюю политику Ангкорской империи можно назвать социально ориентированным феодализмом. От нападений варварских племен государственные границы защищала боеспособная армия, полководцы которой использовали самые передовые по тем временам военные технологии.

Достигнув естественных пределов, кхмерская держава сконцентрировала свою пассионарную энергию на развитии наук и искусств. Реальным подтверждением этого является крупнейший в мире комплекс храмово-культовых сооружений Ангкора. Ученые без устали спорят о предназначении ангкорских храмов: некоторые из них были индуистскими или буддийскими монастырями, другие, возможно, мавзолеями императоров. Западный человек во всем ищет утилитарное предназначение. Ему сложно осознать, что колоссальные усилия могут тратиться на нечто иррациональное. Достаточно уединиться в любом из ангкорских храмов, чтобы погрузиться в неведомое ощущение сопричастности мирозданию...

Ангкорская империя все-таки рухнула под ударами воинственных соседей. В 1431 году кхмеры покинули свою столицу. Ангкор оказался не нужен завоевателям-тайцам. Они довольствовались богатой добычей из сокровищницы ангкорских императоров. Опустевший город быстро поглотили джунгли.

Последующие поколения кхмеров почти забыли об Ангкоре. Остались только легенды о затерянном в джунглях чудо-городе.

В 1443 году в центральной части значительно сжавшейся страны, которая теперь скромно именовалась королевством Камбоджа, кхмеры основали новую столицу — Пномпень. Только военная конкуренция между вьетнамцами и сиамцами позволила кхмерскому государству сохранять относительную независимость. Камбоджийские монархи поочередно попадали в вассальную зависимость то от тайских королей, то от вьетнамских императоров, пока во второй половине XIX века не перешли под протекторат Франции.

Кхмеры довольно спокойно пережили мягкий французский колониализм. Французы много сделали для экономического и общественного развития Камбоджи. В конце 1940-х —

начале 1950-х годов кхмеры слегка повоевали с французами за независимость. Но это не подорвало добрых отношений между Францией и Камбоджей, которая до 1970-х годов считалась франкофонной страной.

В конце 1950-х годов Камбоджа стала конституционной монархией. Пномпень превратился в один из привлекательнейших городов Азии, где проводились международные музыкальные и кинофестивали, паназиатские олимпийские игры. Наследие французского колониализма обусловило быстрое социально-экономическое развитие Камбоджи в 1960-е годы, которое коснулось, правда, только городов. Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, продолжали прозябать в нищете. Тем не менее, в те годы Камбоджа казалась чудным оазисом мира и спокойствия.

В 1970 году в результате государственного переворота власть в Камбодже захватила военная хунта. Страну втянули в индокитайскую войну, которая в Камбодже приобрела форму гражданской войны между проамериканским режимом генерала Лон Нола и коммунистическими силами «красных кхмеров», идеология которых представляла собой гремучую смесь из национализма, марксизма и антизападничества.

«Красные кхмеры» победили в апреле 1975 года. Их радикализм заключался в том, что они решили построить новое коммунистическое общество на пустом месте, начав все с нуля. Люди, уже испорченные западной цивилизацией, подлежали перевоспитанию в сельскохозяйственных коммунах. А наиболее неподатливые — уничтожению.

При «красных кхмерах» в Камбодже не было ни социально-экономической, ни общественно-политической структур в их традиционном понимании. Страна была скрыта от всего остального мира за непроницаемым «бамбуковым занавесом». На свою беду «красные кхмеры» решили воссоздать «Великую Кампучию» в пределах бывшей Ангкорской империи, но наткнулись на вьетнамские дивизии, которые в январе 1979 года в ходе молниеносного наступления ликвидировали «режим геноцида Пол Пота — Йенг Сари».

После этого с помощью Вьетнама, СССР и других стран социалистического содружества началось строительство социализма советского образца, которое прервалось с разва-

лом Советского Союза. Затем под эгидой ООН прошел мучительный процесс мирного урегулирования кампучийской проблемы. Но лишь в 1998 году Камбоджа наконец-то обрела мир и стабильность.

Первый шаг к Камбодже я сделал летом 1979 года, когда поступил в Московский государственный институт международных отношений. Я сознательно подавал документы на восточное отделение МГИМО, поскольку Восток меня всегда притягивал к себе больше, чем Запад.

Я безмерно благодарен преподавателям. Всех перечислять нет смысла, но своих учителей кхмерского языка я обязан помянуть добрым словом. Это Роза Сергеевна Плам и Лонг Сеам, кхмер, живший в эмиграции в Москве, а в 1990-е годы он некоторое время был заместителем министра культуры Камбоджи.

После окончания МГИМО в 1985 году меня взяли на работу в Министерство иностранных дел СССР. И через несколько месяцев в качестве референта-переводчика я оказался в советском посольстве в Пномпене. Мой первый непосредственный начальник — советник Ашот Зареевич Мелик-Шахназаров — был очень колоритной личностью. Несмотря на большую разницу в возрасте, можно сказать, что мы сдружились. Я всегда с теплотой в душе вспоминаю Ашота Зареевича.

Как и тогдашнего посла — Юрия Ивановича Раздухова. Я очень быстро стал его переводчиком. Юрий Иванович обладал колоссальной житейской, я бы сказал, природной мудростью. Он был очень приятным во всех отношениях человеком. Раздухов был высококлассным дипломатом. Но в камбоджийских делах я разбирался, пожалуй, не хуже и Юрий Иванович это акцептировал. Он всегда внимательно выслушивал мои соображения по тому или иному вопросу.

Я пользовался большой свободой действий. Много общался с кхмерами, подружившись не только с чиновниками, но и с обычными пномпеньцами. Я стал своим человеком в Пномпене, где я многих знал и меня многие знали.

Отработав в Камбодже три года, по совокупности разных причин я уехал в Эстонию. Но Камбоджа так и не отпустила меня. А может быть, «красные кхмеры»?

В 1984 году на предпоследнем курсе МГИМО я начал писать дипломную работу об истории движения «красных кхмеров» под руководством Александра Евгеньевича Черменского, ставшего впоследствии известным церковным историком. Сбор информации о «красных кхмерах» превратился для меня в своего рода страсть. Работая в МИД СССР и в советском посольстве в Пномпене, я накопил много сведений о них.

После моего отъезда в Эстонию сбор информации о «красных кхмерах» не прервался.

В начале 1990-х годов в одной из библиотек Стокгольма я обнаружил подборку книг на разных языках о Камбодже и «красных кхмерах». Там же я нашел и комплекты информационных бюллетеней Демократической Кампучии, выпускавшихся «красными кхмерами» на французском и английском языках в 1975—78 годах. В Париже я познакомился с людьми, поделившимися со мной информацией о связях «красных кхмеров» с левацкими группами в западных странах.

С 1991 по 1995 годы я по разным поводам каждый год прилетал в Камбоджу. Тогда я получил доступ к документам времен полпотовской Демократической Кампучии. Примерно в то же время я начал работать над книгой о Пол Поте и «красных кхмерах».

С 2003 года я опять стал часто появляться в Камбодже, пополнил свой архив копиями документов «красных кхмеров» и познакомился с Кхиеу Самфаном, бывшим председателем Государственного президиума Демократической Кампучии. Я встречался и беседовал с ним в городе Пайлине. Прощаясь после нашей последней беседы, Кхиеу Самфан тихим, слегка вкрадчивым голосом, почти доверительно неожиданно произнес странную фразу: «Не думайте, что я всё знаю о "красных кхмерах", мне и самому многое остается неясным в нашем движении».

После без малого тридцати лет, посвященных (частично, конечно) изучению «красных кхмеров» мне и самому многое остается неясным.

ЗАРЯ КОММУНИЗМА НАД ИНДОКИТАЕМ

В 1920 году среди делегатов учредительного съезда Французской коммунистической партии (ФКП) своей внешностью выделялся один молодой вьетнамец. Через тридцать лет под именем Хо Ши Мин его узнает весь мир. А еще через двадцать советские специалисты по мумиям забальзамируют его тело, которое торжественно водрузят в помпезный мавзолей. Так во вьетнамской столице Ханое появится свой «маленький Ленин», объект экзальтированного поклонения вьетнамцев.

С настоящим Лениным будущий вождь вьетнамских коммунистов встречался в 1923 году, когда приезжал в Москву из Иркутска. Каким ветром Хо Ши Мина занесло в сибирскую глубинку — непонятно. В ту пору Хо жил насыщенной жизнью не по годам прожженного авантюриста. В 1921 году он создал во Франции Союз колониальных народов, распространявший во французских колониях листовки марксистского содержания. Позже возглавил индокитайское бюро комиссии по делам колоний при ЦК Французской коммунистической партии (ФКП). За революционно-подрывную деятельность Хо Ши Мина заочно приговорили к смертной казни. Однако этот приговор не привели в исполнение, поскольку между Хо и французской сыскной полицией Сюрте установились доверительные отношения.

Наиболее ярким проявлением этих сомнительных связей стал эпизод с известным вьетнамским подпольщиком-революционером Фан Бой Чау, который скрывался от французских властей в Китае. Там Чау на свою беду познакомился с Хо Ши Мином. Каждый из них возглавлял группу сторонников, соперничавших друг с другом. В 1925 году в Шанхае Хо сдал Чау французской Сюрте за сто тысяч пиастров. В оправдание своего поступка Хо Ши Мин заявил, что, во-первых, арест Чау и суд над ним стимулировали революционную борьбу во

вьетнамском обществе, а во-вторых, в тот момент сам Хо остро нуждался в деньгах для финансирования своей коммунистической деятельности.

В том же 1925 году ФКП послала Хо Ши Мина в Москву на конгресс Коммунистического интернационала, который в то время осуществлял подготовку к мировой революции. В столице СССР Хо сделали активным участником коминтерновских международных мероприятий. Хо Ши Мин символизировал зарождавшееся коммунистическое движение Индокитая. В этом качестве он стал постоянным членом восточного бюро Коминтерна, неоднократно встречался со Сталиным.

В Москве Хо женился на сотруднице Коминтерна Вере Васильевой. Закадычным другом Хо Ши Мина был советский разведчик Рихард Зорге. Хо и Рихард жили в соседних номерах московской гостиницы «Астория». Позже Зорге направили сначала в Китай, а затем — в Японию.

Хо Ши Мина Коминтерн также командировал в Китай помогать местным коммунистам. Одновременно Хо назначили ответственным за координацию революционной деятельности во всей Юго-Восточной Азии. Коминтерн и его агенты находились под опекой специальных ведомств СССР, поэтому, если не прямая, то уж косвенная связь Хо с советской разведкой просматривалась довольно ясно.

В личности Хо Ши Мина сфокусировались отличительные характеристики коммунистического движения в Индокитае: подверженность иностранным влияниям, конспиративность, склонность к заговорам, амбициозность и авантюризм.

К началу 1930-х годов во Вьетнаме существовало множество мелких марксистских группировок и еще больше — революционеров, страдавших вождизмом. Хо Ши Мин взял ситуацию под контроль, подмяв конкурентов своими коминтерновскими полномочиями. В феврале 1930 года он собрал в Гонконге делегатов левых групп и учредил Коммунистическую партию Вьетнама.

Неожиданно это решение вызвало язвительный упрек Коминтерна, который обвинил вьетнамских коммунистов в игнорировании пролетарского интернационализма. Исполком Коминтерна исходил из того, что Французский Индоки-

тай и политически, и географически представлял собой единое целое, поэтому возложил на вьетнамских коммунистов ответственность за дело коммунизма не только во Вьетнаме, но и в Камбодже с Лаосом.

Хо Ши Мин исправил допущенный ляпсус, переименовав свою организацию в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК). Чтобы все всем было понятно, руководители КПИК направили «Письмо товарищам в Камбодже», в котором подчеркивалось: «Нет вопроса об отдельной камбоджийской революции. Есть только единая индокитайская революция. Поскольку Индокитай находится под властью одного [французского] империалистического правительства, то все революционные силы должны быть объединены и сгруппированы под руководством единой партии - Коммунистической партии Индокитая. Камбоджа не имеет права на отдельную коммунистическую партию. ... Это приведет в западню политики расового разделения, проводимой империализмом».

Вьетнамские коммунистические группы начали было пропагандировать марксизм в Камбодже. Параллельно с ними действовали китайские курьеры, доставлявшие в Индокитай коммунистическую литературу из южно-китайских торговых портов, куда марксистские издания завозились, в основном, из Франции. Благодаря усилиям китайских агитаторов, в апреле 1930 года в Камбодже среди местных китайцев — хуацяо — были созданы коммунистические ячейки, считавшиеся заграничными организациями Компартии Китая, а также Всеобщий союз камбоджийских рабочих, объединявший пролетариев китайского происхождения. Летом 1930 года среди китайцев, проживавших в Камбодже, распространялись листовки с призывами к борьбе против «колониального гнета Франции и за улучшение материального положения трудящихся». Французские колониальные власти приписали эту акцию «китайской коммунистической группе, связанной с вьетнамскими коммунистическими организациями».

Что касается флегматичных кхмеров, то они оставались равнодушными к коммунистической пропаганде. И без революционных потрясений им неплохо жилось под элегантным французским протекторатом.

Хо Ши Мин принялся за бурное организационное строительство. Руководство КПИК принимало решения о создании в Камбодже Союза молодежи, Красных профсоюзов, Красных крестьянских союзов и Союза женщин. Но все эти союзы так и остались мертворожденными. Привлечение кхмеров в ряды КПИК превратилось в трудноразрешимую проблему. Хо удалось создать партячейки только среди вьетнамцев, работавших в Камбодже на каучуковых плантациях.

На пост руководителя кхмерской секции КПИК все-таки нашли кхмера — электрика, женатого на вьетнамке. В историю он вошел под странным именем (или кличкой) Бен Крохом. «Крохом», в переводе с кхмерского языка, означает «красный». За распространение листовок в поддержку советов трудящихся во Вьетнаме «красного Бена» арестовали и приговорили к полутора годам тюремного заключения. На этом его партийная карьера закончилась. Вьетнамцы нашли нового руководителя — рыбака, этнического кхмера из Южного Вьетнама.

Коммунистическая пропаганда не принесла ощутимых результатов. К 1934 году в Камбодже существовало семь-восемь ячеек КПИК, в которых насчитывалось около ста коммунистов, в основном, вьетнамцев. Несмотря на все усилия Хо Ши Мина, в 1938 году кхмерская секция КПИК фактически прекратила свою деятельность из-за малочисленности и пассивности ее членов.

Коммунизм оставался для Камбоджи чуждой и непонятной идеологией. Кроме того, кхмеров отпугивала позиция КПИК по вопросу о будущем Индокитая. Вьетнамские коммунисты мечтали о создании Союза Советских Республик Индокитая, который бы стал частью Мирового Союза Советов.

В марте 1935 года тезисы о Союзе Индокитайских Советских Республик одобрил первый съезд КПИК. В программных документах партии указывалось, что «каждый из индокитайских народов может присоединиться к индокитайскому советскому союзу на основании свободы и равенства», сотрудничая между собой в вопросах внешней политики и обороны, а также имея возможность «наслаждаться полной автономией в рамках своих территориальных пределов». При этом кхме-

ры рассматривались всего лишь как одно из «национальных меньшинств Индокитая».

Идея социалистического федеративного Индокитая была инспирирована принципами национально-территориального устройства СССР. Именно советскую модель Коминтерн рекомендовал использовать всем компартиям, действовавшим на территориях с многонациональным составом населения. И хотя в июне 1941 года пленум ЦК КПИК пришел к выводу о нецелесообразности перенесения советского федеративного опыта на индокитайские реалии, идея вьетнамских коммунистов об индокитайской федерации как призрак бродила по Индокитаю в течение многих десятилетий.

После начала второй мировой войны, 26 сентября 1939 года, французское правительство объявило коммунистическую деятельность незаконной как в самой Франции, так и в колониях. В Индокитае арестовали многих рядовых коммунистов. Руководители КПИК перебрались в Китай, где начали готовиться к партизанской войне.

В начале второй мировой войны ЦК Коммунистической партии Индокитая высказался против военных усилий антигерманской коалиции Франции, Великобритании и США. Хо Ши Мин надеялся, что победа фашистской Германии приведет к развалу французской колониальной империи и у Вьетнама появится возможность обрести государственную независимость. Руководство КПИК также возлагало надежды на милитаристскую Японию, которая вела войну с западными державами под паназиатскими лозунгами борьбы желтой расы с белой.

Лишь после нападения Германии на СССР ЦК КПИК пересмотрел свое отношение к войне, которая теперь характеризовалась как антифашистская, и принял решение о начале «вооруженной борьбы против колониализма и фашизма во всех трех странах Индокитая».

Франция сама вскормила кхмерский национализм. Причем не репрессиями или жестоким подавлением национально-освободительных восстаний, а просветительской деятельностью. Французы нашли, очистили от джунглей и восстановили храмовый комплекс Ангкора. Кхмеры почти забыли о

своем былом величии. Французы напомнили. Они создали в Пномпене два учебных заведения — Буддийский институт и Высшую школу пали, в которых молодые кхмеры скрупулезно восстанавливали славную историю своей родины.

В конечном итоге они пришли к выводу, что Камбоджа заслуживает лучшей доли, и начали популяризировать идею национальной независимости. Французы попытались в зародыше задушить эти поползновения. Но было уже поздно. Семена национального самосознания дали плодоносящие всходы.

В начале 1940-х годов в Таиланде группа камбоджийских националистов учредила движение Кхмер Иссарак («Свободные кхмеры»), декларировавшее своей целью восстановление государственной независимости Камбоджи. Появились группы сопротивления, организовавшие антифранцузские демонстрации и акции неповиновения. Французы провели аресты среди иссараковских активистов, часть которых скрылась в Южном Вьетнаме. Там их обласкали вьетнамские коммунисты, предложив сотрудничество в борьбе против французского колониализма.

Одновременно в Камбодже появились доморощенные коммунистические лидеры, сумевшие организовать вступление кхмеров в КПИК. Это были Сон Нгок Минь и Ту Самут. Оба — кхмеры, но выходцы из Южного Вьетнама, так называемые кхмае-кром. Оба были буддийскими монахами в одном из монастырей Пномпеня. В 1942 году Сон Нгок Минь и Ту Самут участвовали в политических демонстрациях буддийских монахов против французского колониализма. В 1945 году оба оставили монашество, чтобы посвятить свои жизни политической борьбе в рядах Коммунистической партии Индокитая, в которую они вступили в 1946 году.

10 марта 1945 года японцы сообщили королю Камбоджи Нородому Сиануку о «даровании его стране независимости и освобождении от французского протектората». После этого политбюро ЦК КПИК выпустило постановление «Франко-японский конфликт и наши действия», в котором формулировалась задача захвата политической власти в странах Индокитая. Вьетнамским коммунистам это удалось сделать на севере Вьетнама, где они провозгласили Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ) во главе с Хо Ши Мином.

Лидеры Кхмер Иссарак надеялись закрепить независимость Камбоджи при поддержке Токио. Однако великие державы рассудили по-своему. Летом 1945 года на Потсдамской конференции государства-победительницы, члены антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания и Франция), договариваясь о разделе сфер влияния, решили восстановить в Индокитае довоенный статус-кво, то есть колониальное господство Франции. Это решение спровоцировало первую индокитайскую войну.

Стремясь вовлечь в антифранцузское вооруженное сопротивление людей разных политико-идеологических взглядов, 11 ноября 1945 года вьетнамские коммунисты объявили о самороспуске Коммунистической партии Индокитая. В действительности партия ушла в подполье. 25 ноября 1945 года появилось постановление ЦК КПИК «Война сопротивления и строительство Родины», в котором определялась главная задача партии — «борьба против агрессии французских колонизаторов».

С 1946 года Кхмер Иссарак начал партизанские действия против французских войск в Камбодже. Вооруженная борьба проходила в специфических условиях, которые обусловливались личностью Нгуен Биня, командующего

Коммунистическими силами в Южном Вьетнаме. Революционер-одиночка Нгуен Бинь сочетал в себе черты борца против колонизаторов и обычного бандита и не походил на прочих вьетнамских коммунистов. Бинь не чуждался женского общества, любил выпить и покутить. В 1947 году тяжело раненого Биня в полуобморочном состоянии приняли в КПИК, а в январе 1948 года президент ДРВ Хо Ши Мин присвоил ему звание генерала. Руководства ДРВ стремилось использовать вооруженные формирования Нгуен Биня для отвлечения французских войск от боев на севере Вьетнама.

По приказу Ханоя в августе-сентябре 1950 года Бинь развернул тотальное наступление в Южном Вьетнаме, но его отряды были разгромлены французами и загнаны в Камбоджу. К тому моменту Хо Ши Мин уже не нуждался в услугах неуправляемого революционера-анархиста. Поэтому из Ханоя к Биню подослали двух политработников, которые его застре-

лили. Трагическая судьба Нгуен Биня не могла не заронить в души кхмерских коммунистов семена недоверия к вьетнамским товарищам. В угоду собственным интересам Ханой без сожаления пожертвовал соплеменником. Было ясно, что при необходимости вьетнамцы могут предать и своих коммунистических партнеров в Камбодже.

Первые серьезные политические разногласия между вьетнамскими и кхмерскими коммунистами проявились в 1950 году, когда вьетнамцы предложили объединить национально-освободительные силы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи в единую организацию под председательством Хо Ши Мина. Представители Кхмер Иссарак отклонили вьетнамское предложение, аргументируя свою позицию тем, что национально-освободительное движение в Камбодже «пока еще не контролирует половину территории страны», поэтому «выборы председателя Индокитайской коммунистической федерации будут незаконными». Сошлись на обтекаемой формулировке о совместных действиях, которые проявились в формировании смешанных вьетнамо-кхмерских боевых подразделений.

В начале 1950-х годов американские разведывательные источники оценивали силы антифранцузского сопротивления в Камбодже в 8 700 бойцов. Любопытно, что кроме вьетнамцев в партизанских отрядах Кхмер Иссарак было около двухсот немцев, вероятнее всего, дезертиров из французского иностранного легиона, а также примерно триста коммунистов-японцев, именовавших себя новыми китайцами. На одной трети территории Камбоджи, контролировавшейся иссараковцами, проживало около миллиона человек из примерно шестимиллионного камбоджийского населения.

Однако положение в Камбодже не вызывало у французов особого беспокойства. Отряды Кхмер Иссарак были настолько плохо вооружены и слабо организованны, что даже камбоджийская королевская армия, не намного превосходившая иссараковцев по подготовленности, оснащенности и численности, вполне справлялась с поддержанием порядка в стране.

Тем не менее, король Сианук, требуя от западных государств предоставления Камбодже независимости, решил припугнуть их перспективой полной победы коммунистов в

странах Индокитая. В марте 1953 года Сианук сообщил правительству Франции, что если Париж не пересмотрит свою позицию по вопросу о камбоджийской независимости, то вся Камбоджа превратится в повстанческий лагерь.

Эти угрозы возымели действие. 9 ноября 1953 года французская колониальная администрация передала всю полноту власти в Камбодже королевскому правительству.

Юридически независимость Камбоджи была закреплена в решениях международной конференции, посвященной мирному урегулированию проблем Индокитая, проходившей в 1954 году в Женеве. В конференции участвовали министры иностранных дел Великобритании, СССР, Китая, США и Франции, делегации социалистической Демократической Республики Вьетнам и капиталистической Республики Южного Вьетнама, королевских правительств Камбоджи и Лаоса. Представителей Кхмер Иссарак приглашали лишь на об- суждение второстепенных вопросов.

В соответствии с Женевскими соглашениями в августе-сентябре 1954 года были расформированы отряды Кхмер Иссарак. Остававшиеся в Камбодже иссараковцы получили возможность создать легальную политическую партию — Прочиечун («Народ»). Этому активно способствовал глава советской делегации на Женевской конференции, министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, который выступал за трансформацию движения Кхмер Иссарак в легальную политическую партию социалистической ориентации.

Первая индокитайская война завершилась поражением Франции, восстановлением независимости королевств Лаоса и Камбоджи, а также разделением Вьетнама на два враждебных государства — социалистическую Демократическую Республику Вьетнам и капиталистическую Республику Южного Вьетнама.

УВИДЕТЬ ПАРИЖ И СТАТЬ МАРКСИСТОМ

Пока партизанские отряды Кхмер Иссарак сражались за независимость Камбоджи, в камбоджийской глубинке появлялась свежая поросль будущих «красных кхмеров».

Волею случая целеустремленные подростки из разных провинций Камбоджи оказались вместе в одном из лучших учебных заведений Пномпеня. Занятия в лицее Сисоват проводились на французском языке, и учащихся поощряли общаться между собой по-французски. Они должны были стать европеизированной элитой Камбоджи. Этому способствовала западная учебная программа. Лицеисты изучали всемирную литературу, историю, географию, математику, философию и другие науки. В свободное время занимались экзотичными для Камбоджи видами спорта — играли в футбол и баскетбол.

Всестороннему развитию учащихся способствовало и обучение игре на различных музыкальных инструментах. Так, например, Салот Сар, позднее принявший революционный псевдоним Пол Пот, играл на скрипке. В спектаклях любительского театра, репертуар которого состоял из классических пьес французской драматургии, блистали будущий министр информации полпотовской Демократической Кампучии Ху Ним и главный идеолог кооперативного сельскохозяйственного коммунизма Ху Юн. Рядом с ними своим честолюбием и высокомерием выделялся будущий председатель Государственного президиума (глава государства) Демократической Кампучии Кхиеу Самфан. Несколько особняком держался молодой человек по имени Йенг Сари — будущий вице-премьер и министр иностранных дел Демократической Кампучии. Он говорил по-кхмерски с вьетнамским акцентом, поскольку родился в Южном Вьетнаме, в среде тамошнего кхмерского национального меньшинства кхмае-кром, в

семье преуспевающего землевладельца. После смерти отца мальчика отправили в Камбоджу к родственникам, которые дали ему новое имя — Йенг Сари, более кхмерское, чем его настоящее — Ким Транг. Комплексуя по поводу своего происхождения, Йенг Сари учился прилежнее других и вскоре стал лучшим учащимся лицея по математике.

Постепенно Йенг Сари увлекся политикой и в 1946 году создал и возглавил первую в своей жизни политическую организацию с претенциозным названием — За освобождение Камбоджи от французского колониализма. Динамичного, сообразительного и коммуникабельного Йенг Сари вскоре приметили руководители Демократической партии.

Демократическая партия Камбоджи представляла собой камбоджийский филиал Социалистической партии Франции. Основатель и руководитель партии принц Ютхевонг пятнадцать лет прожил во Франции. Там он защитил докторские диссертации по математике и астрономии, увлекся марксистскими идеями. Ютхевонг вступил в Социалистическую партию Франции, а при создании Демократической партии Камбоджи советовался с деятелями Социнтерна. В секретном донесении правительству Франции французский верховный комиссар Камбоджи предупреждал о необходимости обратить внимание на деятельность и личность принца, «который во многом напоминает Хо Ши Мина».

В июле 1947 года Ютхевонг скоропостижно скончался. По одной из версий, его отравили агенты французской тайной полиции Сюрте. Несмотря на потерю лидера, в 1947 году Демократическая партия выиграла первые в истории Камбоджи парламентские выборы, получив в Национальной ассамблее пятьдесят из семидесяти пяти депутатских мест. В тот год Пол Пот и Йенг Сари работали в избирательном штабе Демократической партии.

Заняв доминирующее положение в общественной жизни Камбоджи, Демократическая партия за государственный счет (точнее за счет стипендий французского правительства) отправила группу молодых кхмеров на учебу во Францию. Предполагалось, что по возвращении на родину они займутся ее модернизацией. В сентябре 1949 года будущие лидеры

«красных кхмеров» — Пол Пот, Йенг Сари и их соратники - прибыли в Марсель, откуда отправились в столицу Франции. В Париже кхмерские студенты оказались среди французских коммунистических пропагандистов в городе с многочисленным рабочим классом, с интеллигенцией, зачитывавшейся марксистской литературой, и с легальной коммунистической партией.

Французская коммунистическая партия завоевала доверие пришельцев из Камбоджи, последовательно выступая против колониальной войны Франции в Индокитае. Этот период был отмечен расцветом ФКП, появлением в Восточной Европе системы социалистических государств во главе с Советским Союзом, победой коммунизма в Китае и конфронтацией между коммунистическими и антикоммунистическими армиями в Корее. Многим молодым кхмерам и французам коммунизм представлялся могучей силой, способной уничтожить несправедливости капиталистического мира.

В Париж попали лучшие выпускники лицея Сисоват, в том числе Пол Пот, Йенг Сари, Кхиеу Самфан, Ху Юн и Ху Ним. Вскоре они подружились с четырьмя братьями Тхиун, которые много лет спустя получили ответственные посты в правительстве полпотовской Демократической Кампучии.

Тхиун Тхийен и Тхиун Чум в 1942—45 годах учились в Ханое. После войны, в 1946 году, они отправились на учебу в Париж. Там Тхиун Тхийен получил степень бакалавра медицины, а Тхиун Чум стал доктором права. Их старший брат, Тхиун Мум, специализировался в прикладных науках и сделал блестящую академическую карьеру. Тхиун Мум углубленно изучал марксизм и анализировал социально-классовые противоречия камбоджийского общества с марксистских позиций. До 1970 года он оставался в Париже, занимаясь коммунистическим воспитанием кхмеров, приезжавших на учебу во Францию. Самый младший, красавчик Тхиун Прасит, энциклопедически образованный, с безупречными манерами впоследствии представлял Демократическую Кампучию в Организации Объединенных Наций.

Братья Тхиун происходили из знатного, влиятельного и богатого аристократического клана Камбоджи. Их дедушка

сколотил состояние, будучи министром по делам дворца при королях Нородоме, Сисовате и Монивонге, а отец стал первым камбоджийцем, получившим университетское образование во Франции.

Вообще в Париже собрались молодые кхмеры, которых при других обстоятельствах можно было бы назвать «золотой молодежью» или «сливками» камбоджийского общества.

Тот же Пол Пот (Салот Сар) родился 19 мая 1925 года в деревне в провинции Компонгтхом, в многодетной (Пол Пот был самым младшим, седьмым ребенком), но зажиточной семье. Это была довольно знатная китайско-кхмерская семья, имевшая близкие связи с членами камбоджийской королевской фамилии. Король Монивонг, правивший в 1927—1941 годах, посещал родительский дом Пол Пота. В королевских хрониках родственники Пол Пота упоминались с 1925 года. Кузина Пол Пота была танцовщицей во дворце, а затем стала одной из главных жен Монивонга. А старшая сестра Пол Пота, которую звали Сарынг, с пятнадцати лет была наложницей того же Монивонга. Дети кузины и сестры Пол Пота становились принцами и принцессами разветвленной королевской династии. Старший брат Пол Пота, Лот Суонг, служил секретарем королевской канцелярии, где ведал протокольными вопросами.

Родители отправили Пол Пота к старшему брату в Пномпень в 1931 или 1932 году, в возрасте шести лет. В столице Пол Пот шесть лет учился в элитной католической школе. Живя в семье старшего брата, Пол Пот имел свободный доступ в королевский дворец. В возрасте шестнадцати лет, в 1941 году, Пол Пот поступил в высшую школу в городе Компонгчам, а через четыре года вернулся в Пномпень.

Кхиеу Самфан был сыном главного судьи одной из крупнейших и богатейших провинций Камбоджи. Да и остальные будущие лидеры «красных кхмеров» в детстве не бедствовали. За очень редким исключением. Например, нищие родители Ху Нима из-за невозможности прокормиться отдавали детей приживальщиками в буддийские монастыри. Ху Ним считал своим приемным отцом воспитавшего его монаха. Вероятно, это был его родной дядя, который всю жизнь провел монахом в буддийском монастыре.

В мужскую компанию будущих лидеров «красных кхмеров» органично вписались две девушки, сестры Кхиеу, Поннари и Тхирит, выросшие в том же квартале Пномпеня, что и отпрыски монаршей фамилии. И в школе, и в лицее сестры были лучшими ученицами. Поннари первой среди камбоджийских женщин получила степень бакалавра, а Тхирит в молодости много путешествовала по Европе, изучала творчество Шекспира.

Вскоре Тхирит стала женой Йенг Сари. А Поннари вышла замуж за Пол Пота, несмотря на то, что была на восемь лет старше своего суженого. В начале 1950-х годов Пол Пот был тихим, скромным, застенчивым и очаровательным молодым человеком. Возможно, что Поннари просто женила на себе прелестного юношу. Официально Пол Пот и Кхиеу Поннари оформили свой брак уже в Камбодже, 14 июля 1956 года.

Молодые аристократы составили костяк кружка кхмерских студентов по изучению марксизма. Со свойственным молодости энтузиазмом они обсуждали труды классиков марксизма-ленинизма. В ходе дискуссий вырабатывалась кхмерская политическая терминология. Члены кружка искали или придумывали эквиваленты специфическим коммунистическим терминам в кхмерском языке. Кружковцы издавали рукописный бюллетень «Свет», в котором отражался ход дискуссий.

Очень быстро молодые кхмерские марксисты попали в сферу пристального внимания французской компартии, которая придавала исключительное значение работе с выходцами из колоний. Не кто иной, как легендарный Морис Торез, генеральный секретарь ЦК ФКП, благословил кхмерских студентов, вставших на тернистый путь политической борьбы во имя коммунистических идеалов. В 1951—1953 годах более десяти членов марксистского кружка, в том числе Пол Пот, Йенг Сари, Кхиеу Самфан, Тхиун Мум, Тхиун Прасит, Ху Юн, вступили в ряды Французской коммунистической партии, сблизившись с радикальной внутрипартийной группой «Искра».

Свою политическую деятельность новоиспеченные члены ФКП начали с захвата руководящих постов в Ассоциации кхмерских студентов во Франции, которая в 1946 году создавалась как аполитичное объединение всех кхмерских сту-

дентов, независимо от их идеологических воззрений. Политизация Ассоциации началась после того, как ее председателями поочередно избирались Йенг Сари и Ху Юн. На собрания кхмерских студентов зачастили функционеры ФКП, а рядовым членам Ассоциации вменялось в обязанность распространение газеты «Юманите», печатного органа ФКП. В 1953 году правительство Франции запретило деятельность Ассоциации из-за ее антиколониальных выступлений. С этого времени члены парижского марксистского кружка кхмерских студентов находились под наблюдением французских спецслужб.

В том же 1953 году вместо Ассоциации создается Союз кхмерских студентов, председателем которого избрали Йенг Сари, а его заместителями — Тхиун Мума и Кхиеу Самфана. Чуть позже Йенг Сари стал представителем Союза при ФКП.

Постепенно парижские кхмерские марксисты размежевались на две группировки: радикальную и умеренную.

Радикалы во главе с Пол Потом и Йенг Сари настроились на решительную революционную борьбу, войдя в политические разногласия с ФКП. Радикалы считали, что, если необходимо, то власть в Камбодже надо брать путем революционного насилия. В то время как руководители ФКП полагали, что кхмерские коммунисты должны прийти к власти мирным путем, через всеобщие выборы при поддержке народных масс.

Радикалы учредили Комитет за независимость Камбоджи, который решительно требовал предоставления Камбодже государственной независимости.

В 1952 году король Сианук получил из Парижа письмо с обвинениями «в удушении демократии и предательстве национальных интересов». Это послание подписали Йенг Сари, Пол Пот, Ху Юн, Кхиеу Тхирит, Тхиун Мум и другие кхмерские студенты. В том же году Ассоциация кхмерских студентов во Франции выпустила специальный номер журнала «Кхмерский студент», в котором Сианук и его политика подвергались резкой критике. Особенно выделялась статья Пол Пота под названием «Монархия или демократия?», в которой содержалась яростная критика монархического режима и апологетика демократических прав и свобод. Пол Пот с восхи-

щением описывал деятельность могильщиков французской монархии Робеспьера и Дантона, китайской — Сунь Ятсена и российской — Ленина.

Резкие выступления молодых кхмерских марксистов против камбоджийской монархии обусловливались тем, что они считали королевский мандаринат главным виновником страданий Камбоджи под гнетом французского колониализма, поскольку во второй половине XIX века король Анг Дуонг добровольно принял протекторат Франции. Поэтому Пол Пот и его товарищи встали на путь революционной борьбы с целью свержения «феодально-монархического режима эксплуатации народных масс».

Сианук утверждал, что коммунистическая обработка обучавшихся во Франции кхмерских студентов морально и финансово стимулировалась коммунистическими партиями крупных стран. Пномпеньская франкоязычная газета «Депеш» выступила с критикой деятельности ФКП в среде кхмерских студентов: «Французская коммунистическая партия имеет полное право обращать людей в свою веру, но исключительно французов, а не гостей Франции. Преобразование наших людей во Франции является непристойным злоупотреблением нашим доверием. Это связано с западной традицией миссионерства, которую мы считаем неприемлемой».

В итоге Сианук лишил государственной стипендии своих критиков среди кхмерских студентов во Франции. Так и недоучившись на радиотехника, Пол Пот в январе 1953 года вернулся в Камбоджу.

Умеренные члены марксистской группы — Ху Юн, Ху Ним и Кхиеу Самфан — полагали, что существует объективная основа для сотрудничества с королевским правительством — неприятие Сианук капитализма как модели модернизации Камбоджи. Сианук выдвинул собственную концепцию развития страны — кхмерский буддийский социализм. Ху Юн, Ху Ним и Кхиеу Самфан надеялись, что легальная левая оппозиция сможет сыграть определяющую роль при выработке государственной политики Камбоджи.

Ху Юн и Кхиеу Самфан были прилежными студентами, серьезно изучали экономику. В парижской Сорбонне Ху Юн

защитил докторскую диссертацию по теме «Сельское хозяйство Камбоджи и проекты его модернизации», а Кхиеу Самфан — тоже докторскую диссертацию по теме «Экономика Камбоджи и проблемы ее модернизации». Научные изыскания молодых кхмерских марксистов заметила солидная французская интеллигенция. Ху Юна и Кхиеу Самфана причислили к перспективным прогрессивным мыслителям Камбоджи. В 1961 году престижный Центр по изучению международных отношений в Париже отметил «теоретический вклад в дело развития камбоджийской демократии» двух будущих лидеров «красных кхмеров» — Кхиеу Самфана и Ху Юна.

В своих научных трудах Ху Юн сравнивал два типа экономических систем, именуя одну «природной» (или «естественной»), а другую «товарной»: «Природная — это такая система экономики, при которой не требуется денег, а производство ведется только для удовлетворения самых насущных потребностей крестьян и членов их семей. Производство необходимых продуктов питания и кустарное производство в семье — единственный фактор развития производительных сил. В товарной же экономике производство ведется не только для удовлетворения потребностей семьи, но и для продажи. Растущее производство порождает торговлю, которая, в свою очередь, ведет к неравенству целых регионов. ... Первый тип экономики примитивен, но зато в нем нет эксплуатации, сохраняется равенство среди крестьян, они не зависят от внешних сил». Ху Юн явно отдавал предпочтение природной, естественной экономике.

В политических построениях Ху Юн делал ставку на беднейшее крестьянство как на «главный революционный, заинтересованный в переменах класс Камбоджи». Ему было присуще душевное отношение к кхмерскому крестьянству: «Этот класс эксплуатируют более всех. Сам он никого не угнетает. У него высокая мораль и нравственность. Его интересы естественны, ему не свойственны плохие и антигуманные действия, он не имеет необходимости и привычки лгать. ... Этим классом движут только самые чистые и честные стремления».

Главными эксплуататорами крестьянства Ху Юн считал ростовщиков, наиболее многочисленную и богатую капитали-

стическую прослойку Камбоджи. Подчеркивая пагубное влияние ростовщичества, он приходил к следующим выводам: «В области общественных отношений ростовщичество и аренда земли ведут к тому, что часть крестьян находится на грани полного разорения, а многие попадают в рабство. В экономике ростовщичество препятствует развитию производительных сил, которые определяют социально-экономический и культурный прогресс страны. Ростовщичество и аренда земли уменьшают и сужают внутренний национальный рынок страны, а это не позволяет нашей промышленности и ремеслам быстро развиваться. ... Что же касается ростовщиков — хозяев земли и капитала, то они транжирят свои средства на приобретение товаров иностранного производства».

Ху Юн уловил наиболее серьезную проблему камбоджийского общества — антагонизм между многочисленными крестьянскими массами, сохранившими архаично-общинные отношения, и интенсивно развивавшимся капитализмом в городах. Суть эксплуатации крестьянства Ху Юн определил следующим образом: «То, что мы обычно называем городом или рынком, на самом деле — огромный насос, который выкачивает жизненные силы из кхмерской деревни. Необходимые для крестьянства товары, которые поставляет город, являются как бы наживкой. В действительности же деревня дает городу больше, чем получает от него. Такой неравноправный обмен между городом и деревней сильнее всего бьет по наиболее бедным слоям в сельской местности. Город — это враг, вместо того, чтобы помогать деревне, город ее безжалостно эксплуатирует. <...> Способы и орудия труда в хозяйствах крестьян-бедняков не изменились. Современная техника совершенно не используется. Кхмерский крестьянин не обеспечен полностью даже простыми традиционными орудиями труда».

Ху Юн искал возможность преодоления противоречий между городом и деревней путем кардинальных социально-экономических реформ в сельском хозяйстве — через кооперирование крестьянства к социализму, минуя стадию капитализации сельскохозяйственного производства. В производственных и снабженческо-сбытовых кооперативах Ху Юн видел катализатор социально-экономического развития Камбоджи:

«Кооперативы помогут разрешить все нынешние трудности, принесут большую пользу крестьянам, приведут к всемерному применению достижений науки и техники в сельском хозяйстве, значительно поднимут уровень жизни крестьян. Прекратится разорение многих жителей кхмерской деревни, их превращение в лиц наемного труда, находящихся на службе у владельцев капитала. В кооперативах крестьяне станут хозяевами земли, сельскохозяйственного инвентаря, своего труда и собственной судьбы».

Главным при создании кооперативов должен был стать принцип самообеспечения: «Сельхозкооперативы должны опираться на собственные силы, должны развиваться на своей основе, на основе своих собственных орудий сельскохозяйственного производства».

Ху Юн подчеркивал необходимость введения в кооперативах «демократического, свободного строя», воспитания у крестьян новых чувств и взглядов: «Их идеологией должна стать коллективистская идеология кооператива, где нет классовых различий, привилегированных слоев, где никто не имеет личных выгод и все движимы общим интересом». Ху Юн видел миссию кхмерской интеллигенции в подвижнической работе среди крестьянства с целью «положить конец пагубному влиянию предшествующей системы воспитания и привить крестьянам новое миропонимание».

Научные разработки Ху Юна стали теоретическим базисом для создания сельскохозяйственных коммун в полпотовской Демократической Кампучии.

Кхиеу Самфан, имевший в 1960-е годы репутацию одного из наиболее авторитетных экономистов Камбоджи, считал главным препятствием на пути промышленного развития страны характер внешней торговли Камбоджи. А также международную интеграцию, под которой он понимал, во-первых, проникновение в Камбоджу иностранного капитала, и, во-вторых, зависимость экспорта Камбоджи от мировых цен на ее продукцию, определяемых государствами Запада.

По мнению Кхиеу Самфана, в кхмерской деревне международная интеграция вела к усилению и консервации докапиталистических структур, а в городе — к росту «паразити-

ческого потребления иждивенческих слоев городского населения». Кхиеу Самфан полагал, что дальнейшая интеграция камбоджийской экономики в мировой капиталистический рынок приведет к полной зависимости Камбоджи от развитых стран Запада, так как, обладая абсолютным преимуществом в производстве различного оборудования, они смогут произвольно снижать рыночную стоимость товаров камбоджийского экспорта: «Чем больше страна будет втягиваться в мировую торговлю, тем больше будет возрастать эксплуатация кхмерского крестьянства владельцами земли и капитала, заинтересованными в расширении экспорта».

Кхиеу Самфан обосновывал необходимость автономного экономического развития для Камбоджи: «Проблема индустриализации Камбоджи представляется, прежде всего, как проблема предварительного, фундаментального выбора — развитие в рамках международной интеграции или автономное развитие. ... Выбрать развитие в рамках международной интеграции — значит подвергнуться воздействию механизма, при котором ремесленное сословие атрофируется, докапиталистическая структура укрепляется, в то время как экономическая деятельность страны односторонне ориентируется на производство экспортной продукции. ... Экономическая структура страны, остающейся слаборазвитой, подгоняется под потребности экономически господствующих, развитых стран».

Выступая за автономное экономическое развитие, Кхиеу Самфан критиковал практику, при которой доход, получаемый камбоджийскими капиталистами от продажи сельхозпродукции Камбоджи, не вкладывался в развитие национальной промышленности, а уходил на покупку за рубежом ненужных стране товаров: «Накопленный капитал тратится на приобретение предметов роскоши иностранного производства, увеличивая и без того большой дефицит торгового баланса страны».

Кхиеу Самфан считал жизненно необходимым изменение связей Камбоджи с внешним миром и предлагал преобразовать внешнюю торговлю таким образом, чтобы она ускоряла промышленное развитие Камбоджи: «Мы надеемся получить

выгоду от накопленных столетиями технических нововведений в развитых странах». Вместе с тем, он считал необходимым национализацию торговли такими товарами, как рис и каучук, что позволило бы контролировать большую часть внешнеторгового оборота Камбоджи. Финансово-банковский сектор также должен был оставаться под контролем государства.

После создания защитных механизмов, исключавших негативное внешнее влияние на экономику Камбоджи, Кхиеу Самфан предлагал переходить к индустриализации сельскохозяйственного производства. Таким способом создавалась бы материальная основа для превращения Камбоджи в аграрно-мануфактурно-торговое государство.

Для Кхиеу Самфана были характерны антизападнические настроения. Он полагал, что человек по сути своей добр и чист, но «нравы западного общества потребления его портят и развращают, поэтому лишь очень простая социальная организация общества даст возможность сохранить природную чистоту человека».

Научные разработки Кхиеу Самфана стали теоретическим базисом для планов индустриализации демократической Кампучии.

Третий из этой когорты — Ху Ним — не столько идеолог, сколько пламенный трибун. Он был лично знаком с французскими литераторами Арагоном и Сартром, переводил их произведения на кхмерский язык, сам писал неплохие стихи.

Будучи специалистом по таможенному праву, в 1965 году Ху Ним защитил докторскую диссертацию по теме «Общественные и экономические службы Камбоджи» на юридическом факультете университета Пномпеня под руководством французского профессора Франсиса Доре. В своей работе Ху Ним сформулировал рекомендации по улучшению таможенной службы Камбоджи. Обосновывая тезис об опоре на собственные силы, Ху Ним призывал к отказу от иностранной помощи и сокращению торговли Камбоджи с зарубежными странами, ибо через торговлю «империалисты проникают в страну, закабаляя ее». Азиатские страны, избравшие путь капиталистического развития, Ху Ним называл рабами империализма.

Обучавшиеся во Франции кхмерские интеллектуалы сформулировали стройную концепцию создания кхмерского государства, свободного от всякого иностранного влияния. Исчезновение городов, буржуазии и даже религии как иностранного явления представлялись им необходимыми предпосылками для преобразования камбоджийского общества на основах сельской демократии. Они ратовали за возвращение к исконному кхмерскому обществу, которое на протяжении столетий извращалось и разрушалось всеми сменявшими друг друга формами государственного устройства, возникавшими на основе идей, заимствованных извне — из Индии, Китая и Европы. Молодые кхмерские интеллектуалы сочетали марксистское представление об истории с концепцией французского просветителя Руссо о преимуществах примитивной формы демократии первобытных племен.

Кхмерские левые интеллектуалы находили подтверждение правильности своих взглядов в реконструкции камбоджийской истории, сделанной французскими ориенталистами, которые возлагали на монархию вину за все зло, веками творившееся в Камбодже. Тем самым, французские историки косвенно обосновывали оправданность революционной борьбы с монархическим режимом и иноземным колониализмом, который в современных условиях трансформировался в неоколониальный империализм и который использовал королевскую власть в своих корыстных интересах.

Концепция будущих лидеров «красных кхмеров» как бы обретала дополнительное обоснование в спорах французских историков относительно природы тех стран в Юго-Восточной Азии, которые политически и духовно развивались по индийским образцам и которые иногда именовались индуизированными королевствами. Французские ориенталисты полагали, что кхмер — это «индуизированный абориген, приобщенный к цивилизованному миру индуизма и буддизма». А истинный кхмер — это дикарь, живущий племенной жизнью в джунглях вне сферы прямого влияния власти. Возвращаясь из военных походов, королевские войска приводили в города пленников-рабов, тех самых аборигенов, которые затем становились цивилизованными кхмерами через интегра-

цию в государственную и культурную жизнь, импортированную из Индии.

В 1950-е годы теоретические выкладки молодых кхмерских марксистов многими воспринимались как несерьезная студенческая политическая забава. Но после возвращения в Камбоджу они решили воплотить свои идеи на практике. В 1963 году Пол Пот ушел из Пномпеня в джунгли, где стал жить среди дикарей, сохранивших в своей племенной жизни «чистоту первородных кхмеров, не испорченную королевством, буддизмом, деньгами и другими импортированными иностранными идеями и инструментами разложения».

Пол Пот придал примитивной демократии диких племен значение универсальной категории. Когда «красные кхмеры» пришли к власти, то их ностальгия по демократической сельской общине нашла свое отражение в нестандартном наименовании нового государства — «Демократия Кампучии», которое неточно перевели на европейские языки как «Демократическая Кампучия». Борьба «красных кхмеров» с иностранным влиянием проявилась и в изменении международного названия страны — с Камбоджи на Кампучию. На самом деле «Камбоджа» — это европейская транскрипция наименования страны, которая на кхмерском языке всегда произносилась и произносится как «Кампучие».

После возвращения в Камбоджу радикалы из парижского марксистского кружка работали учителями в различных учебных заведениях Пномпеня. Например, Пол Пот преподавал историю, географию и мораль в одном из частных лицеев, поражая учеников глубоким знанием французской литературы, цитируя по памяти поэтов XIX века: Рембо, Верлена, Виньи и других. Одним из его любимых авторов был французский философ-просветитель XVIII столетия Жан-Жак Руссо.

При этом Пол Пот интенсивно занимался революционной пропагандой и вербовкой сторонников среди учащейся молодежи. Ему приписывается крылатое изречение: «Незараженные буржуазными идеями подростки, впитавшие в себя ненависть к угнетателям, составляют лучший материал для партии истинных революционеров». Жена Пол Пота — Поннари — издавала женский журнал «Ниери» («Девушка»), кото-

рый продавался в пномпеньском магазинчике под названием «Маленький Париж». Пол Пот также писал статьи для различных оппозиционных изданий.

Умеренные члены парижской марксистской группы — Ху Юн, Кхиеу Самфан, Ху Ним — включились в легальную политическую деятельность. Все трое сразу же стали заметными фигурами камбоджийского политического ландшафта. Они тоже активно занимались журналистикой. Кхиеу Самфан основал и возглавил франкоязычную газету «Обсерватор».

В 1958 году Ху Юн, Кхиеу Самфан, Ху Ним избираются в Национальное собрание (парламент) Камбоджи. А 22 июля 1960 года в парламенте разгорелись бурные дебаты по поводу избиения Кхиеу Самфана. Предполагалось, что причиной нападения на директора «Обсерватора» стали выступления этой газеты против преподавания в камбоджийских школах на французском языке. Депутаты Ху Юн и Ху Ним потребовали от полиции поймать и строго наказать участников хулиганского нападения на Кхиеу Самфана, а также гарантировать гражданам свободу слова.

Чуть позже глава камбоджийского государства Сианук назначил Ху Юна сначала министром здравоохранения, а затем министром планирования, а Кхиеу Самфана — министром торговли. Ху Ним получил пост заместителя государственного секретаря при канцелярии премьер-министра в ранге министра без портфеля. Одновременно в 1961 году его избрали вице-спикером Национального собрания Камбоджи.

На выборах 1962 года, помимо Кхиеу Самфана, Ху Юна и Ху Нима, в парламент прошли и другие левые интеллектуалы. В новом составе правительства Ху Юн получил пост министра финансов, а Ху Ним стал министром торговли, но позже был заменен Кхиеу Самфаном. Ху Юн, Кхиеу Самфан и Ху Ним попытались провести преобразования социалистической направленности в социально-экономической сфере Камбоджи. Но другие члены правительства не поддержали идеи левых министров: летом 1963 года им пришлось подать в отставку.

К этому времени они уже успели завоевать огромный авторитет среди интеллигенции, молодежи, студенчества. Сианук боялся этой популярности, публично заявляя, что Ху Юн,

Ху Ним и Кхиеу Самфан целенаправленно внедрились во властные структуры с целью их внутреннего разложения. Даже будучи депутатами парламента и членами правительства, Ху Юн, Кхиеу Самфан и Ху Ним находились под наблюдением камбоджийской тайной полиции. Официальная печать распространяла слухи об участии левых парламентариев в сомнительных финансовых операциях, но эти обвинения не подтверждались фактами. В 1966 году Ху Юн, Кхиеу Самфан и Ху Ним с триумфом вновь избираются в Национальное собрание Камбоджи.

ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ

В 1954 году, в соответствии с решениями Женевской конференции, прокоммунистическое, национально-освободительное движение Кхмер Иссарак прекратило свое существование. Около тысячи иссараковцев вывезли в Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ), где они сначала учились в Школе вьетнамско-кхмерской дружбы в Ханое, изучая вьетнамский язык и проходя военно-политическую подготовку.

Затем большинство иссараковцев продолжило обучение в политических, военных и гражданских учебных заведениях Северного Вьетнама. Некоторые из бывших руководителей Кхмер Иссарак назначались на административные посты в различных правительственных структурах ДРВ. Около сотни иссараковцев после окончания военных училищ получили офицерские звания и проходили службу во Вьетнамской народной армии или преподавали в военных училищах, рассказывая курсантам об условиях ведения партизанских действий в джунглях. Некоторые иссараковцы работали в международном отделе Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ). Вьетнамцы формировали из бывших членов Кхмер Иссарак некое подобие «пятой колонны», которую, при благоприятных условиях, предполагалось использовать в Камбодже.

Осенью 1954 года часть иссараковцев, оставшихся в Камбодже, организовали легальную политическую партию Прочиечун («Народ»), которая внешне выглядела организацией общедемократической направленности. В то время в Камбодже в принципе не могла официально существовать коммунистическая партия, поскольку, по конституции Камбоджи, все граждане должны были быть преданными королю. А коммунистическая идеология по своей сути считалась враждебной монархии.

Прочиечун издавала четыре газеты: три — на кхмерском и одну — на французском языках. Осенью 1955 года партия приняла участие в выборах в Национальное собрание Камбоджи. За кандидатов Прочиечун проголосовало примерно 4% избирателей. Итоги парламентских выборов 1958 года оказались еще более плачевными — менее 1% голосов.

В общественной жизни Камбоджи Прочиечун оставалась политическим изгоем из-за своей провьетнамской ориентации. Поэтому ни для кого не стали сюрпризом события января 1962 года, когда по обвинению в шпионаже в пользу Вьетнама арестовали четырнадцать членов руководства Прочиечун во главе с генеральным секретарем ЦК партии Нон Суоном. Руководителям Прочиечун инкриминировался сбор данных о дислокации королевской армии в приграничных с Вьетнамом провинциях. Информация передавалась командованию Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, который с декабря 1960 года вел вооруженную борьбу против южновьетнамского проамериканского режима с целью «постепенного перехода к мирному воссоединению Вьетнама». В мае 1962 года военный трибунал приговорил Нон Суона к смертной казни, которую глава государства Сианук заменил на пожизненное заключение.

Прочиечун фактически прекратила свою деятельность. А о ее лидере Нон Суоне долгие годы ничего не было известно. И лишь после прихода «красных кхмеров» к власти в 1975 году Нон Суон ненадолго вновь оказался на виду в качестве одного из руководителей внешнеторгового ведомства полпотовской Демократической Кампучии.

Репрессии королевского правительства против Прочиечун обусловливались кардинальным изменением ситуации в Индокитае. Противоборство между Демократической Республикой Вьетнам и Южным Вьетнамом переросло в вооруженный конфликт. К 1958 году правительство Республики Южного Вьетнама ликвидировало почти все коммунистические организации на юге Вьетнама. В мае 1959 года пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама, правившей в ДРВ, одобрил курс на вооруженное восстание в Южном Вьетнаме, а в сентябре 1959 года правительство ДРВ официально признало свою

поддержку южновьетнамского повстанческого движения. Сианук опасался, что деятельность Прочиечун может втянуть нейтральную Камбоджу во внутривьетнамский конфликт.

В действительности Прочиечун прикрывала подпольную деятельность кхмерских коммунистов.

В соответствии с решением ЦК КПИК о создании в каждой из стран Индокитая (Вьетнам, Лаос, Камбоджа) отдельных коммунистических партий, 19 февраля 1951 года появилась Кхмерская народно-революционная партия (КНРП). В уставе КНРП указывалось: «Партия является народным авангардом, собирающим вместе все патриотические и прогрессивные силы камбоджийского населения». Официально вьетнамские коммунисты объясняли разделение КПИК на три партии разницей в уровнях экономического, политического, культурного и социального развития трех стран Индокитая. Это, в свою очередь, ставило перед коммунистами каждой из стран различные задачи. Так, цель революции во Вьетнаме состояла в «укреплении народно-демократического режима и переходе к построению социализма». А революционные силы Камбоджи должны были бороться за «установление антиимпериалистического правительства с целью достижения народной демократии».

В 1954 году в КНРП насчитывалось четыре тысячи членов, из которых одну тысячу составляли кхмеры и три тысячи — вьетнамцы, постоянно проживавшие в Камбодже. Сельский комитет КНРП возглавлял Сиеу Хенг, а городской — Ту Самут. Председатель КНРП Сон Нгок Минь находился в эмиграции в Ханое. Вьетнамские коммунисты полностью контролировали КНРП, на что прямо указывалось в документах Партии трудящихся Вьетнама: «Вьетнамская партия сохраняет за собой право проверять деятельность братской партии в Камбодже».

В конце 1950-х годов КНРП переживала кризис. Сиеу Хенг передал полиции документы, свидетельствовавшие о тесном сотрудничестве между КНРП и вьетнамцами. Это послужило основанием для массовых арестов среди кхмерских коммунистов, которые рассматривались как агенты Вьетнама.

К 1960 году в партии оставалось всего двести пятьдесят человек. Деятельность КНРП оказалась парализованной. Воз-

рождение КНРП началось с приходом к руководству партией радикальной группы Пол Пота. Сам Пол Пот (вместе со своим братом Салот Чхаем) вступил в КНРП сразу после возвращения из Франции, в 1953 году.

28-30 сентября 1960 года в товарном вагоне на железнодорожной станции Пномпеня проходил второй съезд КНРП, который сформулировал главную задачу — «организационное и политическое укрепление партийных комитетов с целью повышения эффективности революционной работы». Высшим партийным органом стал центральный комитет. Генеральным секретарем ЦК КНРП избрали Ту Самута, а его заместителем — Нуон Чеа. Пол Пот и Йенг Сари вошли в состав ЦК партии. Пол Пот также возглавил комиссию ЦК КНРП, занимавшуюся проверкой и отбором кадров для парторганизаций всех уровней — от центрального аппарата до первичных ячеек. Кроме того, Пол Пот стал личным секретарем Ту Самута. К этому времени Пол Пот возглавлял партийную организацию Пномпеня. Делегаты съезда переименовали КНРП в Партию трудящихся Камбоджи по аналогии с Партией трудящихся Вьетнама.

В последующие годы продолжилось организационное укрепление партии. В 1961 году создается Организация кампучийских женщин во главе с Кхиеу Поннари (женой Пол Пота), а в 1962 году — Альянс молодежи Демократической Кампучии, что-то типа комсомола.

20 июля 1962 года бесследно исчез генсек Ту Самут. Позже появилась версия, что Ту Самута ликвидировали по инициативе Пол Пота, который стал исполнять его обязанности. 20—21 февраля 1963 года на очередном съезде Пол Пот избирается генеральным секретарем партии, которая в сентябре 1966 года опять переименовывается, на этот раз — в Коммунистическую партию Кампучии.

Коммунистической партии Кампучии (ПКК — аббревиатура с кхмерского языка, «Пак Комуёних Кампучие») были присущи коллективный способ принятия решений, конспиративный характер подбора и расстановки кадров, а также максимальная анонимность: рядовой член партии имел право знать не более десяти партийцев. ПКК создавалась как кад-

ровая партия профессиональных революционеров. Организационная структура имела три уровня: центральный комитет, партийные ячейки профессиональных революционеров, относительно массовое движение. Существование ПКК было засекречено. Использовалось кодовое наименование партии — «Онгка» («Организация»). Законспирированные первичные ячейки ПКК насчитывали не более десяти членов, которые активно работали среди сочувствующих.

В начале 1960-х годов ЦК ПКК приступил к комплектованию военизированных формирований, которые обеспечивали безопасность руководящих партийных кадров, охраняли тайные базы и склады оружия в труднодоступных районах Камбоджи. ПКК издавала и нелегально распространяла газеты «Голос работников физического труда», «Красное знамя» и «Красный свет», журнал «Молодые прогрессисты», брошюры «Очерки о революции».

Представление о деятельности ПКК можно составить на основе учебных инструкций для партийных кадров: «Теоретические дискуссии и самокритика не должны затрагивать массы, ибо классовые враги тотчас воспользуются этим для порождения разногласий. <...> Поэтому кадровые работники должны осуществлять тщательное наблюдение и следить за тем, чтобы не было ни одного сомнения, даже самого маленького, в решениях организации, так как это будет играть на руку контрреволюционерам. Устранение контрреволюционеров и тех, кто является их объективными союзниками, должно быть немедленным. Руководители, которые представляют народ, должны действовать не только от своего имени, но и от имени организации для того, чтобы избежать обвинений в узурпации власти, которые могут быть использованы классовыми врагами и замаскированными контрреволюционерами. Организация представляет народ, Центральный Комитет представляет организацию. <...> Все решения ЦК не подлежат обсуждению. Мобилизация должна быть постоянной, именно мобилизация против классовых врагов оправдывает строгость в организации и системе принятия решений. Классовыми врагами не являются исключительно капиталисты. Ими могут быть также и те, кто попал под влияние буржуаз-

ной пропаганды, независимо от их социального происхождения. ... Главное — действие. Поддержка масс необязательна на первом этапе революции, деятельное меньшинство может играть эффективную роль и убедить народ».

Сам Пол Пот выступал в роли теоретика революционного экстремизма. В его статьях 1950-60-х годов заметны следы серьезного чтения, довольно много ссылок на различные источники, можно проследить увлеченность классиками анархизма. Например, Пол Пот написал эссе, в котором человеческая тяга к оседлости и постоянству подвергалась резкому осуждению: «Все мы начинали свою историю с кочевой жизни, со случайных и непрочных связей. Нельзя создать по-настоящему ничего нового с людьми, у которых первая заповедь — вырыть себе нору и которые большую часть энергии тратят на то, чтобы устроиться лучше и удобнее. Человек — это часть природы, он не должен идти против ее законов. У природы же нет такого закона, из которого следовало бы, что должно быть лучше».

Пол Пот четко представлял себе идеал кхмерского общества. Будущую Камбоджу он видел крестьянской страной, в которой искоренялось всякое иностранное влияние. Для этого необходимо ликвидировать города с их буржуазно-иностранными веяниями: «Освобождение кхмерского народа — это не только борьба патриотических сил против западных стран и их приспешников, это также борьба сельских масс против чужеродного явления — городов, которые символизируют угнетение, ростовщичество и коррупцию. <...> Наличие городов порождает неравенство».

В 1963 году Пол Пот и Йенг Сари ушли в джунгли жить среди племен, совершенно не адаптированных к современным условиям жизни. Позже Пол Пот говорил, что движение «красных кхмеров» «вышло из джунглей отдаленных регионов Камбоджи». Пол Пот подчеркивал, что выходцы из «лесных племен» становились его самыми преданными сторонниками.

В 1965 году Пол Пот впервые посетил Ханой, где встречался с генеральным секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном. Пол Пот договорился с руководителями ДРВ о направлении в шко-

лу партизанской войны под Ханоем боевиков из Камбоджи. В 1966 году спецслужбы ДРВ создали подразделение Р-36, в котором проходили военную подготовку бойцы вооруженных формирований ПКК, в основном кхмае-кром из Южного Вьетнама.

Однако в целом вьетнамцы довольно сдержанно восприняли революционный энтузиазм Пол Пота, поскольку для руководства ДРВ, ведшего изнуряющую войну с Южным Вьетнамом и США, благожелательный нейтралитет королевской Камбоджи имел важное стратегическое значение. Ханой опасался, что его открытая и активная поддержка радикальной ПКК могла подтолкнуть королевское правительство Камбоджи к союзу с США, что существенно затруднило бы для северовьетнамцев ведение боевых действий в Южном Вьетнаме.

Ле Зуан беспощадно раскритиковал революционную наивность Пол Пота и подарил ему книгу Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме». Глубоко оскорбленный Пол Пот затаил обиду на своего вьетнамского коллегу. Вьетнамский отчет о беседе Ле Зуана с Пол Потом заканчивался многозначительной фразой: «Пол Пот покинул встречу, не проронив ни слова». Но в тесном кругу соратников Пол Пот все же проговорился: «Мы должны полностью порвать с Вьетнамом».

В конце 1960-х годов между вьетнамскими и кхмерскими коммунистами вновь проявились серьезные противоречия. Вьетнамцы придерживались плана поэтапной социалистической революции в странах Индокитая: в первую очередь — во Вьетнаме, затем — в Лаосе и напоследок — в Камбодже. ПКК выступала за немедленную революцию в Камбодже.

Несмотря на возражения вьетнамцев, ведомая Пол Потом ПКК предприняла первую попытку самостоятельного вооруженного восстания. Поводом послужили волнения среди этнических меньшинств Камбоджи, начавшиеся в феврале 1967 года. «Лесные племена» проявляли недовольство политикой ассимиляции, проводившейся королевским правительством, которое старалось приобщить их к цивилизации. В марте 1967 года партийная конференция ПКК оценила обстановку как революционную ситуацию и одобрила курс на «вооруженное восстание против правящего класса Камбоджи».

Об этих планах ПКК вьетнамцы узнали только в октябре 1967 года, когда случайно перехватили письмо Пол Пота китайскому руководству, в котором говорилось о намерении кхмерских коммунистов развернуть в Камбодже народную войну. Такой оборот дела не на шутку встревожил вьетнамцев, которые потребовали от кхмеров отчета о своих действиях. Камбоджу посетили эмиссары ЦК ПТВ, которые тщетно пытались убедить Пол Пота отказаться от преждевременного восстания.

Как раз в это время Сианук, предвидя победу коммунистов во Вьетнаме и желая подстраховаться на будущее, разрешил поставки оружия из ДРВ в Южный Вьетнам через камбоджийскую территорию. Две трети всего оружия, проходившего в те годы через камбоджийский морской порт Сианукви́ль, предназначались для коммунистических партизан Южного Вьетнама. На территории Камбоджи создавались склады, госпитали и тыловые базы южновьетнамских партизан. И в этих условиях Пол Пот затеял революцию, которая могла стать поводом для вторжения американских войск в Камбоджу. Это сделало бы невозможным проведение вьетнамскими соединениями крупномасштабных боевых операций в густонаселенных районах Южного Вьетнама.

Вьетнамцы взывали к благоразумию Пол Пота, который в ответ просил у них оружие для революции. Вьетнамцы ничего не дали. Тем не менее, весной 1968 года ЦК ПКК принял решение о начале вооруженного восстания. Хотя сил для этого явно недоставало. По данным ЦРУ США, партизанские отряды ПКК насчитывали всего от пяти до десяти тысяч бойцов, которые все же сумели провести боевые и террористические акции в одиннадцати из восемнадцати провинций Камбоджи. Но вскоре восстание стало выдыхаться.

Член постоянного бюро ЦК ПКК Кео Меас отправился в Ханой в надежде добиться от северовьетнамцев поставок оружия с помощью бывшего руководителя Кхмер Иссарак Сон Нгок Миня, который однако отклонил обращение ЦК ПКК. На этой почве разгорелась ссора между посланцами ПКК и эмигрантами-иссараковцами. Кео Меас обвинил Сон Нгок Миня в том, что тот «сидит в Ханое в полнейшей безопасно-

сти, в то время как преданная им партия находится на грани уничтожения». Такое поведение впоследствии очень дорого стоило иссараковцам.

Летом 1969 года камбоджийские правительственные войска окончательно подавили вооруженные выступления коммунистов.

В конце 1969 года делегация ПКК во главе с Пол Потом отправилась в Китай. По пути в Ханое Ле Зуан постарался по-отечески успокоить Пол Пота, который в грубой форме выразил несогласие с политикой Ханоя в Камбодже, после чего раздраженный и злой уехал в Пекин. С этого времени в секретных документах ЦК ПКК Северный Вьетнам характеризовался как ненадежный друг.

СВЕТОЧ МАОИЗМА

В 1949 году в Китае победили коммунисты, которые провозгласили создание Китайской Народной Республики. После этого лидеры КНР попытались использовать коммунистические организации как каналы влияния на внутренние дела государств Юго-Восточной Азии.

Во Вьетнаме с целью мобилизации местных китайцев на борьбу с французским колониализмом была создана Лига китайских жителей за освобождение. В мае 1951 года отделение Лиги появилось в восточной части Камбоджи. В декабре 1951 года в Пномпене была создана ячейка Молодежного движения китайских эмигрантов, которая напрямую подчинялась международному отделу ЦК Коммунистической партии Китая (КПК).

Однако в тот период китайским коммунистам не удалось зацепиться в Камбодже и создать там группы своего влияния. Поэтому в октябре 1952 года руководство КПК уполномочило Партию трудящихся Вьетнама «организовывать и направлять китайских эмигрантов — членов партии, живущих в Камбодже».

После провозглашения независимости Камбоджи в 1954 году Пекин активизировал работу с кхмерскими коммунистами. Это были бывшие члены движения Кхмер Иссарак, обосновавшиеся в Ханое. Многие из них направлялись в Китай на политическую учебу. Некоторые работали в кхмерской редакции «Радио Пекина».

Кроме того, китайцы установили прямые контакты с легальной партией иссараковцев в Камбодже — Прочиечун. При посредничестве Компартии Китая представители Прочиечун в качестве наблюдателей приглашались на съезды коммунистических партий в разных странах. Издававшиеся Прочиечун газеты распространялись бесплатно. Это дава-

ло основание предполагать, что выпуск этих изданий финансируется Китаем. В августе 1958 года генеральный секретарь Прочиечун Нон Суон, в составе камбоджийской делегации журналистов, провел месяц в Китае и Северной Корее.

Кхмерские коммунисты проявляли естественный интерес к Китаю, ставшему крупнейшей страной Азии, где победила социалистическая революция. Неудивительно, что члены марксистской группы кхмерских студентов во Франции пристально изучали китайский революционный опыт. Приобщившись к марксизму, радикалы из парижского студенческого кружка вначале именовали себя сталинистами, а позже — маоистами, поскольку считали партийного вождя коммунистического Китая Мао Цзэдуна продолжателем дела Сталина.

После возвращения в Камбоджу радикалы все больше увлекались идеями и практикой социалистического строительства в КНР. Это выражалось даже во внешних признаках их образа жизни. Например, Пол Пот и Поннари свили в Пномпене семейное гнездышко в доме китайского стиля, с небогатыми, но всегда безупречно прибранными и опрятно обставленными комнатами с многочисленными книжными полками и довольно безвкусными картинами пейзажей Китая.

До середины 1960-х годов вьетнамские коммунисты полностью контролировали Коммунистическую партию Кампучии (ПКК). Но Пол Пот тяготился навязчивой опекой вьетнамцев. Поэтому он искал контакты с другими компартиями и соцстранами. Наиболее естественным союзником представлялся Китай.

В 1965 году Пол Пот впервые посетил КНР, где встречался с председателем Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном и другими влиятельными членами политбюро ЦК КПК.

Второй раз Пол Пот побывал в КНР в 1967 году в разгар «культурной революции», которая произвела на него неизгладимое впечатление. Ему явно понравилась борьба китайских коммунистов с пережитками прошлого. Пол Пот называл «культурную революцию» «очищением организма от болезненных явлений», а идеи Мао Цзэдуна — «подлинным современным марксизмом, лучезарным светочем, озаряющим путь революционной борьбы народов всего мира».

В 1960-е годы Китай всячески поощрял нейтралитет Камбоджи. Пекин делал все от него зависящее, чтобы королевская Камбоджа не скатилась в сферу американского влияния.

В этой ситуации Пол Пот нашел мало доводов в пользу развертывания вооруженной борьбы против правительства Сианука. Ему не удалось убедить китайских руководителей оказать ПКК немедленную помощь военного характера. Тем не менее, Пол Пот вернулся из Китая удовлетворенным и окрыленным. Решение Пол Пота в тайне от вьетнамцев изменить название своей партии — с Партии трудящихся Камбоджи (то есть, как у вьетнамцев — Партия трудящихся Вьетнама) на Коммунистическую партию Кампучии (название, созвучное КПК) — отражало его намерение принять китайский патронаж.

Об этом свидетельствовали и некоторые косвенные признаки. Так, одна из подпольных газет ПКК называлась « Красное знамя», то есть точно так, как главная коммунистическая газета КНР. Еще одна газета ПКК называлась « Красный луч», то есть точно так, как газета китайских студентов во Франции в 1920-е годы, основателем которой был Дэн Сяопин, с которым Пол Пот также встречался во время своих приездов в Пекин.

В Китае Пол Пот обрел поддержку у очень влиятельного члена руководства КНР Канг Шенга, руководившего китайскими спецслужбами, и курировавшего связи КПК с зарубежными пропекинскими (маоистскими) компартиями. Канг Шенг, который в 1932—1937 годах жил в Москве и работал в Коминтерне, вынашивал планы развертывания широкомасштабных партизанских войн в странах Юго-Восточной Азии с целью установления там коммунистических режимов китайской ориентации.

Канг Шенг понял, что в будущем полпотовская организация могла бы очень пригодится китайцам. Именно при посредничестве Канг Шенга еще в 1960-е годы ПКК установила контакты с маоистскими политическими группировками в Таиланде, Бирме, Малайзии и на Филиппинах. Пол Пот много и часто общался с Канг Шенгом, смерть которого в декабре 1975 года он воспринял как тяжелую личную утрату.

В 1963 году руководители Компартии Китая выдвинули программу генеральной линии мирового коммунистического

движения, предложив создать новый коммунистический интернационал, контролируемый Пекином. Одним из страстных приверженцев этой идеи был министр обороны КНР Линь Бяо. Его брошюра «Да здравствует победа народной войны!», изданная в сентябре 1965 года, преподносилась как дальнейшее развитие идей Мао Цзэдуна.

Линь Бяо полагал, что сельские народные массы повсюду в странах Азии должны «окружать и душить капиталистические города», именно так, как это сделали коммунистические армии в Китае в 1940-х годах. Он также утверждал, что революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки, должны базироваться на собственных импульсах: «Для совершения революции и ведения победоносной народной войны обязательно надо придерживаться принципа опоры на собственные силы, полагаться на стойкость масс в своей стране и бороться самостоятельно, даже в условиях отсутствия какой-либо внешней помощи».

Подобные установки перекликались с подходами Пол Пота к революционной борьбе. По большому счету, радикализм Пол Пота приглянулся китайцам. В сентябре 1965 года руководство КНР устроило торжественный прием по случаю отъезда Пол Пота из Пекина, на который пригласили вьетнамцев. На банкете с патетической речью выступил Мао Цзэдун, восхвалявший достоинства кампучийской компартии. Китайское руководство посылало вьетнамцам красноречивое сообщение о том, что лидеры Коммунистической партии Кампучии находятся под китайским покровительством.

Вместе с тем, китайцы не хотели вносить излишнюю нервозность во взаимоотношения с вьетнамцами, которые, по неформальной китайско-вьетнамской договоренности, курировали деятельность ПКК. В 1960-е годы между КНР и ДРВ существовали дружеские, союзнические отношения, которые Пекин не хотел осложнять из-за малочисленной и маловлиятельной организации Пол Пота, которому китайцы посоветовали не торопиться.

Не менее близкие отношения китайцы установили и с лидерами легальной левой оппозиции в Камбодже — Ху Юном, Кхиеу Самфаном и Ху Нимом, которые, занимая министер-

ские посты в камбоджийском правительстве, в определенной степени копировали опыт социалистических преобразований в Китае.

Вице-председатель Ассоциации камбоджийско-китайской дружбы Ху Ним в 1960-е годы поддерживал контакты с посольством КНР в Пномпене и неоднократно посещал Китай. Пекин использовал Ассоциацию для усиления своего влияния в Камбодже.

Опираясь на поддержку китайцев, Ху Юн принимал активное участие в деятельности общественного комитета по защите нейтралитета Камбоджи на международной арене. Выступая на одном из митингов, он заявил: «Если мы будем действительно нейтральны, западные державы должны будут уважать этот нейтралитет. ... Мы всегда сможем обратиться за помощью к нашим могущественным друзьям». Под могущественным другом Ху Юн подразумевал в первую очередь Китай.

Левые министры — Кхиеу Самфан и Ху Юн — поощряли камбоджийских хуацяо вкладывать прибыль в развитие производства. Такой подход вписывался в русло официальной политики Пекина в Камбодже, где богатая китайская община поддерживала КНР. С конца 1950-х годов в Камбодже издавалось десять газет и журналов на китайском языке, большинство из которых придерживалось пропекинской ориентации. Деятельность дипломатических и торговых представительств КНР в Камбодже финансировалась местными хуацяо. Строительство промышленных предприятий, сооружавшихся в Камбодже в соответствии с межправительственным соглашением между КНР и Камбоджей, также финансировалось за счет местных китайских предпринимателей.

К концу 1960-х годов отношения между королевским истеблишментом Камбоджи и легальной левой оппозицией окончательно испортились. После начала вооруженных выступлений партизанских отрядов ПКК Сианук обвинил Ху Юна, Кхиеу Самфана и Ху Нима в руководстве боевыми акциями коммунистических партизан, придумав удобный предлог для расправы с популярными лидерами легальной левой оппозиции. В печати началась их травля. В этой накаленной ситуации к Ху Юну, Кхиеу Самфану и Ху Ниму пришел чело-

век, которого они встречали на неформальных вечеринках выпускников лицея Сисоват. Он передал им письмо руководства ПКК, в котором Компартия Кампучии предлагала опальным парламентариям защиту и покровительство.

В 1967 году Ху Юн, Кхиеу Самфан и Ху Ним, спасаясь от полицейских преследований, скрылись в джунглях. При этом распространялись слухи об их убийстве. «Радио Пекина» сообщало о гибели Ху Юна и Кхиеу Самфана, которых королевское правительство обвинило в сознательном нагнетании страстей.

Внезапное исчезновение лидеров легальной левой оппозиции и слухи об их возможном убийстве взбудоражили студенческую молодежь, подтолкнув ее на массовые беспорядки. В марте 1967 года в Пномпене прошли антиправительственные студенческие манифестации под левыми лозунгами. Демонстранты хором пели китайские революционные песни, размахивая сборниками изречений («цитатниками») Мао Цзэдуна. В июне 1967 года начались волнения среди учащихся частных китайских школ. В качестве ответной меры Сианук объявил о роспуске Ассоциации камбоджийско-китайской дружбы. Полиция провела аресты среди студенческой молодежи. Сотни учащихся, лицеистов и студентов ушли в джунгли и присоединились к Коммунистической партии Кампучии.

Правительство Камбоджи подозревало, что Китай снабжает отряды ПКК оружием. Основанием для подобных подозрений стали ящики с автоматами, гранатометами и минометами, которые направлялись под видом оборудования на текстильную фабрику в городе Баттамбанг, где работали специалисты из КНР. Действительно, в октябре 1967 года Пол Пот проинформировал Пекин о планах вооруженного выступления ПКК, которое в соответствии с маоистской терминологией называлось линией народной войны. Но вряд ли китайцы всерьез рассчитывали на глобальный успех кхмерских коммунистов.

Вероятнее всего, Пекин хотел просто немного припугнуть Сианука, который в тот период стал заигрывать с США на международной арене и с правыми силами внутри страны. В результате резко обострились отношения между Камбоджей и КНР, и стала реальной перспектива сближения Пномпеня с

США. Для предотвращения подобного развития событий Пекин предпринял шаги по восстановлению дружеских отношений с Камбоджей.

14 сентября 1967 года премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заверил камбоджийского посла в Пекине в своем неувядающем восхищении личностью Сианука. Подобные реверансы несколько сняли нервозность Сианука, который окончательно успокоился по поводу китайских намерений, после того как в январе 1968 года в Камбоджу из Китая прибыли реактивные истребители-бомбардировщики, артиллерийские орудия, пулеметы и боеприпасы для королевской армии. Китайское оружие использовалось правительственными войсками при подавлении боевой активности партизанских отрядов ПКК.

Кажущаяся нелогичность в действиях Пекина объясняется просто. Главной целью китайских руководителей было усиление влияния Китая в Индокитае. В тот период надо было надавить на Сианука, чтобы тот не вздумал дистанцироваться от КНР. Для этого Пекин использовал и популярность лидеров легальной левой оппозиции, и революционный радикализм полпотовского руководства ПКК.

ТЕМЕНЬ РЕВИЗИОНИЗМА

Лидеры движения Кхмер Иссарак и партии Прочиечун воспринимали Советский Союз как оплот борьбы порабощенных народов с колониализмом и империализмом. В газетах Прочиечун в качестве примера для подражания нередко приводились русские большевики.

Тем не менее, не обнаружено никаких данных, указывающих на межпартийные связи между КПСС и Прочиечун, которая в советских изданиях никогда не фигурировала среди братских партий. Интерес руководителей Прочиечун к СССР не успел воплотиться в практическое сотрудничество, несмотря на благоприятные предпосылки.

В 1956 году на XX съезде КПСС Никита Хрущев развенчал культ личности Сталина. Руководство Прочиечун поддержало это решение, полагаясь на «мудрость и опыт новых руководителей КПСС». В 1959 году члены Прочиечун штудировали декларацию Московской международной конференции коммунистических и рабочих партий, в которой был обнародован тезис о мирном сосуществовании социализма с капитализмом. Прочиечун начала дрейф в сторону признания новой международной доктрины КПСС о мирном соревновании двух общественно-политических систем.

Это намерение шло вразрез с позицией и Ханоя, и Пекина. Ни Коммунистическая партия Китая, ни Партия трудящихся Вьетнама не признавали ревизионистские концепции Хрущева. Китайцы и вьетнамцы полагали, что хрущевская ревизия марксизма-ленинизма-сталинизма нанесла непоправимый ущерб борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки за национальную независимость и социализм.

Однако лидеры Прочиечун собирались использовать хрущевские нововведения в марксистско-ленинскую теорию для прорыва изоляции на внутриполитической арене Кам-

боджи и ухода из-под пресса полицейских репрессий. Руководители Прочиечун объявили об отсутствии классового разделения в камбоджийском обществе и в 1961 году начали разрабатывать новую, просоветскую партийную программу, с которой готовились участвовать в очередных парламентских выборах в июне 1962 года. Но эти планы остались неосуществленными из-за арестов в январе 1962 года лидеров Прочиечун по обвинениям в шпионаже в пользу Вьетнама.

СССР и социалистические страны Восточной Европы вызывали огромный интерес у членов марксистского кружка кхмерских студентов во Франции, время учебы которых в Париже совпало с последними годами жизни Сталина и апофеозом его культа личности. Французская коммунистическая партия по своей идеологии и методам партийной деятельности считалась самой сталинистской вне пределов Восточной Европы. Например, в 1952 году французские коммунисты осудили известных членов партии за отклонение от политической линии ФКП, проведя мини-чистку и доложив Сталину об очищении партийных рядов от уклонистов. Безусловно, это чисто сталинистское мероприятие произвело на молодых кхмерских марксистов сильный эффект.

В начале 1950-х годов Пол Пот опубликовал во французских левых изданиях ряд статей, в которых особо выделял заслуги партийного вождя Венгрии того времени Матьяша Ракоши, одобрял методы советской коллективизации сельского хозяйства. Пол Пот восторгался Октябрьской революцией под руководством Ленина и Сталина. Его особенно восхищало, что в России «монархия исчезла без следа, а советская демократия стала доктриной, за которой последовали люди повсюду в мире, поскольку это несравнимо и столь же прекрасно как алмаз». Пол Пот внимательно изучал труды Сталина, из которых он почерпнул представления о конспиративном характере деятельности компартии, исключительности роли вождя, стоящего над обычными людьми, и послереволюционном обострении классовой борьбы.

Среди радикалов марксистского кружка увлечение Сталиным носило поголовный характер. Например, Йенг Сари восхищался методами контроля Сталина за организацион-

ной структурой компартии и советского государства. Свои впечатления Йенг Сари изложил в статье «Сталинский гуманизм», опубликованной в апреле 1953 года во французском коммунистическом журнале «Демократи Нувель» («Новая демократия»).

Летом 1951 года Йенг Сари, Ху Юн, Тхиун Мум и Тхиун Прасит посетили Германскую Демократическую Республику. Делегация марксистской группы кхмерских студентов во Франции прибыла в Восточный Берлин для участия в фестивале молодежи и студентов, собравшем более ста тысяч участников со всего мира. Экзальтированная атмосфера массового праздника произвела на молодых кхмерских марксистов ошеломляющее впечатление. В Париж они вернулись воодушевленные причастностью к революционному делу вселенского размаха. Не исключено, что в июне 1955 года Тхиун Мум и Йенг Сари встречались с советскими представителями на Всемирном конгрессе мира, проходившем в столице Финляндии Хельсинки.

Однако с 1956 года началось разочарование в СССР. Пол Пот и его команда не поняли и не восприняли разоблачения культа личности Сталина. Их раздражала повсеместная критика сталинизма. Появились идеологические расхождения с КПСС. Как следствие, Пол Пот с товарищами критически воспринимали и внешнеполитическую деятельность Советского Союза.

Формированию критического отношения к гегемонии КПСС в международном коммунистическом и национально-освободительном движении также способствовало знакомство с практикой социалистического строительства в Югославии. Еще в середине 1940-х годов кхмерские студенты во Франции контактировали с представителями югославской молодежной коммунистической организации. Для членов парижского марксистского кружка притягательность Югославии заключалась в независимости и национализме югославских коммунистов, руководимых легендарным и несколько мистическим вождем — Иосипом Броз Тито. Уже тогда Пол Пот разглядел в югославском революционном опыте образцы для подражания. Социалистическая революция в Югосла-

вии победила в результате героической борьбы против иноземной оккупации, которую вела партизанская, по сути, крестьянская армия во главе с харизматическим лидером.

В 1950 году, во время летних каникул, Пол Пот более месяца провел в Югославии, работая в международном студенческом строительном отряде, который строил общежитие и автостраду в Загребе. В то время посещение Югославии, разорвавшей все отношения с СССР, воспринималось как политический демарш. Вояж Пол Пота в Югославию произвел на него потрясающее впечатление. Возвращаясь во Францию, кхмерские студенты направили властям Югославии письмо с выражением глубокого восхищения югославским социализмом: «Югославия напоминает огромную строительную площадку, где строятся фабрики, автомобильные и железные дороги, гидроэлектростанции. Эти усилия являются еще более замечательными, потому что сила и вера людей, объединенных вокруг своих лидеров, позволяют им последовательно достигать побед, зная, что это является залогом национальной независимости».

Вернувшись в Париж, Пол Пот включился в дискуссии, полыхавшие тогда вокруг Югославии. Он не соглашался с советскими обвинениями Тито в мелкобуржуазном национализме и антисоветизме из-за того, что югославский лидер отказался признать верховенство СССР над Югославией. Пол Пот склонялся к тому, что Тито строит социализм «с храбростью и зрелостью духа, возможно, уникальными в мире». В политико-идеологическом конфликте между Югославией и СССР радикально настроенные члены парижского марксистского кружка встали на сторону Югославии.

Умеренные кружковцы — Кхиеу Самфан, Ху Юн, Ху Ним — чуть дольше сохраняли пиетет в отношении СССР. Так, руководимой Кхиеу Самфаном газете «Обсерватор» были присущи тональности мирного сосуществования социализма и капитализма с воспеванием достижений социалистического строительства в СССР. Однако вскоре и умеренные приняли более критический тон.

В 1959 году, по приглашению Союза журналистов СССР, в составе делегации камбоджийских журналистов, Ху Ним посе-

тил СССР, Польшу, Чехословакию и ГДР. Реалии социалистических стран Восточной Европы ему не понравились. Возвратившись в Камбоджу, Ху Ним публично и достаточно резко осудил в прессе ревизионистскую политику Москвы. Даже Сианук обвинил Ху Нима его в безосновательных нападках на СССР.

В 1960-е годы Ху Ним и его соратники неоднократно наведывались в Прагу. В столице Чехословакии находился центр по координации молодежного коммунистического движения в Европе, под влияние которого попали практически все организации кхмерских студентов в европейских странах. Ху Ним опасался, что кхмерские студенты заразятся вирусами советского ревизионизма, и старался помешать этому.

У лидеров легальной левой оппозиции не складывались отношения и с Югославией. Это объяснялось тем, что Сианук очень близко сошелся с Тито и политически, и чисто по-человечески. Они оба оказались среди учредителей Движения неприсоединения, объединившего большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые в условиях военно-политического соперничества между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком заняли нейтральную позицию невмешательства в холодную войну. Движение неприсоединения оспаривало лидерство в «третьем мире» у Китая, поэтому китайцы жестко критиковали внешнюю политику Югославии, одного из столпов Движения неприсоединения. Поскольку Ху Ним, Ху Юн и Кхиеу Самфан симпатизировали Китаю, то к лидерам Движения неприсоединения, в том числе и к Тито, относились с предубеждением.

В 1961 году Ху Ним в качестве заместителя председателя Национального собрания Камбоджи участвовал в работе третьей конференции на высшем уровне Движения неприсоединения, проходившей в столице Югославии Белграде. Надо сказать, что концепция неприсоединения ему приглянулась. Но после того как отношения между Сиануком и левой оппозицией в конце 1960-х годов окончательно испортились, Ху Ним, Ху Юн и Кхиеу Самфан перешли к публичной критике друга Сианука — югославского лидера Тито. Накануне приезда Иосипа Броз Тито в Камбоджу в 1968 году левая оппозиция распространяла в Пномпене листовки антититов-

ского содержания. Сианук обвинил левых оппозиционеров в подготовке покушения на Тито, сославшись на арест четырех китайцев — участников заговора с целью убийства президента Югославии.

КПСС не имела контактов с нелегальной Коммунистической партией Кампучии (ПКК). Международный отдел ЦК КПСС развивал межпартийное сотрудничество с легальными партиями социалистической ориентации. Связи со всевозможными подпольными революционными группировками в зарубежных странах находились в ведении Службы внешней разведки КГБ СССР.

В 1959 году Пол Пот решил «попросить взаймы денег у советского посла» в Камбодже. Столь деликатную миссию поручили жене Йенг Сари — Йенг Тхирит, которая в то время возглавляла частный английский колледж в Пномпене. Несмотря на смехотворность запрашиваемой суммы, Йенг Тхирит получила отказ. Правда, в 1960 году советские представители передали коммунистическим подпольщикам небольшое количество оборудования военного назначения. Но этого было мало. На контакт с советскими дипломатами пошел сам Пол Пот.

Встреча третьего секретаря посольства СССР в Камбодже с Пол Потом состоялась в Пномпене в августе 1965 года. Пол Пот просил деньги и оружие. Максимум, на что соглашался советский представитель, — прислать лекторов для чтения лекций о социально-экономических проблемах Камбоджи. Провал встречи с Пол Потом не вызвал в Москве особого сожаления. В то время Пол Пот возглавлял малочисленную компартию с минимальными шансами на приход к власти. Судя по всему, советские разведчики не получили добро на разработку Пол Пота.

Москву явно настораживала поступавшая в посольство СССР информация о том, что подпольная кхмерская компартия «готовит массы к вооруженному восстанию с целью свержения феодального и реакционного правительства Камбоджи». Советские дипломаты собирали по Пномпеню листовки следующего содержания: «Революция победит. Мы должны действовать как русские большевики во времена Ленина». Ру-

ководство СССР опасалось, что если контакты с ПКК всплывут наружу, то это испортит дружеские межгосударственные отношения между Советским Союзом и королевской Камбоджей.

Москве импонировала идеологическая подоплека режима Сианука — буддийский социализм. Правда, сануковский социализм считался ненаучным. Но СССР симпатизировал всем странам, лидеры которых строили социализмы: буддийский, арабский, африканский... Кроме того, советское руководство осознавало выгодность внешнеполитического нейтралитета Камбоджи для Демократической Республики Вьетнам, ближайшего союзника СССР в Юго-Восточной Азии. Советский Союз и ДРВ всеми силами старались не спугнуть камбоджийский нейтралитет и не подтолкнуть Сианука к сближению с США. Поэтому Москва и не пошла на контакт с левыми радикалами во главе с Пол Потом.

Более того, в конце 1960-х годов во время боевых акций отрядов ПКК Советский Союз поддержал королевское правительство Камбоджи в его действиях по подавлению коммунистического восстания. В одном из своих выступлений Сианук сказал: «Председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин объявил, что он официально поддерживает нашу Камбоджу. <...> Россия предложила оказать нам дополнительную военную помощь для борьбы с «красными кхмерами». В 1968 году Советский Союз предоставил правительству Камбоджи военную помощь на сумму в 5,8 миллиона долларов.

В 1965 году Пол Пот переориентировался на Пекин. Поэтому естественно, что в жестком политико-идеологическом противоборстве между СССР и Китайской Народной Республикой ПКК приняла китайскую сторону. После подавления вооруженных выступлений ПКК в 1968 году, в том числе и с советской помощью, во внутрипартийных документах кхмерской компартии советский ревизионизм стал подвергаться беспощадной критике, а Советский Союз рассматриваться как враг.

В 1960-е годы перед посольством СССР в Пномпене была поставлена задача по реанимации в Камбодже легальной прокоммунистической партии. С этой целью в 1964 году сотрудники советского посольства общались с Пен Ютхом, быв-

шим членом руководства партии Прочиечун. На парламентских выборах 1955 года Пен Ютх получил наибольшее количество голосов избирателей среди кандидатов Прочиечун, но после этого отошел в тень, работая преподавателем в одном из частных лицеев.

Члены для легальной просоветской партии вербовались среди кхмеров-слушателей курсов по изучению русского языка, которые были организованы по всей Камбодже. В роли пропагандистов использовались советские преподаватели и переводчики, работавшие в Высшем техническом институте кхмеро-советской дружбы и в других учебных заведениях страны. Руководящие кадры для новой партии планировалось черпать из среды кхмерских студентов, обучавшихся за рубежом.

В 1960-е годы Союз кхмерских студентов во Франции находился под советским влиянием и акцептировал лидерство СССР в коммунистическом мире. На студенческих собраниях штудировались документы КПСС, анализировавшие положение в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. В 1963 и 1964 годах Союз направлял письма в ЦК КПСС с выражением поддержки советской позиции в разногласиях с Китаем. В 1962 году Союз кхмерских студентов вступил в Международный союз студентов, который находился под патронажем Москвы. Делегации кхмерских студентов из Франции участвовали в конференциях, конгрессах и других мероприятиях Международного союза студентов в Москве, Ленинграде, Праге, Варшаве и Хельсинки.

Москва тоже была центром политической активности кхмерского студенчества в Восточной Европе, что не осталось без внимания властей Камбоджи. В сентябре 1968 года правительственный журнал «Сонгкум» подверг критике членов советского Союза камбоджийских студентов: «Они нападают на нашу политическую систему, выдвигают лозунги, участвуют в демонстрациях.

Они даже выпустили два тайных бюллетеня, которые распространяют в СССР, во Франции и даже в Камбодже. ... Их храбрость не велика — они осторожны и не подписываются своими настоящими именами».

Много кхмерских студентов обучалось в вузах Германской Демократической Республики. Кхмерские студенты в ГДР, объединенные в Союз кхмерской молодежи, активно сотрудничали с Союзом камбоджийских студентов в СССР. Вполне вероятно, что некоторые члены Союза кхмерской молодежи готовились спецслужбами ГДР для агентурной работы в рядах полпотовской Коммунистической партии Кампучии. Весьма примечательно, что первое публичное упоминание о «марксистско-ленинской партии, образованной в Камбодже в 1960 году», появилось 22 марта 1968 года в газете «Ноес Дойчланд», органе правившей в ГДР Социалистической единой партии Германии.

Работа советского посольства по формированию в Камбодже легальной партии просоветской ориентации к концу 1960-х годов оставалась незавершенной.

ОСКАЛ ИМПЕРИАЛИЗМА

В Камбодже никогда не существовала политическая организация под названием «красные кхмеры». Это, скорее, образное выражение, которым Сианук с конца 1960-х годов называл всю левую оппозицию. Но, по устоявшейся традиции, словосочетание «красные кхмеры» отождествляется с Коммунистической партией Кампучии (ПКК). По сути, это одно и то же.

В 1967 году лидеры легальной левой оппозиции и их сторонники скрылись в джунглях, где сидели в шалашах и землянках радикальные лидеры и боевики ПКК. Через три года к ним присоединились бывшие участники движения Кхмер Иссарак, которые почти двадцать лет дожидались своего звездного часа во Вьетнаме. Наконец-то «красные кхмеры» оказались вместе в полном составе.

На поверхностный взгляд может показаться, что «красные кхмеры» представляли собой замкнутую политическую секту. Но это не так. Лидеры «красных кхмеров» хорошо понимали, что без массовой поддержки их движение легче пуха. Поэтому они сделали очень разумный выбор, сориентировав острие своей политической пропаганды на беднейшее крестьянство.

К концу 1960-х годов только 18% земельных собственников Камбоджи обеспечивали себе прожиточный минимум. Остальные 82% крестьянских хозяйств влачили нищенское существование. Три четверти крестьян оказались в долговой зависимости от ростовщиков-торговцев. Противоречия между городом и деревней приобрели ярко выраженный антагонистический характер. Еще в колониальный период в Камбодже установились односторонние связи промышленности с сельским хозяйством, которое обеспечивало промышленные предприятия необходимым сырьем, почти ничего не получая взамен.

На фоне нищей деревни городское население богатело и процветало. Почти вся прибыль от эксплуатации природных ресурсов страны оседала в городах. Иностранные компании освобождались от уплаты налога на вывозимую из Камбоджи прибыль. За это представительства зарубежных фирм обязаны были формировать свой персонал на 70% из местных кхмеров.

В результате в городах возникла многочисленная прослойка паразитирующей компрадорской буржуазии, на шальных деньгах которой, как на дрожжах, разрастался бюрократический аппарат. Взяточничество и коррупция среди чиновников достигли невиданного размаха. При этом никто и ничего не боялся. Обычный чиновник средней руки с месячной зарплатой в пять тысяч риелей, как правило, жил на вилле за два миллиона риелей и ездил на шикарном автомобиле за двести тысяч. Министры, генералы, высшие государственные функционеры с месячным окладом в десять-двадцать тысяч риелей имели по нескольку многоэтажных вилл и автомобилей.

Ситуация усугублялась тем, что к концу 1960-х годов население Пномпеня почти на 60% состояло из китайцев и вьетнамцев. Для кхмерских крестьянских масс, составлявших 95% населения Камбоджи, город, погрязший в роскоши, праздности, наглости и разврате, олицетворял все самое худшее. «Красные кхмеры» обещали крестьянам разобраться с бесстыдными чиновниками и жирующими за крестьянский счет буржуями, ликвидировать вопиющую несправедливость и воздать всем по заслугам. Естественно, такие обещания находили полное понимание и поддержку в крестьянской среде.

Сочувствующие «красным кхмерам» были и в городах. Прежде всего, патриотическая кхмерская молодежь, раздраженная тем, что хозяевами жизни в Камбодже стали иноземные буржуа и продавшиеся им чиновники. Пропаганда «красных кхмеров» находила отклик и среди обедневших рабочих промышленных предприятий, переживавших тяжелый экономический кризис. Практически все фабрики и заводы были ориентированы на переработку сельскохозяйственного сырья. Однако в результате обнищания деревни сырья почти

не было. С другой стороны, продукция промышленных предприятий скапливалась на складах, поскольку у крестьян не хватало денег на ее покупку. Рабочие волновались и требовали зарплату. Правительство не нашло ничего лучшего, как законодательно запретить в 1969 году забастовки, без колебания расправляясь со всеми пролетариями, выступавшими с теми или иными требованиями.

К концу 1960-х годов за «красными кхмерами» готовы были пойти широкие народные массы. Это произошло после определенного стечения обстоятельств.

Внешнеполитическая концепция Сианука строилась на двух априори: неизбежность победы коммунистов в Южном Вьетнаме и установление доминирования Китая в Юго-Восточной Азии. Сианук признавал будущий китайский сюзеренитет в ЮВА и надеялся, что дружба с Китаем предотвратит приход к власти в Камбодже левых сил. Сианук разрешил транзит через камбоджийскую территорию оружия для партизан Южного Вьетнама из Китая и ДРВ. К концу 1960-х годов до 80% оружия и боеприпасов, которые прокоммунистический Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама получал из-за рубежа, проходило через Камбоджу. Кроме того, ежегодно более 25% урожая риса в Камбодже скрытно продавалось южновьетнамским партизанам.

Вместе с тем Сианук открыто не выступал на стороне ДРВ, боровшейся с помощью КНР против США, опасаясь втянуть Камбоджу во вторую индокитайскую войну. Сианук побаивался Вашингтона, которого явно раздражало его заигрывание с коммунистическим Китаем. Внешнеполитический нейтралитет Сианука представлял собой политику балансирования между США и Китаем, места которых в иерархии внешнеполитических приоритетов Камбоджи не были стабильными. Характер камбоджийского нейтралитета определялся многообразными формами влияния на правительство Камбоджи со стороны вовлеченных в индокитайский конфликт государств.

Тем не менее, блокирование с Пекином представлялось Сиануку более разумным и перспективным. Вашингтон же воспринимал нейтральную Камбоджу как досадную брешь в

цепи военных плацдармов США в ЮВА, что создавало большие неудобства в противодействии коммунистической экспансии на Индокитайском полуострове.

В конце 1960-х годов американские спецслужбы установили тесные контакты с прозападно настроенным генералитетом камбоджийской армии, среди которого давно вызревало недовольство заигрываниями Сианука с коммунистическими правительствами Китая и Северного Вьетнама. Камбоджийские генералы также не могли принять навязывавшегося правительством сотрудничества с прокоммунистическим Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама.

18 марта 1970 года в Камбодже произошел государственный переворот. Власть в стране захватила военная хунта во главе с генералом Лон Нолом. Новое правительство Камбоджи моментально установило союзнические отношения с проамериканской Республикой Южного Вьетнама. Камбоджа, которую в 1960-е годы называли азиатской Швейцарией, оказалась втянутой в войну. Тихие американцы из ЦРУ раз и навсегда решили проблему внешнеполитического нейтралитета Камбоджи.

После прихода к власти Лон Нол запретил транзит оружия для вьетнамских коммунистов через морской порт Сианукville и заявил о намерении ликвидировать вьетнамские базы на камбоджийско-вьетнамской границе. Угроза Лон Нола заставила северовьетнамцев снять со своих баз на востоке Камбоджи контингент численностью в сорок-шестьдесят тысяч человек и двинуться на Пномпень. Стало ясно, что без вмешательства США режим Лон Нола обречен.

В начале мая 1970 года американские и южновьетнамские войска начали наступление на районы расквартирования коммунистических партизан на востоке Камбоджи. О масштабах вьетнамского военного присутствия в Камбодже свидетельствовали следующие цифры. В ходе боевых операций американцы захватили 23 000 единиц стрелкового оружия, 2 500 единиц тяжелого оружия, 16 700 000 патронов, 6 500 000 кг риса, 143 000 минометных мин, реактивных снарядов и боеприпасов для безоткатных орудий, около 200 000 снарядов

для зенитных орудий. Подразделения армии США ушли из Камбоджи 30 июня 1970 года. Три южновьетнамские дивизии остались в Камбодже помогать Лон Нолу.

Государственный переворот в Камбодже кардинально изменил расстановку сил на индокитайском театре военных действий. Пекин и Ханой потеряли пусть и непоследовательного, но все же союзника — королевское правительство Камбоджи во главе с Сианук. США, как им казалось, укрепили свои позиции, поскольку под их покровительством находились уже два марионеточных режима: в Южном Вьетнаме и Камбодже. Вопрос о том, какой будет Камбоджа, теперь решался на полях сражений. Сразу после переворота Сианук пришел к неутешительному для себя выводу: «Либеральная Камбоджа отжила. <...> Новая Камбоджа будет социалистической».

Действительно, отряды «красных кхмеров» автоматически становились главной силой в вооруженной борьбе против проамериканского режима генерала Лон Нола. За считанные месяцы немногочисленные боевые группы «красных кхмеров» превратились в сплоченную и боеспособную партизанскую армию, которая насчитывала вес,ной 1970 года две, к концу 1970 года — четыре, а в начале 1971 года — уже двадцать пять тысяч бойцов.

«Красным кхмерам» противостояла вооруженная американцами лонноловская армия, численность которой была увеличена с тридцати пяти тысяч в 1970 году до двухсот двадцати тысяч солдат в начале 1972 года. Разведслужбы США невысоко оценивали боевой потенциал «красных кхмеров», партизанские отряды которых представляли собой мелкие единицы, соответствовавшие взводу. Казалось, что созданная американцами военная махина режима Лон Нола раздавит «красных кхмеров» за несколько недель.

В этой ситуации руководители Китая сделали ставку на Сианука, способного, как тогда представлялось, взять на себя функции харизматического лидера широкой коалиции патриотических сил Камбоджи. А «красные кхмеры» рассчитывали использовать авторитет Сианука для международного признания антиамериканского сопротивления в Камбодже.

23 марта 1970 года в Пекине Сианук объявил о создании Национального единого фронта Камбоджи (НЕФК), Нацио-

Блистательный выпускник Сорбонны Хун Юн, лидер умеренных «красных кхмеров», застреленный своим телохранителем в августе 1975 года.

Руководство подпольной Коммунистической партии Кампучии в 1960-е годы. Сидит третий слева – Пол Пот.

Нородом Сианук *(второй справа)* и его жена Моник *(крайняя слева)* вместе с лидерами «красных кхмеров» Кхиеу Самфаном *(в центре)* и Ху Нимом *(крайний справа)* в джунглях Камбоджи во время войны с проамериканским режимом генерала Лон Нола.

Члены кооперативов на сельхозработах.
Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

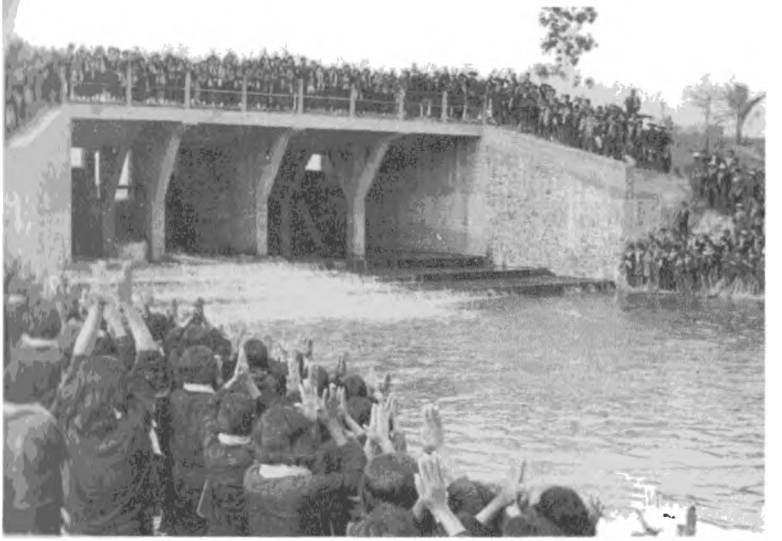
Бойцы «красных кхмеров» в боевом походе. 1980-е годы.

Бойцы «красных кхмеров» перед выходом в боевой поход.
Начало 1990-х годов.

На партийном собрании отчитывают провинившихся.
Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Кхмерский народ возводит ирригационные сооружения.
Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Николае и Елена Чаушеску *(слева)* во время официального дружественного визита в Демократическую Кампучию в мае 1978 года. Справа сидят Пол Пот и Кхиеу Самфан.



Кхмерский народ радуется новому ирригационному сооружению. Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Пол Пот выступает на собрании.
Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Пол Пот с дочкой Ситхой *(на коленях)*
и другими детьми. 1987-й год.

VENDREDI 18 AVRIL
DU CENTRE-OUEST
BERRY – POITOU – VAL DE LOIRE

PHNOM PENH EST TOMBE A L'AUBE

Les Khmers Rouges et le prince Sihanouk désormais maîtres de tout le Cambodge

LEUR REGNE A SAIGON OU LES AMERICAINS BRULENT LEURS ARCHIVES EN CAS DE DEPART

RÉGION PARISIENNE :

18 апреля 1975 года, на следующий день после вступления красных кхмеров» в Пномпень, французские газеты вышли с заголовками: «Пномпень пал на рассвете. Отныне принц Сианук и «красные кхмеры» – хозяева Камбоджи». Сианук обнимает Кхиеу Самфана.

Folket i Bild
SKRIFTSERIE 2

I augusti 1978 reste en delegation från Vänskapsföreningen Sverige–Kampuchea kring i Demokratiska Kampuchea. De var de första svenska besökarna som inte var diplomater.

Kampuchea mellan två krig är en ögonvittnesskildring av hur ett land i Tredje Världen försöker bygga sitt oberoende ur ruinerna efter USAs bombningar och under hotet från den store grannen Vietnam.

Det är den första boken som ger en ordentlig bakgrund till det pågående kriget mellan Kampuchea och Vietnam.

Jan Myrdal Marita Wikander Gunnar Bergström och Hedda Ekerwald framför templet Angkor Wat i Kampuchea.

Обложка шведского журнала со статьей о посещении в августе 1978 года Демократической Кампучии дружественной общественной делегацией из Швеции. Крайний слева – Ян Мюрдаль.

нально-освободительной армии Камбоджи (НОАК) и Королевского правительства национального единства Камбоджи (КПНЕК) для борьбы с лонноловским режимом. Среди «красных кхмеров» на инициативу Сианука откликнулись Ху Юн, Ху Ним и Кхиеу Самфан. В обнародованном от их имени заявлении подчеркивалось: «Если Сианук, отказавшись быть рупором консервативных сил, присоединится к народу, то с уважением и надеждой мы станем в один ряд с ним».

В составе КПНЕК «красные кхмеры» получили ряд важных постов: Кхиеу Самфан — вице-премьера и министра обороны; Ху Ним — министра информации; Ху Юн — министра внутренних дел; Тхиун Мум — министра экономики и финансов; Чау Сенг — министра по особым поручениям; Тхиун Прасит — министра координации национальной борьбы; Чан Юран — министра образования (позже его заменила Йенг Тхирит); Чу Чет — министра по религиозным и социальным делам.

23 марта 1972 года был объявлен состав Высшего военного командования НОАК, полностью состоявший из «красных кхмеров»: Кхиеу Самфан (председатель), Пол Пот (командующий), Со Пхим (заместитель командующего), Нуон Чеа (начальник политического отдела), Та Мок (начальник службы снабжения), Сон Сен (начальник генерального штаба), Сок Тхуоть (начальник службы безопасности). Все входившие в Высшее военное командование были членами или кандидатами в члены ЦК Коммунистической партии Кампучии.

Йенг Сари с 20 октября 1971 года находился в Пекине в качестве специального представителя внутренней части НЕФК. Фактически он стал выполнять функции посланника «красных кхмеров» по иностранным делам.

Полная поддержка заявлению Сианука о начале вооруженной борьбы против режима Лон Нола была выражена правительством Демократической Республики Вьетнам 24 марта, а Временным революционным правительством Южного Вьетнама — 26 марта 1970 года. После этого вьетнамцы начали переговоры с «красными кхмерами» о формах и методах вооруженной борьбы в Камбодже, в которой, как предполагалось, за вьетнамцами сохранялась бы руководящая и направляющая роль. Но «красных кхмеров» не устраивала подобная перспектива.

На переговорах в Ханое Пол Пот отклонил предложение руководства ДРВ о создании смешанного военного командования в Камбодже. Радикальное руководство «красных кхмеров» предпочитало самостоятельность и независимость своих действий.

В июне 1970 года Пол Пот перенес штаб-квартиру «красных кхмеров» из приграничного с Вьетнамом района в глубь страны. В октябре 1970 года на заседании ЦК ПКК было принято решение: «Строго придерживаться во всех отношениях позиции независимости и суверенитета, опоры на собственные силы и ответственности за собственную судьбу. Вопрос о солидарности с Вьетнамом отделить от позиции независимости, суверенитета и постоянной бдительности».

«Красные кхмеры» отказались подчинить свою тактику боевых действий решению стратегических задач вьетнамцев в Южном Вьетнаме. Кроме того, лидеры «красных кхмеров» предупредили вьетнамцев о недопустимости проведения подрывных действий среди кампучийцев и бойцов революционной армии, намекая на провьетнамскую агитацию, которую вели примерно тысяча иссараковцев, прибывших в Камбоджу после многолетнего сидения в Северном Вьетнаме.

В мае 1971 года ЦК ПКК напечатал брошюру, в которой подчеркивалась вторичность иностранного участия в кампучийской революции. В июле 1971 года в джунглях на севере Камбоджи прошла партийная конференция, делегаты которой единодушно подтвердили, что только руководители ПКК «имеют право контролировать все аспекты кампучийской революции». В состав ЦК партии не избрали ни одного иссараковца или симпатизировавшего Вьетнаму члена ПКК. 30 сентября 1971 года состоялся очередной съезд ПКК, в решениях которого Вьетнам объявлялся опасным врагом. С этого времени начинается постепенное вытеснение провьетнамских элементов из руководящих структур «красных кхмеров».

22 декабря 1972 года в Пекине в госпитале скончался патриарх кхмерского коммунистического движения Сон Нгок Минь, которого, по одной из версий, отравили лазутчики «красных кхмеров». В Ханое прошла пышная церемония его похорон. Смерть Сон Нгок Миня стала своеобразным сигна-

лом к началу открытого давления на иссараковцев, девяносто процентов которых было направлено на перевоспитание в сельскую местность в глухие отдаленные районы Камбоджи.

Дело дошло до того, что иссараковцы не чувствовали себя спокойно даже во Вьетнаме. В 1973 году Йенг Тхирит, руководившая находившейся в Ханое радиостанцией «красных кхмеров», уволила сотрудников, заподозренных в чрезмерных симпатиях к Вьетнаму.

Ханой почти не вмешивался в межфракционную борьбу среди «красных кхмеров». Для вьетнамцев было крайне важным сохранение партнерских отношений с ними в преддверии решающих боев по уничтожению проамериканского режима в Южном Вьетнаме. Но в беседе с послом СССР в Ханое Ильей Щербаковым генеральный секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан и признал: «Инициатива в камбоджийских делах не в наших руках».

Грязная война США в Индокитае вызывала отвращение у западной общественности. Руководство «красных кхмеров» воспользовалось благоприятной ситуацией и отрядило на завоевание симпатий международного общественного мнения самых рафинированных интеллектуалов из своих рядов — братьев Тхиун: Мума и Прасита. Их благородное, аристократическое происхождение, европейские манеры и престижное образование произвели в Западной Европе благоприятное впечатление. Братьям Тхиун удалось убедить не только левую интеллигенцию, но и многих государственных деятелей западных стран, что «красные кхмеры» представляют собой разумную и гуманную альтернативу коррумпированному и реакционному режиму генерала Лон Нола.

Некоторое время спустя западной общественности были представлены лики партизанских вождей «красных кхмеров», фотографии которых украсили многотиражную пропагандистскую брошюру, отпечатанную в Пекине. Книжка издавалась с целью «развеять одиозную и мерзкую клевету американской империалистической пропагандистской машины о сопротивлении в Камбодже».

Мир увидел фотографии блистательных выпускников Сорбонны Кхиеу Самфана и Ху Юна, а также литератора-идеа-

листа Ху Нима. Они стали живым воплощением романтичной революционной легенды: ладные, уверенные в правоте своего дела интеллигентные мужчины, которые привлекательно смотрелись на фоне рядовых солдат-крестьян. В их облике было что-то неуловимое от легендарного латиноамериканского революционера Че Гевары. Левая интеллигенция Запада увидела в них предвестников мирового революционного ренессанса.

При этом мало кто обратил внимание на галерею фотопортретов истинных руководителей «красных кхмеров» — Пол Пота, Нуон Чеа, Йенг Сари, которые предпочитали держаться в тени. Полноватые щеки и простая стрижка Пол Пота вообще придавали ему вид безвредного мужичка.

Единственные изображения женщин — фотографии жен Йенг Сари и Пол Пота. Если о супружестве Тхирит с Йенг Сари было известно, то брак Поннари с Пол Потом держался в тайне. Несмотря на всего девятилетнюю разницу в возрасте, Поннари выглядела, как мать своей младшей сестры Тхирит. Своим обликом Поннари напоминала привидение: отвратительно серого цвета волосы, тощее лицо, отрешенный и одновременно пристальный взгляд в пространство. В эти годы у Поннари обнаружилось нервное расстройство, которое на исходе жизни привело ее в психиатрическую лечебницу в Пекине.

Центром поддержки «красных кхмеров» в Западной Европе стал Париж, где в рядах Союза кхмерских студентов ковались кадры для левого движения Камбоджи. В мае 1970 года эмиссары «красных кхмеров» заняли руководящие позиции в Союзе, на базе которого в 1971 году они создали представительство Национального единого фронта Камбоджи во Франции. Парижское представительство НЕФК фактически превратилось в европейское посольство «красных кхмеров».

В 1971 году Йенг Сари попросил левые кхмерские студенческие организации в европейских странах направить своих представителей в Пекин для участия в конференции по марксизму. Наиболее многочисленная делегация прибыла из Франции. Семинары продолжались восемь дней. По завершении конференции было провозглашено создание Федерации кхмерской молодежи в Европе, на базе которой возникло Европейское движение в поддержку НЕФК.

«Красные кхмеры» очень хорошо изучили западные нравы, которые использовали с выгодой для себя.

В отличие от Лон Нола, который за время войны получил более 1,6 миллиарда долларов американской помощи, «красные кхмеры» выкручивались более-менее самостоятельно. Часть медикаментов, горюче-смазочных материалов и других товаров, необходимых для эффективного ведения боевых действий, «красные кхмеры» покупали у коррумпированных чиновников лонноловского правительства, расплачиваясь валютой.

Отряды «красных кхмеров» заняли плантации гевеи еще в самом начале войны. Французские управляющие договорились с лонноловской администрацией, после чего «красные кхмеры» начали поставлять латекс прямо в Пномпень, где он перерабатывался и затем продавался на мировом рынке. Объем этой странной торговли достиг таких масштабов, что французы построили в Пномпене новые заводы по переработке латекса, которые работали двадцать четыре часа в сутки. Это были единственные промышленные предприятия Камбоджи, которые во время войны зарабатывали твердую валюту. Ежегодная прибыль от продажи каучука составляла десять миллионов долларов. Примерно треть суммы шла «красным кхмерам», которые за эти деньги покупали у правительственных торговцев, чиновников и офицеров оружие и боеприпасы.

Другим источником валютных поступлений «красных кхмеров» являлся экспорт риса. В освобожденных зонах «красные кхмеры» создали сельскохозяйственные кооперативы, которые производили рис, продававшийся за рубеж. На вырученные деньги «красные кхмеры» покупали военное снаряжение.

КОЗНИ СОЦИАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМА

В марте 1970 года Сианук находился с официальным визитом в Советском Союзе, где вел очень сложные и напряженные переговоры с председателем Президиума Верховного совета СССР Николаем Подгорным и председателем Совета министров СССР Алексеем Косыгиным. Сианук просил советских руководителей оказать давление на Северный Вьетнам, чтобы принудить Ханой более скрытно использовать территорию Камбоджи для проведения боевых операций в Южном Вьетнаме. Косыгин рекомендовал Сиануку самому разобраться в этом вопросе с вьетнамцами, «которые борются в трудных условиях за освобождение юга своей страны».

И тут из Камбоджи пришло сообщение о государственном перевороте, в результате которого 18 марта 1970 года Сианук из главы государства превратился в частное лицо. Сианук попросил у Москвы устойчивой политической поддержки своему очень неустойчивому положению, а также немедленных поставок советского оружия для непонятно какого кхмерского сопротивления. Советские руководители ограничились обтекаемыми обещаниями дать оружие в неопределенном будущем, посоветовав Сиануку вылететь в Пномпень. Но бывший глава Камбоджи не хотел возвращаться на родину и попросил политического убежища в Советском Союзе. В ответ на эту просьбу Косыгин отвез Сианука в московский международный аэропорт и отправил его в Пекин.

Москва хотела поскорее избавиться от надоедливого принца. Советские должностные лица меж собой обзывали Сианука бестолковым дураком, фигляром и испорченным ребенком. Руководство СССР никак не отреагировало на заявление Сианука из Пекина о начале борьбы с режимом Лон Нола. Более того, советская пресса почти ничего не сообщи-

ли о кардинальных переменах во внутренней и внешней политике Камбоджи.

Советский Союз признал правительство Лон Нола и не разорвал с Камбоджей дипломатических отношений. Хотя статус советского дипломатического представительства был понижен. Посол СССР Сергей Кудрявцев, полномочия которого официально закончились 15 июля 1971 года, в мае 1970 года покинул Камбоджу. Последующие три года советской дипломатической миссией в Пномпене руководили Временные поверенные в делах СССР. Москва готовилась разыграть в Камбодже собственную комбинацию.

Советскому Союзу надоела непредсказуемость Сианука. В марте 1970 года, еще до государственного переворота, участники антивьетнамских манифестаций в Пномпене разгромили посольства ДРВ и Временного революционного правительства Южного Вьетнама. Советская разведка полагала, что Сианук знал о готовившихся вылазках правых и не воспрепятствовал их подготовке, стремясь таким способом приструнить вьетнамцев, которые чувствовали себя полными хозяевами в восточных камбоджийских провинциях.

С марта 1969 года ВВС США регулярно бомбили позиции вьетнамских партизан на территории Камбоджи. В начале 1970 года Сианук сказал послу США в Пномпене, что он не станет возмущаться, если американцы ударят по коммунистическим базам в Камбодже. После этого американский спецназ совершал регулярные рейды по камбоджийской территории.

Подобная двусмысленность действий Сианука заметно охладила отношение к нему со стороны СССР. Поэтому Москва не очень расстроилась, когда 18 марта 1970 года в Камбодже появилось новое правительство. Руководители Советского Союза надеялся договориться с Лон Нолом по поводу будущего Индокитая.

В Москве «красных кхмеров» считали китайскими марионетками, победа которых автоматически означала бы усиление влияния Китая на Индокитайском полуострове. В то время между СССР и КНР шла очень жесткая идеологическая и внешнеполитическая борьба. Поставленный в положение не-

избежного выбора между проамериканским лонноловским режимом и будущим, как представлялось, маоистским режимом «красных кхмеров», Советский Союз сделал выбор в пользу Лон Нола.

Социалистические страны Восточной Европы — Болгария, Польша, Венгрия, Чехословакия, ГДР — следовали в фарватере политики СССР и не признали Королевское правительство национального единства Камбоджи, продолжая поддерживать дипломатические отношения с лонноловским режимом. Болгария даже подписала с Лон Нолом торговый договор, который до этого обсуждался с правительством Сианука. Естественно, что для «красных кхмеров» сателлиты Советского Союза автоматически попали в разряд враждебных стран.

Среди соцстран Европы НЕФК признали Албания, Румыния и Югославия. В Бухаресте, Тиране и Белграде маловато знали о «красных кхмерах», которые приступили к интенсивной идеологической обработке кхмерских студентов, обучавшихся в этих странах.

Так, в 1972 году в Албании Йенг Сари провел тайное собрание, в котором участвовало около сорока кхмерских студенческих активистов из Югославии, Румынии, ГДР и Франции. Йенг Сари действовал осторожно, избегая упоминаний о коммунистической идеологии. Он играл на патриотизме молодых кхмеров, говоря об освобождении Камбоджи от «иностранных агрессоров и их лакеев». Воодушевленные речами Йенг Сари студенты захотели вернуться в Камбоджу для участия в освобождении родины. Йенг Сари ответил, что кхмерское вооруженное сопротивление не испытывает недостатка в бойцах, и что они принесут больше пользы за рубежом, распространяя позитивную информацию о борьбе кхмерского народа.

Не порывая с Лон Нолом, Советский Союз все же попытался выйти на прямые контакты с «красными кхмерами», используя два канала: посредничество северовьетнамцев и международные общественные организации.

В апреле 1973 года в беседе с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом посол СССР во Вьетнаме Илья Щербаков по-

жаловался: «Кхмеры недооценивают важность контактов с КПСС, а мы нуждаемся в их помощи, чтобы лучше понять ситуацию в Камбодже».

Советские руководители действительно имели смутное представление о «красных кхмерах». В советских документах организация «красных кхмеров» именовалась Кхмерской народно-революционной партией, которая за десять лет до этого была переименована в Коммунистическую партию Кампучии. В июне 1973 года советник-посланник посольства СССР в Ханое передал в международный отдел ЦК Партии трудящихся Вьетнама письмо ЦК КПСС в ЦК КНРП, с предложением установить связи между двумя партиями. «Красные кхмеры» не отреагировали на инициативу Москвы.

В апреле 1974 года посол СССР в Северном Вьетнаме обратился к заместителю министра иностранных дел ДРВ с просьбой организовать встречу с Кхиеу Самфаном, который в то время находился в Ханое. Однако Кхиеу Самфан от встречи с советским послом отказался.

Судя по всему, вьетнамцы и сами не очень-то хотели подпускать советских товарищей к «красным кхмерам», стремясь сохранить монополию на отношения с ними. Хотя официальные вьетнамские представители постоянно говорили о «предпринимаемых усилиях для продвижения отношений между кхмерскими и советскими товарищами». Однако, официальных контактов между «красными кхмерами» и КПСС или другими советскими структурами так и не получилось.

Руководство «красных кхмеров» демонстративно игнорировало знаки внимания со стороны СССР. Пол Пот затаил обиду на Москву еще с 1965 года, когда он просил у советского представителя деньги и оружие, а тот в ответ обещал прислать лекторов для чтения лекций об экономических проблемах Камбоджи.

Столь же безуспешными были попытки Москвы достичь согласия с кхмерскими коммунистами, действовавшими на международной арене в качестве эмиссаров НЕФК, с которыми сотрудники Советского комитета защиты мира, трижды встречались в Москве в течение 1970 года. С кхмерской стороны в беседах участвовал Тхиун Прасит, находившийся в со-

ветской столице проездом из Пекина в Европу на различные международные форумы общественных организаций. Помимо этого, советские представители контактировали с «красными кхмерами» — членами делегаций НЕФК, принимавших участие в международных конференциях против войны во Вьетнаме, которые проходили в сентябре 1970 года в Берлине и в октябре 1970 года в Стокгольме. Все встречи сводились к формальному обмену информацией и мнениями.

В ноябре 1970 года в Стокгольме состоялся форум прогрессивных сил против войны в Индокитае. Посол СССР в Швеции Виктор Мальцев устроил в советском посольстве прием для членов вьетнамской, лаосской и кхмерской делегаций. Это был первый контакт высокопоставленного представителя СССР с «красными кхмерами», которые представляли НЕФК.

В декабре 1970 года в Москве, на пути в Париж, находился Тхиун Прасит. Предварительно вьетнамцы сообщили советским товарищам, что Тхиун Прасит является членом партии кхмерских коммунистов. Поэтому с ним наедине беседовал некто Коваленко (или Коваленок), представившийся сотрудником ЦК КПСС, ответственным за азиатские дела. Коваленко предложил установить связи между КПСС и «красными кхмерами», пообещав помощь и поддержку. Он также попросил организовать официальную встречу с полномочными представителями Коммунистической партии Кампучии. Тхиун Прасит ответил, что ничего не знает о такой партии, но обещал передать просьбу советской стороны руководителям сопротивления в Камбодже. По возвращении в Пекин Тхиун Прасит представил письменный отчет о беседе с Коваленко руководству «красных кхмеров», со стороны которого опять не последовало никакой реакции.

Раздраженная столь пренебрежительным отношением Москва попыталась надавить на «красных кхмеров». В феврале 1972 года, на Всемирной ассамблее за мир и независимость индокитайских народов, проходившей во Франции, советская делегация выступила против внесения в текст итоговой резолюции требования о безоговорочном международном признании НЕФК и КПНЕК в качестве единствен-

ных законных представителей Камбоджи. В ответной речи Тхиун Прасит резко осудил позицию СССР.

Похожая ситуация повторилась в мае 1973 года в Стокгольме на международной конференции по Индокитаю и на специальной конференции по Камбодже, проходившей в декабре 1973 года в Париже. По инициативе советской стороны, по французской столице все тот же Коваленко опять встречался с Тхиун Праситом. Состоялся жесткий обмен мнениями. По пути из Парижа в Пекин в Москве с Тхиун Праситом беседовали сотрудники Советского комитета защиты мира, которые старались загладить жесткость парижской беседы с Коваленко. Но дальше обмена любезностями дело так и не пошло.

Практически единственным источником достоверной информации о «красных кхмерах» для советского руководства оставались разведывательные данные. В период индокитайской войны СССР имел разветвленную агентурную во Вьетнаме и Камбодже. О масштабах и активности советской деятельности в Камбодже свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что в 1972 году численность персонала советских представительств в Пномпене увеличилась до восьмидесяти восьми человек.

В то время Вьетнам, Лаос и Камбоджа были забиты сотрудниками и агентурой разведок социалистических стран, в сферу профессиональных интересов которых неизбежно попадали «красные кхмеры». Даже албанцы создали собственную агентурную сеть в Индокитае.

Спецслужбы братских соцстран активно помогали советским коллегам. Эффективно работала группа монгольских девушек, великолепно знавших китайский язык и занимавшихся перехватом радиопередач не только по Индокитаю, но и по всей Юго-Восточной Азии. Корреспонденты восточногерманского информационного агентства АДН были сотрудниками военной разведки ГДР. Не исключено, что информация о «красных кхмерах» поступала в Москву и из Берлина от посла Демократической Кхмерской Республики в Германской Демократической Республике Кхиеу Тхамваса, родные сестры которого — Поннари и Тхирит — были женами, соответственно, Пол Пота и Йенг Сари. Осведомители польской разведки вхо-

дили в состав высшего руководства Временного революционного правительства Южного Вьетнама. Сотрудники военных ведомств Польской Народной Республики занимались поставками коммунистическим партизанам Южного Вьетнама современных видов оружия из Европы. Оперативные сотрудники венгерской разведки контактировали с дипломатами и специалистами гуманитарных миссий западных стран в Индокитае.

Неоднозначные отношения у советских представителей складывались с корреспондентами югославского информационного агентства ТАНЮГ, под прикрытием которого работали профессиональные разведчики. В силу особого, неприсоединившегося, статуса Югославии сотрудники спецслужб этой страны имели доверительные отношения с коллегами, как из капиталистических, так и из социалистических государств.

Очень важную политическую роль в Индокитае играли польские дипломаты, посредничавшие в негласных контактах между ДРВ и США. Благодаря польским посредникам стали возможными американо-вьетнамские мирные переговоры в 1973 году. Наверняка, поляки делились с советскими товарищами информацией о «красных кхмерах», которую они получали от вьетнамцев.

В начале 1972 года стало известно, что СССР создает в Пномпене коммунистическую «третью силу», независимую от «красных кхмеров». Советские дипломаты вели секретные переговоры с лонноловским правительством об условиях легализации новой коммунистической партии. Лидерами просоветской организации должны были стать Пен Ютх, с которым советские представители работали с середины 1960-х годов, и родной брат Пол Пота — Салот Чхай. Членов партии предполагалось набирать среди студентов Высшего технического института кхмеро-советской дружбы, а также среди кхмерских студентов, возвращавшихся из СССР и других социалистических стран Восточной Европы.

Особенно острые формы борьба за влияние на кхмерских студентов приобрела в ГДР, где «красным кхмерам» удалось расколоть Союз кхмерской молодежи. Кхмерские студенческие организации в ГДР прекратили сотрудничество с

Союзом камбоджийских студентов в СССР и переориентировались на Союз кхмерских студентов во Франции, который к тому времени уже перешел под полный контроль «красных кхмеров».

В июне 1972 года Лон Нол провел в Камбодже парламентские выборы. Среди потенциальных лидеров просоветской партии наиболее успешно выступил Салот Чхай, набравший в Пномпене более четырех тысяч голосов избирателей. Салот Чхай погиб весной 1975 года, сразу после прихода «красных кхмеров» к власти. Его не спасло близкое родство с Пол Потом.

«Красные кхмеры» очень болезненно реагировали на козни социал-империализма в облике Советского Союза, разоблачая его происки по созданию «третьей силы»: «Враги отчаянно пробуют получить политическими и дипломатическими маневрами то, что они не могут получить военными средствами. <...> Они активно стараются создать «третью силу», чтобы поколебать нашу решимость вести борьбу до полной победы. <...> Любая надежда относительно «третьего пути» является иллюзией тех, кто фактически стремится спасти клику предателей Лон Нола от неизбежного краха».

НАПРЯЖЕНИЕ ОРЛА

Несмотря на массированную военную и экономическую помощь США, ареал власти режима Лон Нола сжимался с каждым днем. К концу 1973 года лонноловское правительство контролировало только 25% камбоджийской территории. Как минимум, половина из семимиллионного населения страны поддерживала «красных кхмеров», которые уверенно шли к военной победе. Американцы совершили в Камбодже фатальную стратегическую ошибку: вместо усиления антикоммунистических сил в Индокитае они получил дополнительный театр военных действий, на котором доминировала партизанская армия «красных кхмеров».

Летом 1972 года США начали переговоры с ДРВ о прекращении войны в Индокитае. Вашингтон полагал, что мирные соглашения с Ханоем автоматически приведут к прекращению боевых действий в Камбодже. Вьетнамцы без консультаций со своими кхмерскими союзниками согласились на прекращение огня в Камбодже, что вызвало бурю негодования в стане «красных кхмеров».

В конце 1972 года, на заключительной стадии американо-вьетнамских переговоров в Париже, глава делегации США на нескольких тайных встречах потребовал от представителей «красных кхмеров» немедленно начать переговоры с Лон Нолом. Упорствуя в своем заблуждении о марионеточном характере кхмерского сопротивления, Генри Киссинджер, занимавший в то время пост советника президента США по вопросам национальной безопасности, слепо верил в то, что по приказу Ханоя «красные кхмеры» тут же усядутся за стол мирных переговоров с американским ставленником Лон Нолом.

Действительно, члены политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама уговаривали «красных кхмеров» присоединиться к переговорам. Пол Пот твердо, решительно, жестко и пре-

зрительно отказался, поскольку не видел в этом абсолютно никакого смысла. Позже он так аргументировал свою позицию: «Если бы мы согласились на перемирие в 1973 году в соответствии с маневрами американских и вьетнамских врагов, мы понесли бы тяжелый ущерб. Во-первых, мы проиграли бы американскому империализму и его лакеям и, во-вторых, мы стали бы вьетнамскими рабами, а кампучийская раса полностью утратила бы свою идентичность».

Предупреждение вьетнамцев, что отказ от переговоров может повлечь жестокое наказание со стороны США, «красные кхмеры» восприняли как попытку шантажа.

Парижские мирные соглашения между ДРВ и США вступили в силу 28 января 1973 года. Северный Вьетнам добился вывода американских войск из Южного Вьетнама и прекращения налетов американской авиации на ДРВ. При этом северо-вьетнамские войска оставались на юге страны. В Южном Вьетнаме объявили перемирие.

«Красные кхмеры» восприняли Парижские соглашения как предательство вьетнамцев, намереваясь вести войну до победного конца. Тем более что в 1973 году режим Лон Нола, кроме Пномпеня, контролировал лишь малонаселенные провинциальные центры Камбоджи, взлетно-посадочные полосы и деревни вокруг городов.

В этой ситуации Киссинджер не придумал ничего лучше, как начать массированные бомбардировки Камбоджи. Он надеялся таким способом заставить «красных кхмеров» пойти на мирные переговоры с Лон Нолом. С января по август 1973 года американские бомбардировщики утюжили камбоджийскую землю, совершая более шестидесяти боевых вылетов в день.

Но «красные кхмеры» не стали более сговорчивыми. Напротив, они обрели еще более массовую поддержку населения. Американские бомбардировки превратили сельские районы Камбоджи в одну огромную революционную базу движения «красных кхмеров».

После начала налетов американской авиации вьетнамцы вывели свои вооруженные подразделения из Камбоджи, сгруппировав их вдоль камбоджийско-вьетнамской границы.

Ханой хотел спасти своих солдат от ударов ВВС США и надеялся, что раздавленные американскими бомбами «красные кхмеры» превратятся в послушных исполнителей указаний руководства Северного Вьетнама. Одновременно начались сбои в поставках китайского оружия, которое доставлялось в Камбоджу через Вьетнам.

Со своей стороны, «красные кхмеры» чинили препятствия вьетнамцам при перемещении по камбоджийской территории и при покупке продовольствия у населения. Они убили корреспондентов Вьетнамского информационного агентства и артистов вьетнамской агитбригады. Когда Ханой потребовал разъяснений по поводу этих инцидентов, «красные кхмеры» ответили, что нападения совершают недисциплинированные солдаты.

США понимали, что у режима Лон Нола остается мало шансов на выживание. Единственное спасение — пусть и унизительный, но немедленный мир. Американцы попросили о посредничестве председателя Румынской коммунистической партии, президента Румынии Николае Чаушеску. Румынскому президенту предстояло выполнить весьма деликатное поручение Вашингтона.

Несмотря на социалистический статус, вождь Румынии Чаушеску регулярно демонстрировал норов, стараясь так или иначе напакостить Москве. Румыния вышла из военной организации Варшавского договора и в 1968 году отказалась послать свои войска в Чехословакию для подавления «пражской весны». Несмотря на то, что в Европе по степени ортодоксальности коммунистический режим Румынии уступал только Албании, Вашингтон негласно покровительствовал Чаушеску. США рассчитывали, что непослушная Румыния изнутри расшатает единство государств советского блока.

Постепенно между Бухарестом и Вашингтоном установились доверительные отношения. Поэтому американцы и попросили румынского диктатора уговорить «красных кхмеров» пойти на переговоры с Лон Нолом с целью прекращения боевых действий в Камбодже.

В июне 1973 года в Бухарест прилетела делегация «красных кхмеров» в составе Кхиеу Самфана, Йенг Сари и Йенг Тхи-

рит. Румынский президент сердечно принял кхмерских гостей, разместив их в одном из самых шикарных горных замков в Карпатах. Чаушеску попытался убедить Кхиеу Самфана и Йенг Сари в разумности достижения компромисса с Лон Нолом, но получил твердый отказ.

Потерпев тотальное фиаско на дипломатическом поприще и осознав бессмысленность бомбардировок камбоджийской территории, 15 августа 1973 года президент США Ричард Никсон подписал директиву о прекращении любых, прямых или косвенных, боевых действий вооруженных сил США над, в или около Камбоджи.

Война в Индокитае вступила в заключительную стадию. В октябре 1973 года руководство ДРВ приняло решение о развертывании решающего наступления в Южном Вьетнаме. Без согласования с «красными кхмерами» в 1974 году вьетнамцы создавали в Камбодже склады оружия и боеприпасов, центры подготовки личного состава, госпитали и ремонтные мастерские для военной техники.

«Красные кхмеры» терпели самоуправство вьетнамцев на своей территории, потому что на данном этапе главной целью было окончательное уничтожение режима Лон Нола. В декабре 1973 года сомкнулось кольцо блокады вокруг Пномпеня. Артиллерия «красных кхмеров» беспрестанно обстреливала камбоджийскую столицу.

Бездарность политики, проводившейся Киссинджером в Индокитае, становилась очевидной для его подчиненных. В декабре 1973 года посол США в Южном Вьетнаме Грэхем Мартин попробовал убедить Киссинджера в необходимости уступок «красным кхмерам». Мартин придумал изощренную аргументацию: если Вашингтон согласится на устранение Лон Нола, то война в Камбодже прекратится и Соединенным Штатам более не придется нести тяжелое бремя расходов по содержанию лонноловского правительства; высвободившиеся ресурсы можно будет использовать для укрепления проамериканского режима в Южном Вьетнаме. Но Киссинджер категорически отверг подобный вариант, посчитав его унизительным для своего достоинства и проявлением слабости США.

Киссинджер приказал американским послам в Южном Вьетнаме и Камбодже сделать все возможное, чтобы он мог

вести переговоры с позиции силы. Но проамериканские марионеточные режимы в Сайгоне и Пномпене доживали последние месяцы. Персонал дипломатической миссии США в Камбодже уже думал о том, как вывести американских граждан из страны целыми и невредимыми, а не о том, чтобы вести с «красными кхмерами» переговоры с позиции силы.

В апреле 1974 года Кхиеу Самфан, председатель Высшего военного командования, прибыл в Пекин с официальным визитом. К замешательству Сианука, китайцы принимали лидера «красных кхмеров» с почестями, достойными главы государства. На банкете Кхиеу Самфан осудил «такие порочные маневры как обманное перемирие, обманные переговоры и обманный мир», исключив какой-либо компромисс с Лон Нолом. В качестве символического жеста он подарил председателю Госсовета КНР Чжоу Эньлаю гранатомет. Правительство Китая удовлетворило просьбу Кхиеу Самфана об увеличении военных поставок «красным кхмерам».

К ноябрю 1974 года «красные кхмеры» перерезали все сухопутные транспортные пути к Пномпеню. Оставался Меконг, по которому режим Лон Нола получал грузы военного назначения из Южного Вьетнама. Китайцы помогли решить и эту проблему, передав «красным кхмерам» новейшие водные мины, с помощью которых те заблокировали судоходство из Сайгона в Пномпень. Застрявшие на Меконге баржи «красные кхмеры» топили огнем тяжелой артиллерии, которую они также получили из Китая.

Китайцы действовали отнюдь небескорыстно. «Красные кхмеры» подписали с КНР тайный договор, по которому они обещали расплатиться за китайское оружие будущими поставками каучука из Камбоджи в Китай.

Единственной ниточкой, связывавшей лонноловцев с внешним миром, оставался воздушный мост, установленный Пентагоном. Ежедневно в пномпеньском аэропорту десятки раз приземлялись транспортные самолеты ВВС США, доставлявшие из Таиланда и Южной Кореи рис для изголодавшегося населения Пномпеня и боеприпасы для лонноловской армии, волю которой к сопротивлению уже сломили «красные кхмеры».

В начале 1975 года Вашингтон предпринял последнюю попытку решить камбоджийский кризис силовыми методами. 7 января 1975 года Киссинджер созвал срочное заседание кризисной команды. На следующий день президентская администрация объявила о намерении просить у Конгресса США согласия на выделение дополнительной военной помощи правительству Лон Нола в размере двухсот миллионов долларов. Абсурдность подобного шага хорошо осознавали аналитики ЦРУ, которые пришли к выводу, что режим Лон Нола не сможет восстановить военную инициативу в обозримом будущем. Директор ЦРУ Уильям Колби сумел доходчиво объяснить это соответствующей комиссии Конгресса США.

Четыре года «красные кхмеры» упорно шли к военному триумфу. В трудных условиях партизанской войны они сумели создать боеспособную шестидесятитысячную армию, вооруженную в основном трофейным американским оружием. В отличие от Северного Вьетнама, который ежегодно получал советской и китайской военной помощи на сумму в один миллиард долларов, «красные кхмеры» выкручивались в значительной мере самостоятельно. Лишь на заключительном этапе войны они получили тяжелое вооружение из Китая. Кроме того, непосредственно накануне решающего штурма Пномпеня вьетнамцы согласились передать «красным кхмерам» избыточное количество боеприпасов из своих запасов и прислать часть своей артиллерии.

По рекомендации американцев, 3 марта 1975 года Лон Нол объявил о готовности добровольно уйти в отставку. «Красные кхмеры» безмолвствовали. От Лон Нола уже абсолютно ничего не зависело. Посол США в Пномпене Джон Дин, которого достал инфантильный оптимизм Киссинджера, спокойно заявил журналистам, что Лон Нол может уповать только на почетную капитуляцию.

С 20 марта 1975 года западные посольства в Пномпене деловито готовились к эвакуации. Ежедневно американские самолеты вывозили из камбоджийской столицы сотни граждан западных государств. 4 апреля 1975 года восемь военных кораблей ВМС США, включая вертолетоносец «Окинава»,

встали на рейде в Сиамском заливе, готовые принять беженцев из Пномпеня.

В тот же день Дин сообщил персоналу посольства о своем решении вывезти всех без исключения американцев из Камбоджи. Он также предложил покинуть страну и камбоджийским служащим посольства США, большинство из которых отказалось. Но тут Дин получил сверхсекретную депешу из Вашингтона. Эвакуация американцев откладывалась на неопределенное время. В последнюю минуту Киссинджер решил, что американское присутствие в Пномпене все еще необходимо как «стабилизирующий фактор».

А между тем в Пномпене царила анархия. Полицейские никому не подчинялись и беспардонно обыскивали автомобили с дипломатическими номерами. Офицеры лонноловской армии обещали американским дипломатам взять их в заложники, чтобы потом передать «красным кхмерам» в обмен на спасение собственных жизней. После того, как американцы на транспортном самолете вывезли Лон Нола в США, на Гавайские острова, всем стало ясно, что четырехлетний эксперимент Генри Киссинджера в Камбодже заканчивается позорным провалом.

11 апреля 1975 года Джон Дин опять запросил у госдепартамента разрешение начать эвакуацию американцев из Пномпеня. Киссинджер не разрешил. Он поручил специальному представителю государственного департамента США в Пекине предложить Сианука вернуться в Пномпень без всяких предварительных условий. Вашингтон обещал Сиануку полную поддержку в «его усилиях по восстановлению мира в Камбодже».

Сианук выразил готовность немедленно вылететь в Пномпень. Однако приземляться ему уже было негде. Буквально в тот же самый день «красные кхмеры» блокировали столичный аэропорт, покрыв летное поле огнем своей артиллерии.

В ночь на 12 апреля 1975 года командование морской пехоты США получило приказ о начале операции по вывозу американских граждан из Пномпеня под кодовым наименованием «Напряжение орла». Американцев вывозили вер-

толетами, которые приземлялись на лужайке перед посольством США. Дин покинул свой офис с американским флагом под мышкой.

В ответ на предложение Джона Дина бежать из Пномпеня вместе с американцами бывший премьер-министр лонноловского правительства Сирик Матак направил послу США письмо, которое заканчивалось следующими словами: «Что касается вас и в особенности вашей великой страны, до настоящего момента я не верил, что вы бросите людей, которые выбрали свободу. ... Желаю вам и вашей стране найти счастье под этим небом. ... Я же совершил ошибку, поверив американцам».

После взятия Пномпеня одним из первых, кого расстреляли «красные кхмеры», был Сирик Матак.

НУЛЕВОЙ ГОД

Крестьянская революция «красных кхмеров» победила 17 апреля 1975 года. Бывший советник правительства Камбоджи француз Шарль Мейер определил причины ее успеха: «Более двадцати лет кампучийская революция вызревала в деревнях. ... Перед началом революционных действий марксистская интеллигенция училась у крестьян. Политическая линия терпеливо разрабатывалась, исправлялась, когда требовали обстоятельства, и применялась с минимальным компромиссом в контексте жизненного опыта крестьян и с их участием».

В феврале 1975 года конгресс Национального единого фронта Камбоджи провозгласил намерение установить в стране либеральный строй социал-демократической направленности. Подтверждением серьезности этих планов является тот факт, что в январе 1975 года отпечатали новые кампучийские деньги — «риели освобождения», которые были пущены в обращение только в восточной зоны Камбоджи, где они циркулировали несколько месяцев. Но 19 сентября 1975 года ЦК ПКК принял окончательное решение об отказе от денег, поскольку «денежное обращение неизбежно порождает элементы капиталистических отношений».

Также в феврале 1975 года было принято решение о выселении жителей городов в сельскую местность. Надо сказать, что о плане перемещения городского населения знал очень узкий круг руководителей «красных кхмеров». Например, один из лидеров умеренного крыла «красных кхмеров» Ху Ним узнал об эвакуации только 19 апреля 1975 года, то есть через два дня после ее начала.

К марту 1975 года в городах, прежде всего в Пномпене, скопилось от двух до трех миллионов человек, бежавших из районов боевых действий. Администрация режима Лон Нола утратила контроль над обнищавшими толпами, наводнивши-

ми столицу. В Пномпене царили безработица и голод, ощущалась острая нехватка всего самого необходимого для нормальной жизнедеятельности. Например, электричество подключали только на четыре часа в сутки, да и то через день.

Как следствие, Пномпень погрузился в хаос бандитизма и беззакония. Лонноловские власти сдерживали голодные бунты, бесплатно раздавая рис, который завозился из Южной Кореи военно-транспортными самолетами ВВС США. Но в апреле 1975 года поставки риса из-за рубежа прекратились.

Накануне победы «красных кхмеров» американское Агентство международного сотрудничества в своем докладе констатировало, что Камбоджа оказалась на грани голода, для предотвращения которого новым властям страны немедленно потребовалось бы, как минимум, 175—250 тысяч тонн риса. Американские эксперты приходили к выводу о неотвратимости массового голода в Камбодже без массированной международной помощи.

«Красные кхмеры» исключали возможность обращения за помощью к империалистическим государствам. Но и оставлять в столице голодные массы они не могли. В Пномпене сконцентрировался заряд огромной разрушительной силы. Если бы вспыхнул бунт, то в условиях тотальной послевоенной разрухи «красные кхмеры» просто бы с ним не справились.

Это была реальная опасность, поскольку американцы оставили в Пномпене сотни, если не тысячи провокаторов, в задачу которых входило подстрекательство населения к выступлениям против новых властей. Поэтому «красные кхмеры» решили принудительно вывести людей из Пномпеня, рассредоточив их по провинциям и взять таким образом ситуацию под контроль.

В принципе, они не сделали ничего необычного. После победы в Южном Вьетнаме вьетнамские коммунисты также переселили большую часть жителей Сайгона в новые экономические районы. Но «красные кхмеры» решили проблему в присущем им стиле — очень радикально, выселив в деревни всех горожан, которые теперь должны были сами добывать себе пропитание, работая на рисовых полях.

Перед началом операции «красные кхмеры» объявили через громкоговорители, что эвакуация населения носит временный характер и проводится для того, чтобы спасти горожан от бомбардировок американской авиации. А когда эта опасность будет устранена, то людям через три месяца позволят вернуться обратно в города. То же самое было сказано и командирам «красных кхмеров», которые непосредственно проводили эвакуацию.

Готовясь к перемещению такого огромного количества людей, «красные кхмеры» заранее создали склады с продовольствием. Рис с этих складов раздавался городским жителям во время их следования в сельхозкоммуны. Наверняка, в реальности все выглядело не столь идеально. Много людей — больных и стариков — умерло в пути. Да и бойцы «красных кхмеров», сопровождавшие колонны, особенно не церемонились с горожанами, которых воспринимали как паразитов, погрязших в довольстве за счет эксплуатации трудящегося крестьянства. Тем более что большинство выведенного из Пномпеня населения не было чисто кхмерским. Согласно подсчетам, основанным на показаниях очевидцев, при перемещении людей из городов в сельскую местность в апреле 1975 года погибло примерно десять с половиной тысяч человек из двух миллионов.

Вначале эвакуированных размещали в пригородах. А вглубь страны в сельхозкооперативы стали отправлять после 20 мая 1975 года. В это же время обратно в города были возвращены рабочие промышленных предприятий и работники железной дороги. Также сотни солдат-женщин «красных кхмеров» были направлены в города в качестве работниц промышленных предприятий.

Примечательно, что одно время среди кадровых работников «красных кхмеров» среднего уровня ходили разговоры о том, что будет построена новая столица, а старую — Пномпень — разрушат.

Одновременно с выселением горожан в сельскую местность начались расстрелы служащих поверженного режима - офицеров лонноловской армии, полицейских, высокопоставленных чиновников правительства, - а также гражданских

лиц, отказывавшихся выполнять приказы новых властей. Количество расстрелянных в апреле 1975 года оценивается примерно в двадцать тысяч человек. Как отметил Кхиеу Самфан в выступлении по «Радио Пномпеня» 21 апреля 1975 года, «враг умирал в агонии».

В первые месяцы после победы «красных кхмеров» Сианук сидел в Северной Корее и скорее хотел вылететь в Пномпень, где, как он надеялся, ему передадут государственную власть в новой Камбодже. Однако «красные кхмеры» рекомендовали Сианука потерпеть, сославшись на очистку Пномпеня от вражеских агентов, создание нормальных гигиенических условий, ремонт аэропорта, меблировку королевского дворца и т.п.

С 25 по 27 апреля 1975 года в Пномпене прошел специальный национальный конгресс, в котором, как сообщало «Радио Пномпеня», приняли участие 125 представителей народных организаций, 112 делегатов от военных, 20 представителей буддийского духовенства и 54 представителя Национального единого фронта Камбоджи. Этот конгресс «отменил двухступенчатое общество, состоящее из богатых и бедных, и устранил все формы угнетения». Кроме того, конгресс подтвердил, что «Сианук, являющийся выдающейся патриотической личностью, остается главой кхмерского государства».

А 20-25 мая 1975 года в спортивном комплексе Пномпеня прошла специальная конференция с участием нескольких тысяч военных и партийных кадров «красных кхмеров». Партийные секретари прибыли со всей страны. Также на конференции присутствовали командиры и политработники всех военных формирований «красных кхмеров». Участники конференции обсудили план действий на ближайшее будущее.

В первый день конференции с докладом выступил второй человек в партийной иерархии «красных кхмеров» Нуон Чеа, отвечавший за идеологию. Нуон Чеа, в частности, сказал: «Построение социализма состоит их двух частей — сельского хозяйства и промышленности. Сельское хозяйство будет модернизировано научными методами в течение 10-15 лет путем строительств дам и ирригационных каналов по всей стране. За тот же период будет модернизирована и промыш-

ленность с помощью научных технологий. ... Успешное построение социализма предполагает внедрение внутренних агентов в партии, правительстве, вооруженных силах, различных организациях и среди масс народа с целью обеспечения правильного и быстрого построения социализма». Нуон Чеа решительно высказывался против рынка и денег, которые «порождают собственность и, следовательно, неравенство, поэтому частная собственность должна быть полностью ликвидирована».

Пол Пот выступал во второй день конференции. Он изложил план действий из восьми пунктов: «Эвакуация населения из городов, упразднение рынков, отмена валюты режима Лон Нола и введение революционной валюты, лишение всех буддийских монахов духовного сана и отправка их на работу по выращиванию риса, ликвидация всех высших лидеров режима Лон Нола, введение кооперативов по всей стране, высылка из страны всего вьетнамского меньшинства, отправка воинских частей на границы, особенно на границу с Вьетнамом».

Позже участники той конференции вспоминали Пол Пота как «доброжелательного и приятного руководителя, который говорил немного, а все улыбался и улыбался, говорил, главным образом, об общих, теоретических вещах, его слова были мягкие, а не жесткие, он казался простым человеком из народа». А вот в облике Нуон Чеа те же самые участники конференции отмечали «что-то грубое, жесткое, вульгарное и даже преступное». Но вместе с тем, эти два человека — Пол Пот и Нуон Чеа — почти всегда появлялись на собраниях «красных кхмеров» вместе, сидели рядом и говорили поочередно.

На той конференции единственным человеком, открыто выступившим против плана Пол Пота, был член ЦК ПКК, министр внутренних дел, коммунальных реформ и кооперативов в КПНЕК Ху Юн, который решительно высказался против выселения горожан в сельскую местность, а также за сохранение денежного обращения и буддизма. После этого Ху Юна отправили на перевоспитание в сельскохозяйственный кооператив.

В мае 1975 года Сианук выступил с посланием в поддержку реформ коммунистического характера, провозглашенных «красными кхмерами», среди которых царило полное едино-

душие в отношении к роли и месту Сианука — бывший монарх не мог претендовать на что-либо серьезное в новом государстве: «Поскольку Сианук наш союзник, то он не на стороне врага. Сианук — наш заложник. Мы можем делать с ним, что захотим».

Сианук понял, что «красные кхмеры» не дадут ему управлять новой Камбоджей. Он объявил о желании уехать в эмиграцию во Францию. Это легкое давление подействовало на «красных кхмеров», которые все-таки нуждались в Сиануке для обеспечения международного признания своего государства.

19 августа 1975 года в Пхеньян прибыли Кхиеу Самфан и Йенг Тхирит, передавшие Сиануку официальное предложение стать главой нового государства. Но Кхиеу Самфан сообщил Сиануку, что его секретариат надо расформировать. В Пекине Кхиеу Самфан и Йенг Тхирит встретились с Мао Цзэдуном, который попросил их: «Пожалуйста, не посылайте Сианука и его жену в сельскохозяйственный кооператив». Эта просьба, вероятно, и спасла жизнь Сиануку.

Мао восхищался «красными кхмерами». Принимая 21 июня 1975 года Пол Пота как героя, Мао Цзэдун сказал: «Одним ударом вы достигли того, что мы делали очень долго со всеми нашими массами. ... Надо у вас учиться, как делать революцию».

Другой патриарх китайского коммунизма Чжоу Эньлай проявлял сдержанность, оценивая достижения «красных кхмеров». В августе 1975 года тяжело больной Чжоу еле слышным голосом упрашивал Кхиеу Самфана и Йенг Тхирит: «Пожалуйста, продвигайтесь медленно к коммунизму. Вы не можете достичь коммунизма одним махом, а только шаг за шагом. Пожалуйста, сделайте много маленьких шагов, медленно и наверняка. ... Мы, китайские коммунисты, должны переживать серьезные последствия наших собственных ошибок. Мы берем на себя смелость предостеречь вас от попытки достичь заключительной стадии коммунизма одним большим прыжком вперед. Вы должны продвигаться по пути к коммунизму с большими предосторожностями, постепенно и мудро. ... Если благоразумие и мудрость оставят вас, то вы заставите ваш народ страдать. Коммунизм должен быть понят

как обеспечение счастья, процветания, достоинства и свободы людей. Если вы попытаетесь достичь полного коммунизма за один короткий прыжок, игнорируя менталитет людей и существующие реалии, то появится риск погружения вашего народа и страны в бедствие. Я прошу вас не делать те же самые ошибки, которые мы сделали в Китае».

Наверное, к рекомендациям Чжоу Эньлая мог бы прислушаться признанный и авторитетный лидер умеренного крыла «красных кхмеров» Ху Юн, который, в августе 1975 года на одном из митингов в провинции Компонгчам выступил с резкой критикой политики, проводившейся руководством «красных кхмеров». Народ встретил его выступление бурными аплодисментами. После митинга один из телохранителей застрелил Ху Юна, тело которого бросили в Меконг. Впоследствии, отвечая на вопросы иностранцев об участи Ху Юна, представители «красных кхмеров» говорили, что он «страдает болезнью сердца, но партия заботится о нем».

Сианука привезли в Пномпень 9 сентября 1975 года, организовали митинг в его честь на пномпеньском стадионе и позволили один раз председательствовать на заседании правительства, на котором обсуждались несущественные вопросы. Сианук находился в Пномпене всего три недели, практически не выходя из своей резиденции, оборудованной на борту теплохода. Все время было посвящено подготовке выступления в ООН. «Красные кхмеры» доходчиво объяснили Сиануку, что он должен сказать мировому сообществу. К этому времени кхмерские беженцы в Таиланде уже успели направить письма генеральному секретарю ООН с описаниями жестокостей, творимых «красными кхмерами».

Выступая 3 октября 1975 года на сессии Генеральной ассамблеи ООН, Сианук защищал режим «красных кхмеров», развеяв «измышления о его преступной сущности». Сианук с честью выполнил поставленную перед ним задачу: добился в ООН международного признания режима «красных кхмеров» и заложил основу для развития их отношений с потенциальными партнерами в Европе, Африке и Азии. После пребывания в США Сианук посетил Румынию, Югославию, Албанию, Ирак, Сирию, Судан, Танзанию и Пакистан. По завершении ди-

пломатического турне Сианук прибыл в Пхеньян, откуда явно не хотел возвращаться на родину.

Стоит отметить, что с апреля 1975 в течение полугода центральное руководство в Пномпене не могло взять под свой контроль ситуацию на местах. Так, в сентябре 1975 года один из руководителей «красных кхмеров» в провинции Батамбанг, граничащей с Таиландом, говорил репортеру из газеты «Бангкок Пост»: «Последние шесть месяцев в Камбодже нет центрального правительства. <...> Существует неразбериха в том, кому принадлежит реальная власть в Камбодже».

Действительно, только 9 октября 1975 года ЦК ПКК принял решение о формировании центрального правительства, в котором Пол Пот был назначен ответственным за военную сферу и экономику. Его заместитель по партийной линии Нуон Чеа отвечал за партийную работу, социальное благосостояние, культуру, пропаганду и образование; Йенг Сари — за международные связи, как партии, так и государства; Кхиеу Самфана — за королевское правительство и финансовые дела; Кой Тхуон — за местную и зарубежную торговлю; Сон Сен — за генеральный штаб и безопасность; Вон Вет — за промышленность, железную дорогу и рыболовство; Нон Суон — за сельское хозяйство.

В декабре 1975 года Сианук, сидевший в Пхеньяне, получил письмо от Кхиеу Самфана, который предупреждал, что в случае некорректного поведения Сианук «все потеряет и ничего не выиграет». 31 декабря 1975 года Сианук вернулся в Пномпень.

5 января 1976 года Сианук в последний раз председательствовал на заседании правительства. Ему показали эскизы флага и герба нового государства, а также дали подписать текст новой конституции, в соответствии с которой Камбоджа обрела новое официальное наименование — Демократическая Кампучия.

20 марта 1976 года прошли выборы депутатов Собрания народных представителей Демократической Кампучии. 2 апреля 1976 года состоялась первая сессия парламента «красных кхмеров», который принял отставку Сианука со всех государственных постов. Премьер-министром Демокра-

тической Кампучии утвердили Пол Пота, председателем Государственного президиума (главой государства) — Кхиеу Самфана, председателем Постоянного комитета Собрания народных представителей — Нуон Чеа.

Сианук узнал обо всем происходящем из передачи «Радио Пномпеня». Новость об отставке Сианука зачитал Кхиеу Самфан, который назвал Сианука великим патриотом, сообщив о намерении соорудить ему памятник и выделить пенсию в размере восьми тысяч долларов ежегодно. После этого Сианук хотел уехать из Кампучии, но «красные кхмеры» ему порекомендовали не покидать страну. Три года Сианук просидел под домашним арестом в Пномпене, выращивая овощи и фрукты на грядках, разбитых во дворе королевского дворца.

«Красные кхмеры» позволяли знать миру о происходящем в Кампучии лишь в той степени, в какой сами этого хотели. Они сознательно изолировались от мирового сообщества. Отключили международную телефонную и телетайпную связь. Отменили все регулярные авиалинии за рубеж, за исключением редких рейсов в Пекин и, в течение некоторого времени, в Ханой и Хошимин (бывший Сайгон). Сухопутные границы на многих участках заминировали, морские границы постоянно патрулировались пограничными катерами.

Молчание «красных кхмеров» становилось таинственным и даже зловещим. Первые свидетельства о жизни в Демократической Кампучии, рассказанные кхмерами, бежавшими в Таиланд, рисовали фантастические картины режима-монстра, режима-чудовища. «Красные кхмеры» отклоняли все предложения о международной помощи заявляя, что никогда не примут зарубежных милостыни и подачек.

В 1975 году «красным кхмерам» досталась разоренная войной страна. Остановились практически все промышленные предприятия. В районах ведения боевых действий резко сократилось сельскохозяйственное производство. Было совершенно непонятно, как «красные кхмеры» собираются накормить три миллиона обитателей городов. Но «красные кхмеры» и не собирались никого кормить бесплатно. Каждый житель страны обязан был сам добывать себе пищу.

В конце 1975 года был получен первый послевоенный урожай, который позволил «красным кхмерам» ввести следующие ежедневные нормы распределения риса: 250 г — для членов сельхозкоммун и 350 г — для рабочих промышленных предприятий. В то время минимально необходимая норма потребления риса, установленная Всемирной организацией здравоохранения, составляла 450 г в день. В последующие годы, по мере роста урожаев, «красные кхмеры» увеличивали и ежедневные нормы потребления риса.

К концу 1975 года были восстановлены предприятия, выпускавшие продукцию первой необходимости. Говоря о планах правительства на 1976 год, Пол Пот подчеркивал: «Необходимо обратить внимание на производство изделий кустарного промысла и продукции для повседневной жизни людей: одежда, полотенца, москитные сетки, одеяла, рыбный соус. <...> Для достижения этой цели мы строим различные мастерские в областях, районах и сельскохозяйственных кооперативах. Мы исходим из того, что в будущем эти мастерские постепенно превратятся в фабрики и заводы. ... Мы стремимся развивать промышленность повсюду на местах».

Цели на более отдаленную перспективу «красные кхмеры» изложили в «Четырехлетнем (1977—1980 гг.) плане построения социализма».

Главным источником поступления свободно конвертируемой валюты должен был стать экспорт сельскохозяйственной продукции. С начала 1977 года и до конца 1980 года «красные кхмеры» надеялись получить 1,39 миллиарда долларов от продажи риса. Эти деньги предназначались для закупок за рубежом современной сельскохозяйственной техники и оборудования для строительства заводов по производству собственной сельхозтехники. Уже в 1980 году «красные кхмеры» планировали выпускать в Кампучии одну тысячу тракторов и шесть тысяч рисовых молотилок.

За тот же период от продажи каучука «красные кхмеры» рассчитывали получить семьдесят миллионов долларов и двадцать девять миллионов долларов — от экспорта другой продукции. Эти деньги предназначались для строительства различных промышленных предприятий и модерниза-

ции морского порта в Компонгсаоме (бывший Сианукви́ль). Кроме этого, «красные кхмеры» намеревались построить разветвленную сеть железных дорог по всей Кампучии. На это предполагалось израсходовать сто миллионов долларов.

Дополнительным источником поступления валюты должен был стать туризм. «Красные кхмеры» собирались открыть комплекс храмово-культовых сооружений в Ангкоре для иностранных туристов. Для этого планировалось построить в расположенном рядом Сиемреапе отели со всеми удобствами, отремонтировать взлетно-посадочную полосу местного аэропорта и открыть мастерские по изготовлению сувениров.

Важным учреждением в Демократической Кампучии было министерство иностранных дел, поскольку именно от результатов его работы во многом зависел успех реализации четырехлетнего плана построения социализма.

МИД, имевший закодированное обозначение В-1, располагался в здании Школы изящных искусств и на прилегающих виллах. В 1976 году численность работников МИДа достигла полутора сотен человек. Наиболее многочисленный обслуживающий персонал работал на кухне и в огороде, а также занимался разведением кур и выращиванием черепах в искусственных прудах, вырытых вокруг министерства. При «красных кхмерах» каждое министерство и ведомство имело свое подсобное хозяйство, с которого кормились его служащие. Периодически все мидовцы, независимо от должности, занимались физическим трудом. Еще одна рабочая группа МИДа ремонтировала и обслуживала здания зарубежных дипломатических миссий в Пномпене.

Все сотрудники МИДа питались в общей столовой. В-1 пользовался привилегией получать хлеб из специальной пекарни, выпекавшей хлебобулочные изделия для членов дипломатического корпуса в Пномпене. Супруги, работавшие вместе в МИДе, жили раздельно. Это правило распространялось на всех без исключения, включая и министра иностранных дел Йенг Сари, который жил отдельно от своей жены Йенг Тхирит.

Дети мидовских работников жили и воспитывались в детском садике при министерстве. При МИДе открыли шко-

лу для детей девяти-тринадцати лет из сельской местности, которых учили грамоте и иностранным языкам. Эта школа должна была подготовить новых дипломатов с незамутненным буржуазными пережитками сознанием.

Строгий распорядок работы МИДа выполнялся неукоснительно: подъем (05.00); уборка помещений, работа на грядках и в саду (до 06.00); прослушивание национального радио (06.00—07.00); приветствие государственного флага (07.00); работа в бюро (07.05—11.00); политические занятия (11.20—12.30); работа в бюро (13.00—16.30); физическая работа и обед (16.30—19.00); возобновление работы (19.00); собрание (22.00). Политзанятия начинались и заканчивались хоровым пением гимна Демократической Кампучии и Интернационала.

С 1976 года МИД выпускал информационные бюллетени для зарубежных дипломатов, находившихся в Пномпене. В основном это были переведенные на французский и английский языки распечатки передач «Радио Пномпеня». Раз в неделю составляли бюллетени для заграницы, которые отправлялись в посольство ДК в Пекине.

С 1977 года служба безопасности начала регулярно выявлять в МИДе агентов КГБ, ЦРУ, французской и вьетнамской разведок. Для возбуждения дела было достаточно трех доносов на данного человека. Когда шпиономания достигла масштабов паранойи, этот показатель увеличили до пяти доносов. В конце января 1978 года Йенг Сари объявил: «Все сети шпионажа в МИДе разоблачены и ликвидированы». В преддверии нового, 1979 года, в В-1 царило приподнятое настроение, почти эйфория. Разрешили носить разноцветную одежду и многих сотрудников обещали направить на дипломатическую службу в новые посольства Демократической Кампучии.

К концу 1975 года в западных газетах появились статьи, авторы которых обвиняли «красных кхмеров» в уничтожении цивилизации. Хотя Пол Пот говорил по этому поводу другое: «Мы сохраняем все прогрессивные иностранные книги, которые изучаем для служения революционному движению. Мы можем использовать только прогрессивную иностранную культуру». Конечно, вопрос о прогрессивности той или иной

культуры является дискутабельным, но ясно, что «красные кхмеры» хотели избавиться от западного влияния, которое «разрушало устои кампучийского бытия и мировосприятия».

Через месяц после победы «красных кхмеров», 14 мая 1975 года, по «Радио Пномпеня» прозвучал красноречивый комментарий: «Наша нравственная сила зиждется на подлинно нашей культуре, цивилизации и обычаях, которые являются наследием наших великих предков времен Ангкора». А Пол Пот говорил: «Коммунистическая партия Кампучии и правительство Демократической Кампучии планируют увеличить численность населения до двадцати миллионов человек в течение десяти-пятнадцати лет». На момент прихода «красных кхмеров» к власти в Кампучии проживало примерно семь миллионов человек. Вероятно, ради этих будущих десятков миллионов кампучийцев в 1975 году «красные кхмеры» решили начать кхмерскую историю с нуля.

БРАТСКИЕ ВРАГИ

Памятуя о своих сложных отношениях с вьетнамцами, «красные кхмеры» причислили Вьетнам к наиболее опасным внешнеполитическим противникам. В документах министерства иностранных дел Демократической Кампучии указывалось: «Враги [вьетнамцы] с востока стремятся разрушить руководящий механизм Демократической Кампучии с целью принудительного включения Кампучии в Индокитайский союз под их руководством».

Непосредственным предлогом для нагнетания напряженности в кампучийско-вьетнамских отношениях стала проблема утерянных земель — территорий в дельте реки Меконг, которые испокон веков входили в состав кхмерского государства.

В 1715 году шайка вьетнамских разбойников захватила кхмерские острова в Сиамском заливе и подарила их императору Вьетнама. Через пятнадцать лет вьетнамские войска заняли прибрежные кхмерские провинции под предлогом защиты вьетнамских поселенцев. В 1758 году китайские и вьетнамские пираты посадили на трон Камбоджи одного из кхмерских принцев, который в благодарность за оказанную услугу передал вьетнамскому императору еще несколько камбоджийских провинций.

В начале XIX века вьетнамцы интенсивно осваивали дельту Меконга, вытеснив кхмеров из торговли и оставив им занятие сельским хозяйством. Камбоджийскую администрацию в этом регионе окончательно ликвидировали в 1820—1840-х годах. Вьетнамская колонизация сопровождалась многочисленными восстаниями кхмеров, которые жестоко подавлялись вьетнамцами. Последнее антивьетнамское выступление произошло в 1882 году. К этому времени завершилось присоединение к Вьетнаму территорий в дельте Меконга, получивших наименование Кохинхины.

Во второй половине XIX века Вьетнам, Камбоджа и Лаос были включены в состав Индокитайского союза — колониального владения Франции. Колониальные власти неоднократно изменяли административную границу между Камбоджей и Кохинхиной в пользу Вьетнама. Колонизаторы устанавливали границы по природным и географическим объектам без учета исторических или этнических факторов. В результате перекройки границ многие исконные кхмерские районы оказались в сопредельных странах: не только во Вьетнаме, но и в Лаосе.

Королевское правительство Камбоджи во главе с Сиа-нуком постоянно поднимало вопрос об утерянных землях. Правительство Республики Южного Вьетнама игнорировало попытки камбоджийской стороны начать двустороннюю дискуссию по пограничным вопросам. Тогда Сианук стал искать соглашения с прокоммунистическим Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама и правительством Демократической Республики Вьетнам.

Во время второй индокитайской войны благожелательный нейтралитет сианукoвской Камбоджи имел огромное значение для Северного Вьетнама, поэтому вьетнамские коммунисты пошли на переговоры. Сианук расценивал это как свою большую дипломатическую победу. Появлялась надежда, что когда-нибудь Вьетнам вернет хотя бы часть утерянных земель. В 1969 году в Камбодже выпустили дорожную карту района камбоджийско-вьетнамской границы, на которой имелись многочисленные исправления пограничной линии в пользу Камбоджи.

Сразу после прихода к власти, в апреле 1975 года отряды «красных кхмеров» заняли те пограничные районы, которые на сианукoвской карте 1969 года обозначались как кхмерские. Еще более серьезный инцидент произошел в мае 1975 года, когда «красные кхмеры» высадились на двух вьетнамских островах в Сиамском заливе. Выбив отряды недавних союзников со своих островов, вьетнамцы захватили один кампучийский остров. Вооруженные столкновения на кампучийско-вьетнамской границе в апреле—мае 1975 года обусловливались стремлением «красных кхмеров» присоединить

в Кампучии спорные районы де-факто, воспользовавшись неразберихой первых месяцев после свержения проамериканского режима в Южном Вьетнаме.

Еще в феврале 1975 года руководство «красных кхмеров» одобрило план действий в отношении Южного Вьетнама после падения Пномпеня. Предполагалось, что «красные кхмеры» победят раньше, чем вьетнамские коммунисты и что военные действия в Южном Вьетнаме будут продолжаться, по меньшей мере, еще несколько месяцев после победы «красных кхмеров». Планировалось, что под предлогом помощи вьетнамским союзникам отряды «красных кхмеров» вторгнутся в дельту Меконга с целью захвата утерянных территорий.

Руководство «красных кхмеров» обсуждало вооруженный конфликт на границе с Южным Вьетнамом 20-24 мая 1975 года на совещании в Пномпене, на котором Пол Пот заявил, что дельта Меконга является кампучийской. Но момент был упущен. Вьетнамские коммунисты быстрее, чем предполагали «красные кхмеры» захватили Сайгон и установили свой контроль над всей территорией Южного Вьетнама.

Необходимо отметить, что политика «красных кхмеров» по отвоеванию утерянных земель была как бы негласной, поскольку на нее никогда не указывалось ни в одном официальном документе, публичном выступлении или заявлении руководителей «красных кхмеров». Эта политика была как бы секретной, о которой знали лишь кадровые работники «красных кхмеров» высокого уровня.

18 июня 1975 года в Сайгон на празднование вьетнамской победы отправился Кхиеу Самфан. Вероятно, вместе с ним в Сайгон ездил и Нуон Чеа. Во всяком случае, позже на заседании ЦК ПКК он говорил о том, что «сразу после победы вьетнамцы вели себя очень нагло, но на церемонии в Прей Нокоре они говорили нормально и не были наглыми». Необходимо отметить, что во внутренних документах «красных кхмеров» Сайгон, переименованный вьетнамскими коммунистами в Хошимин, именовался не иначе, как Прей Нокор, то есть исконно кхмерским наименованием этого города.

12 июня 1975 года Ханой посетила высокопоставленная делегация «красных кхмеров» во главе с Пол Потом, предло-

жившим заключить договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, в рамках которого решался бы пограничный вопрос. Вьетнамцы отреагировали уклончиво в том смысле, что колониальные границы не удовлетворяют обе стороны. Однако в будущем между объединенным Вьетнамом — Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ) — и Демократической Кампучией (ДК) установятся особые отношения, в контексте которых и будет решена проблема пограничных территорий. Начались многораундовые кампучийско-вьетнамские переговоры по границе.

В августе 1975 года в Пномпень приезжал генеральный секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан, который стремился оформить с «красными кхмерами» особые отношения.

. «Красные кхмеры» пытались выторговать территориальные уступки со стороны Вьетнама, недвусмысленно намекнув, что нормализация двусторонних отношений невозможна до тех пор, пока не ликвидирован источник возможных вооруженных столкновений на границе, причина которых — отсутствие точной демаркации кампучийско-вьетнамской границы.

Вьетнамская сторона проявила определенную гибкость. Несмотря на исключительно прохладный прием, Ле Зуан в качестве жеста доброй воли вернул «красным кхмерам» захваченный ранее вьетнамцами остров в Сиамском заливе. По итогам визита подписали совместное коммюнике, в котором обе стороны обязались улаживать разногласия мирными средствами. Текст коммюнике не публиковался. Также не было никаких банкетов с патетическими речами. Только краткие сообщения по радио о сердечных переговорах в братской атмосфере по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Вьетнамская делегация вернулась из Пномпеня обескураженной. По идее, визит партийного вождя Вьетнама должен был превратиться в торжественное празднование победы кхмерского и вьетнамского народов над американским империализмом. Вместо этого — довольно жесткие переговоры.

10 августа 1975 года Нуон Чеа вел в Ханое переговоры с вьетнамскими руководителями, от которых добился обеща-

ния незамедлительно вывести все вьетнамские вооруженные формирования с кампучийской территории. Вьетнамские отряды действительно были выведены из Кампучии в течение шести месяцев после апрельской победы 1975 года.

В сентябре 1975 года, тихо и скромно в Пномпене открылось посольство Вьетнама. Вьетнамским послом в Демократической Кампучии был назначен ветеран антифранцузской колониальной борьбы Ван Ба, который лично знал Пол Пота с 1954 года. Ван Ба оставался послом до 1977 года, то есть до разрыва дипломатических отношений между двумя странами.

В целом, в 1975 году «красные кхмеры» стремились избегать нагнетания напряженности в отношениях с Вьетнамом.

Об этом, в частности, свидетельствует их отношение к вооруженным формированиям кхмерского этнического меньшинства — кхмае-кром, проживающего в Южном Вьетнаме. Военизированные формирования кхмае-кром, т.н. блуждающие силы, были созданы спецслужбами США в 1960-х годах для борьбы с коммунистами в дельте Меконга. Постепенно эти формирования трансформировались в самостоятельную силу и стали называть себя Движением освобождения Кампучии Кром. Их еще называли «белыми платками», которые они носили на шее, чтобы отличать своих от чужих. «Белые платки» воевали со всеми вьетнамцами, а не только с коммунистами, и даже с американцами. После победы «красных кхмеров» отряды «белых платков» начали переходить на кампучийскую территорию в надежде продолжить борьбу с вьетнамцами за освобождение Кампучии Кром с помощью новых кампучийских властей. Но «красные кхмеры» разоружали и расстреливали членов Движения освобождения Кампучии Кром.

Еще более красноречивая ситуация сложилась с т.н. вьетнамскими беженцами. В 1970 году в Камбодже проживало 450 тысяч вьетнамцев. Примерно 300 тысяч из них ушло во Вьетнам во время войны в 1970—75 годах.

На совещании в Пномпене в мае 1975 года Пол Пот и Нуон Чеа объявили о плане полного очищения Кампучии от вьетнамского этнического меньшинства. Практическая работа по выполнению этого плана началась в июле 1975 года. А месяц спустя примерно 140 тысяч вьетнамских жителей Кампучии

были отправлены во Вьетнам. Вьетнамская сторона согласилась принять т.н. вьетнамских беженцев, но не этнических китайцев или кхмеров (членов семей), которых не пропускали во Вьетнам. А «красные кхмеры» тут же на границе, практически на глазах вьетнамских пограничников их и расстреливали. И эти действия не вызывали ни малейшего осуждения со стороны властей Вьетнама.

После проведенной «красными кхмерами» этнической зачистки в Камбодже оставалось всего около 10 тысяч человек вьетнамского происхождения. В основном это были люди из смешанных кхмеро-вьетнамских браков.

В 1975 году хорошо развивались кампучийско-вьетнамские приграничные отношения на местном уровне. Вьетнамцы отправляли в Кампучию рис и соль, получая в обмен поросят, бобы, автозапчасти, сигареты и одежду.

Вместе с тем, уже в сентябре 1975 года в Кампучии начались аресты тех «красных кхмеров», которые долгое время жили во Вьетнаме и проходили там политическую подготовку. Эта кадровая чистка продолжалась пять месяцев и завершилась в январе 1976 года.

В начале 1976 года произошли новые вооруженные инциденты на кампучийско-вьетнамской границе.

В марте 1976 года на заседании ЦК ПКК обсуждались перспективы и шансы на победу армии ДК в возможной войне с Вьетнамом - «черным драконом», по выражению Пол Пота. В том же месяце все сотрудники МИДа Демократической Кампучии, проходившие в прежние годы разные курсы во Вьетнаме, были отправлены на перевоспитание в сельхозкоммуны.

4 мая 1976 года в Пномпень на третий раунд переговоров по границе прибыл заместитель министра иностранных дел Вьетнама Фан Хиен. Переговоры вновь натолкнулись на непреодолимые препятствия. Вьетнамцы предлагали использовать французские колониальные карты для определения сухопутной границы, в то время как «красные кхмеры» потребовали исправить пограничную линию. По морской границе, то есть по линии разграничения территориальных вод в Сиамском заливе, также возникли серьезные разногласия.

«Красные кхмеры» настаивали на выводе вьетнамских войск из спорных районов, определенных правительством Камбоджи в конце 1960-х годов. Позиция Вьетнама состояла в том, что любой отвод войск может быть лишь результатом переговоров. Вьетнамцы ставили вопрос окончательной демаркации границы в зависимость от исхода переговоров, которые были отложены на неопределенный срок и более никогда не возобновлялись.

Также была отложена на неопределенный срок и встреча на высшем уровне руководителей двух стран, намечавшаяся на июнь 1976 года. Высшие руководители Демократической Кампучии и Социалистической Республики Вьетнам так никогда и не встретились.

Тем не менее, Вьетнам все еще надеялся на братскую дружбу с «красными кхмерами». В июле 1976 года в беседе с послом СССР в Ханое Борисом Чаплиным председатель Совета министров Вьетнама Фам Ван Донг сказал: «Необходимо проявить терпение и действительность сама преподаст кхмерам некоторые уроки». Советское посольство во Вьетнаме пришло к грустному выводу: «Ситуация в Кампучии недостаточно ясна для Ханоя, который сталкивается с трудностями при отслеживании развития событий в соседней стране».

В июле 1976 года официальный представитель СРВ в интервью шведскому радио заявил о плохом обращении с вьетнамскими жителями в Кампучии. Это был первый публичный намек вьетнамской стороны на трудности во взаимоотношениях с «красными кхмерами».

Внешне все выглядело пока еще вполне благопристойно. В июле 1976 года в ДК прибыла делегация вьетнамских журналистов, которые стали первыми иностранными корреспондентами, официально посетившими Кампучию после апреля 1975 года. Таинственный Пол Пот, реальная идентичность которого оставалась загадкой для зарубежных наблюдателей, вышел из тени, чтобы дать интервью и позволить себя сфотографировать.

«Красные кхмеры» пригласили вьетнамских журналистов для того, чтобы с их помощью загладить негативное представление о Демократической Кампучии, сформировавшееся

у международной общественности после рассказов кхмерских беженцев в Таиланде. Репортажи вьетнамских журналистов, процитированные многими западными СМИ, носили исключительно позитивный характер.

Но в то же самое время вьетнамцы готовили почву для борьбы с Пол Потом. Вьетнамские спецслужбы нащупывали подходы к членам руководства «красных кхмеров», незамеченных в антивьетнамских настроениях. В ответ Пол Пот приказал очистить руководящую прослойку ДК от провьетнамских элементов.

Эта подковерная борьба скрывалась за внешними признаками дружественных отношений. В августе-сентябре 1976 года ДК и Вьетнам обменялись женскими делегациями. Пол Пот принял вьетнамского посла, чтобы поздравить его по случаю тридцать первой годовщины образования Демократической Республики Вьетнам. 21 сентября 1976 года в пномпеньском аэропорту Почентонг состоялась торжественная церемония открытия пассажирской авиалинии Ханой-Хошимин-Пномпень. Стоит отметить, что самолеты на этой линии летали практически пустыми.

В сентябре 1976 года фракционная борьба в руководстве «красных кхмеров» обострилась настолько, что Пол Пот ушел во временную отставку с поста премьер-министра Демократической Кампучии. Казалось, операция спецслужб Вьетнама начинает приносить плоды. К руководству ДК приблизились не столь радикально настроенные деятели. Но вьетнамцы просчитались.

Пол Пот скрылся за кулисами, чтобы со своими соратниками подготовить контрмеры. В октябре 1976 года появилась директива ЦК Коммунистической партии Кампучии (ПКК) о провьетнамских элементах в руководящей прослойке Демократической Кампучии, аресты которых начались через пару месяцев. Одновременно «красные кхмеры» намекнули миру на свои сложные отношения с Вьетнамом. Выступая в ООН в октябре 1976 года, Йенг Сари покритиковал некую неназванную страну. Было ясно, что речь идет именно о Вьетнаме.

В декабре 1976 года в Ханое состоялся четвертый съезд Партии трудящихся Вьетнама, переименованной в Комму-

нистическую партию. Этот съезд прославлял в веках победу вьетнамского народа над американским империализмом. Огромное количество делегаций коммунистических, рабочих и народно-революционных партий съехалось во вьетнамскую столицу со всего мира. Но среди участников этого праздника победителей не было посланцев Коммунистической партии Кампучии.

Вместо них на четвертый съезд КПВ приехала «делегация журналистов из Демократической Кампучии». Правда, из Пномпеня в адрес съезда вьетнамских коммунистов поступила поздравительная телеграмма от имени революционной организации, в которой отмечалось, что Кампучию и Вьетнам «связывают длительная боевая революционная солидарность и братская дружба, закаленная в огне революционной борьбы». Текст поздравительной телеграммы распространили в Ханое, в то время как «Радио Пномпеня» даже не упомянуло о ней.

Документы, принятые на форуме вьетнамских коммунистов, всерьез обеспокоили «красных кхмеров». В решениях четвертого съезда КПВ указывалось на «развитие особых отношений между вьетнамским народом и братскими народами Лаоса и Кампучии, укрепление боевой солидарности, взаимного доверия, долгосрочного сотрудничества и взаимной помощи во всех областях, которые навсегда свяжут три страны друг с другом». «Красные кхмеры» усмотрели в резолюциях съезда намерение вьетнамцев претворить в жизнь давнюю мечту о создании индокитайской федерации.

С января 1977 года «красные кхмеры» перешли к постепенному наращиванию военного давления на Вьетнам, проводя регулярные боевые рейды по вьетнамской территории. В это же время в воинских частях партийные комиссары начали говорить о Вьетнаме как о враге и агрессоре.

В феврале 1977 года Пномпень с рабочим визитом посетил заместитель министра иностранных дел Вьетнама, предложивший комплекс мер по нормализации двусторонних отношений: встреча в верхах руководителей СРВ и ДК, конференция народов Индокитая в столице Лаоса Вьентьяне, возвращение в Кампучию кхмерских беженцев, активное со-

трудничество по урегулированию пограничных инцидентов. «Красные кхмеры» отклонили все вьетнамские предложения.

После этого Ханой окончательно понял, что с Пол Потом не удастся договориться. Для Вьетнама единственной возможностью нормализации отношений с «красными кхмерами» оставалось отстранение от власти в Кампучии группировки Пол Пота. В беседе с послом СССР в Ханое Борисом Чаплиным председатель Национального собрания СРВ Чыонг Тинь сказал: «Демократическая Кампучия также строит социализм, но у лидеров Кампучии нет достаточной ясности в вопросе о формах социалистического строительства. Нет единства в руководстве Кампучии, и многое зависит от того, какая линия победит».

Со своей стороны, лидеры «красных кхмеров» разработали план поэтапного искоренения вьетнамского влияния: лишение всех вьетнамцев права проживать в Кампучии; превращение Демократической Кампучии в более сильное, чем Вьетнам, государство в военном, экономическом и идеологическом отношениях; победоносная война с Вьетнамом.

На что рассчитывали «красные кхмеры», вступая в открытую конфронтацию с Вьетнамом? Во-первых, «красные кхмеры» исходили из того, что у них нет выбора, поскольку рано или поздно, но Вьетнам приступил бы к решительным действиям по включению Кампучии в состав индокитайской федерации. Во-вторых, «красные кхмеры» полагали, что Кампучия находилась в более благоприятных экономических условиях, которые позволяли ей выстоять и в конечном итоге победить в противоборстве с Вьетнамом. Так, в пояснительной записке к четырехлетнему плану ЦК ПКК построения социализма в Кампучии указывалось: «Характер наших природных ресурсов благоприятен. Мы имеем 2,4 миллиона гектаров рисовых земель, в то время как наше население — 7,7 миллиона человек. В южном Вьетнаме 24 миллиона человек и только 3 миллиона гектаров обрабатываемых земель. Таким образом, ситуация намного более легка для нас. Северный Вьетнам также имеет экономические трудности и намного более серьезные проблемы, чем южный Вьетнам». В-третьих, «красные кхмеры» надеялись на политическую, экономическую и военную поддержку Китая. В-четвертых, «красные кхмеры» были уве-

рены, что Вьетнам не осмелится начать полномасштабную войну, опасаясь возмущения мировой общественности.

Сбывались самые мрачные предчувствия вьетнамских лидеров, что после победы 1975 года Вьетнам окажется во враждебном международном окружении. Визит президента США Ричарда Никсона в Пекин в 1972 году положил начало американо-китайскому сближению. Воевавшие с американцами вьетнамцы поняли, что во имя достижения своих великодержавных целей Пекин может пожертвовать революционной солидарностью с Вьетнамом.

После 1975 года США распространили экономическое эмбарго, введенное в 1954 году против ДРВ, на юг Вьетнама, отказываясь от любого диалога с руководством СРВ. В 1977 году Ханой пришел к выводу о наличии международного заговора с целью формирования антивьетнамской оси: Вашингтон—Пекин—Пномпень. В этих условиях вьетнамским лидерам было не до сантиментов и не до международного общественного мнения. Руководители СРВ воспринимали конфликт с «красными кхмерами» как угрозу самому существованию Социалистической Республики Вьетнам.

Эскалация вооруженного конфликта между ДК и СРВ началась с марта 1977 года. «Красные кхмеры» засылали в Южный Вьетнам своих диверсантов и спецподразделения, а также оружие, боеприпасы, взрывчатку, радиостанции и прочее военно-диверсионное снаряжение, предназначавшееся для кхмае-кром, которые, по идее, должны были поднять восстание против вьетнамцев.

А 1 апреля 1977 года ЦК ПКК принял дерективу, предписывавшей местным партийным комитетам выявлять всех этнических вьетнамцев, всех кхмеров, говорящих по-вьетнамски, имеющих друзей-вьетнамцев, и передавать этих лиц органам безопасности.

30 апреля 1977 года войска Демократической Кампучии начали наступление на два южно-вьетнамских города. Отбив атаку «красных кхмеров», вьетнамцы впервые серьезно предупредили руководителей ДК.

7 июня 1977 года посла Демократической Кампучии в Ханое пригласили в министерство иностранных дел СРВ, где

ему передали дипломатическую ноту, в которой подчеркивалось: «Использование значительных вооруженных сил для действий на обширной территории и в течение длительного периода не может проистекать из инициативы местных кампучийских властей». День спустя вьетнамская армейская газета «Куан Дой Нян Зан» впервые публично намекнула на пограничный конфликт с Кампучией, призвав солдат и офицеров Вьетнамской народной армии к постоянной боевой готовности для отражения внезапных вражеских нападений.

Со своей стороны, 25 июня 1977 года в передаче «Радио Пномпеня» руководство «красных кхмеров» выразило благодарность солдатам армии Демократической Кампучии за жертвы в деле защиты сухопутной границы и территориальных вод Кампучии. В том же месяце МИД ДК выпустил секретный доклад под названием «История границы между Кампучией и Вьетнамом», в котором указывалось: «Кампучийско-вьетнамская граница установлена с многочисленными нарушениями справедливости за счет Кампучии, поэтому армия Демократической Кампучии должна решительно защищать все нынешние и бывшие кампучийские земли».

30 сентября 1977 года на чрезвычайном заседании политбюро ЦК Коммунистической партии Вьетнама, про- ходившем в Хошимине, было принято решение официально объявить об агрессии Кампучии против Вьетнама.

Первый серьезный удар со стороны Вьетнама последовал в октябре—декабре 1977 года, когда вьетнамские войска вторглись на территорию Кампучии. В боях с обеих сторон участвовало до ста тысяч солдат. Встретив ожесточенное сопротивление «красных кхмеров», вьетнамские дивизии остановились в тридцати пяти километрах от Пномпеня и через некоторое время отошли на исходные позиции во Вьетнам. В тот момент руководство СРВ посчитало политически невозможным военное уничтожение режима «красных кхмеров».

31 декабря 1977 года Демократическая Кампучия разорвала дипломатические отношения с Вьетнамом.

После крупномасштабных боев в конце 1977 года кампучийско-вьетнамский конфликт перешел в стадию открытого военно-политического противостояния, на что недвусмысленно указывалось в комментарии «Радио Пномпеня»:

«Этот конфликт не является пограничной проблемой, которую можно решить путем переговоров. Это национальная война в защиту независимости Кампучии, которой угрожает вьетнамский экспансионизм».

5 февраля 1978 года правительство СРВ предприняло последнюю попытку мирного урегулирования конфликта. Ханой выдвинул программу нормализации отношений между СРВ и ДК: прекращение огня, взаимный отвод войск от границы; начало переговоров с целью заключения договора с обязательствами взаимного уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности обеих стран, неприменения силы, невмешательства во внутренние дела друг друга, отказа от подрывных действий; подписание договора о границе на основе взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности в рамках существующих границ; договоренность о соответствующих формах международных гарантий и международного контроля в целях сохранения стабильности на кампучийско-вьетнамской границе.

«Красные кхмеры» отвергли этот план. «Радио Пномпеня» регулярно передало заявление руководителей ДК о том, что проблема отношений с Вьетнамом имеет политический характер и до тех пор, пока Ханой не откажется от гегемонистской политики кампучийско-вьетнамский конфликт невозможно решить путем переговоров и компромиссов.

В феврале 1978 года руководство Вьетнама приняло строго засекреченное решение о насильственном уничтожении режима «красных кхмеров». После этого Ханой приступил к созданию политических предпосылок для ликвидации Демократической Кампучии.

В марте 1978 года Ханой представил миру беженцев из Кампучии как дополнительное свидетельство преступной сущности режима «красных кхмеров». Беженцы охотно и подробно, если не сказать заученно, рассказывали журналистам о зверствах «красных кхмеров». Правительство СРВ обратилось в Верховный комиссариат ООН по делам беженцев с просьбой оказать помощь кампучийским беженцам.

Одновременно вьетнамская пропаганда раскручивала постулат о трех миллионах кампучийцев, убитых «красны-

ми кхмерами». Вьетнам начал пропагандистскую подготовку к предстоящей войне с Демократической Кампучией. Звериная сущность «красных кхмеров» должна была оправдать вьетнамское военное вторжение в Кампучию и смягчить реакцию мирового сообщества на действия Вьетнама.

С января 1978 года «Радио Ханоя» начало передачи на кхмерском языке, в которых беженцы и пленные солдаты ДК призывали кампучийское население к восстанию против режима геноцида Пол Пота — Йенг Сари.

В феврале 1978 года на совещание к генеральному секретарю ЦК КПВ Ле Зуану вызвали немногих остававшихся в Ханое иссараковцев: офицеров вьетнамской армии, кхмерского диктора «Радио Ханоя», редактора новостей Вьетнамского информационного агентства и некоторых других. Из этих людей сформировали политическое руководство антиполпотовского сопротивления, лидером которого назначили майора вьетнамской армии Пен Сована, кхмера, проживавшего во Вьетнаме двадцать четыре года.

Вьетнамцы также рассчитывали на находившегося в Кампучии члена постоянного бюро ЦК ПКК, заместителя председателя Государственного президиума ДК, секретаря комитета ПКК восточной зоны, начальника восточного военного округа Со Пхима, с которым вьетнамские спецслужбы активно работали предыдущие два года и которому была уготована роль лидера антиполпотовского восстания. Но ставка на Со Пхима не сработала.

Со Пхим тесно сотрудничал с вьетнамцами еще во время антифранцузской войны в 1946-1954 годах. Он противился вооруженным выступлениям «красных кхмеров» в конце 1960-х годов, ориентируясь на политические указания из Ханоя. После 1970 года Со Пхим стал военно-политическим руководителем «красных кхмеров» в восточной зоне Кампучии, граничившей с Южным Вьетнамом. В то время в аналитических сводках ЦРУ Со Пхим проходил как агент Вьетконга. Но в 1974 году под давлением центрального руководства «красных кхмеров» Со Пхим вынужден был прервать всякие отношения с вьетнамскими коммунистами. Затем эти контакты возобновились в конце 1976 года.

В марте 1978 года Со Пхим тяжело заболел и его поместили на лечение в госпиталь в Пномпене. Он вернулся в восточную зону в начале апреля. За месяц его отсутствия многие руководящие работники зоны были арестованы. Тогда же, в апреле 1978 года, в восточной зоне командиры несколько дивизий и других подразделений армии ДК отказались выполнять приказы и распоряжения, поступавшие из Пномпеня.

В мае 1978 года в восточную зону были переброшены войска из других районов Кампучии. Сотрудники службы безопасности ДК арестовали и расстреляли на месте командиров и комиссаров трех дивизий и пяти бригад в восточной зоне. С целью предотвращения братоубийственного кровопролития Со Пхим только с шестью телохранителями отправился в Пномпень, чтобы договориться с Пол Потом. В предместье Пномпеня Со Пхима попытались арестовать. Он отбился и укрылся в пагоде в одной из деревень. Преданные воинские части подоспели Со Пхиму на помощь, чтобы доставить его обратно в восточную зону, а оттуда переправить во Вьетнам. Но Со Пхим был раздавлен психически и не хотел никуда идти, посчитав лучшим выходом для себя самоубийство. Находившиеся вместе с ним жена и дети были арестованы и расстреляны.

В июне-июле 1978 года некоторые воинские формирования во главе с заместителем начальника штаба восточного военного округа, членом парткома восточной зоны, командиром дивизии Хенг Самрином провели ряд боевых акций против подразделений армии ДК. В августе 1978 года восставшие под прикрытием регулярных частей вьетнамской армии ушли на территорию Вьетнама, уведя с собой примерно 30—40 тысяч человек гражданского кхмерского населения.

Почувствовав, что опасные игры с вьетнамцами плохо кончатся, лидеры «красных кхмеров» 2 июня 1978 года объявили о согласии начать переговоры с Ханоем через семь месяцев, если в течение этого времени не будет враждебных акций со стороны Вьетнама.

Однако вьетнамцев такой расклад не устраивал. Ханой выдвинул встречное предложение: немедленное перемирие и установление демилитаризованной зоны вдоль грани-

цы. Это позволило бы вьетнамцам спокойно сгруппировать на вьетнамо-кампучийской границе силы, необходимые для вторжения в Кампучию.

В ответ «красные кхмеры» обвинили Вьетнам в засылке в Пномпень агентов для организации государственного переворота. С июля 1978 года партийная газета ПКК «Революционное знамя» запестрела следующими комментариями: «Постоянная угроза революционному демократическому национализму, социалистической революции исходит от скрытых врагов, вырывших норы внутри партии, которые являются псами диких вьетнамцев и которые уклоняются от политических руководящих принципов партии. Враги — дикие вьетнамцы — используют своих девочек, чтобы соблазнять наших кадровых работников, вызывая коррупцию и распущенность, которые должны служить вьетнамской политике агрессии, экспансии, поглощения территорий и истребления кампучийской расы».

21 июня 1978 года «Радио Ханоя» официально обвинило руководителей «красных кхмеров» в систематическом геноциде кампучийского народа. Одновременно начались бомбардировки вьетнамской авиацией военных объектов на территории Кампучии.

29 сентября 1978 года правительство Демократической Кампучии выпустило заявление, в котором говорилось о готовности заключить с Вьетнамом договор о дружбе и ненападении, если Ханой откажется от намерения создать индокитайскую федерацию. Руководство СРВ никак не реагировало на это заявление «красных кхмеров».

2 декабря 1978 года было объявлено о создании Единого фронта национального спасения Кампучии во главе с бывшим командиром дивизии «красных кхмеров» Хенг Самрином. Это мероприятие было проведено вблизи каучуковой плантации в провинции Кратье на терртории Кампучии. Вьетнам, Лаос и СССР моментально признали Фронт в качестве кампучийского правительства в изгнании. Как реакция на это событие в информационном бюллетене Демократической Кампучии был опубликован комментарий, в котором подчеркивалась «истинная, наглая и варварская, природа вьетнамской правя-

щей клики — империалистов, агрессоров, аннексионистов, поглотителей территорий и уничтожителей наций».

До вторжения вьетнамских войск в Кампучию штаб-квартира Единого фронта национального спасения Кампучии находилась в бывшей полицейской школе в Хошимине. А вооруженные формирования антиполпотовского сопротивления создавались вьетнамцами на бывших американских военных базах в предместьях Хошимина. К концу 1978 года несколько кхмерских бригад, фактический состав которых соответствовал батальону, были готовы присоединиться к наступлению вьетнамских войск в Кампучию.

25 декабря 1978 года вьетнамские дивизии вторглись на кампучийскую территорию. Для ликвидации режима «красных кхмеров» им потребовалось ровно две недели.

В Пномпень вьетнамские войска вступили около десяти часов утра 7 января 1979 года. А буквально за полчаса до этого с набережной Меконга взлетело несколько вертолетов с высшим руководством «красных кхмеров», взявших курс на Таиланд. Одновременно туда же, в сторону таиландской границы отправился и поезд, на котором от вьетнамцев спасались сотни руководящих кадров «красных кхмеров» со своими семьями.

СОЦИАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

Еще в ноябре 1973 года МИД СССР отозвал из Камбоджи весь дипломатический персонал. К апрелю 1975 года в Пномпене оставалось лишь несколько технических сотрудников, следивших за сохранностью здания и имущества посольства. За главного был журналист Юрий Косинский. Периодически в Пномпень прилетали жены остававшихся в посольстве сотрудников, выполнявшие функции своего рода курьеров.

Именно этим советским гражданам и поручили установить, по возможности, доброжелательный контакт с представителями руководства «красных кхмеров».

В день вступления «красных кхмеров» в Пномпень, 17 апреля 1975 года, в нарушение существующих правил над посольством взвился красный государственный стяг СССР. Советские граждане, находившиеся в посольстве, полагали, что красный цвет флага подскажет «красным кхмерам», что в этом здании находятся не совсем чужие им люди. Сомневаясь в образовательном уровне рядовых бойцов «красных кхмеров», которые, скорее всего, не разбирались в государственной символике зарубежных стран, на стенде «Окна ТАСС» перед воротами посольства выставили портрет генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Исходили из того, что фотографию Брежнева, ассоциировавшегося с Кремлем, «красные кхмеры» уж наверняка где-нибудь видели.

Однако, когда началась эвакуация населения из Пномпеня, стало ясно, что доброжелательного контакта с «красными кхмерами» не получится. Сотрудники посольства приступили к уничтожению документов. А завхоз в это же время разбивал кувалдой шифровальную аппаратуру. Услышав, что, развернув главный вход выстрелами из гранатометов, в здание посольства ворвались «красные кхмеры», он облил шифроаппа-

рат бензином и поджег его. Но, замешкавшись, не успел отскочить и получил сильные ожоги.

«Красные кхмеры» вытолкали всех находившихся в посольстве советских людей на улицу и приказали Косинскому рыть могилу. В течение нескольких часов, в сорокаградусную жару, он долбил твердую как камень землю, не торопился, надеясь на чудо. И оно свершилось: один из командиров «красных кхмеров» приказал доставить пленников в посольство Франции, куда свозили остававшихся в Пномпене иностранцев.

Через две недели, 30 апреля 1975 года, всех иностранцев, в том числе и советских граждан, вывезли на грузовиках из Пномпеня к границе с Таиландом.

После возвращения в Москву, на технических сотрудников посольства наложили дисциплинарные взыскания за невыполнение задания по установлению контакта с «красными кхмерами». Кроме того, началось внутреннее служебное расследование по поводу исчезновения валюты, имевшейся в советском посольстве в Пномпене. Это расследование продолжалось почти два года, в течение которых Москва старалась наладить отношения с руководством Демократической Кампучии. И прекратилось после того, как СССР перешел к осуждению режима геноцида Пол Пота—Йенг Сари.

Поведение советских граждан во время вступления «красных кхмеров» в Пномпень признали мужественным. Юрия Косинского наградили орденом Красной Звезды, а завхоза — орденом «Знак почета». Позже завхозу была оформлена специальная пенсия, точно такая же, какую получали советские военнослужащие, раненные во время выполнения интернационального долга в Афганистане.

Сразу после прихода «красных кхмеров» к власти Москва обратилась к новому руководству Кампучии с предложением восстановить дипломатические отношения между двумя государствами в полном объеме. По словам заместителя генерального секретаря ЦК ПКК Нуон Чеа, «Советский Союз готовился послать двести человек в посольство в Пномпене». «Красные кхмеры» отказались. Вначале они разместили в здании посольства СССР штаб-квартиру Коммунистической

партии Кампучии. Но впоследствии превратили советское посольство в место пыток и убийств руководящих кадров «красных кхмеров», приговоренных к смертной казни.

Странная ситуация сложилась с кампучийским посольством в Москве, в котором до конца 1975 года оставались кхмерские дипломаты, представлявшие Королевское правительство национального единства Камбоджи. Затем их сменили два человека, присланные министерством иностранных дел Демократической Кампучии.

Дипломаты «красных кхмеров» вели замкнутый и уединенный образ жизни. Вся их деятельность сводилась к распространению среди сотрудников дипломатических представительств в Москве инфобюллетеня «Новости Демократической Кампучии» на французском языке. В сентябре 1977 года дипломаты ДК неожиданно покинули Москву в неизвестном направлении, оставив здание кампучийского посольства пустым и без присмотра.

«Красные кхмеры» относились к Советскому Союзу с двойственным чувством. Официальная пропаганда подчеркивала, что у кампучийской революции есть только одна предшественница — Октябрьская революция в России. Но для «красных кхмеров» СССР являлся ревизионистской страной, извратившей идеи коммунизма. Газета «Революционное знамя», орган ЦК ПКК, писала, что «русскую революцию подорвал Хрущев».

В первые годы своего правления «красные кхмеры» заняли осторожную, как бы нейтральную позицию в отношении СССР. Этот подход сформулировал Нуон Чеа: «Мы ясно дали понять, что выступаем против Советского Союза и ревизионизма. Но наша линия отличалась от линии, принятой Китаем, потому что мы — маленькая страна».

Ревизионистская сущность Советского Союза наиболее четко была разъяснена в четырехлетнем плане ЦК ПКК построения социализма в Кампучии:

1) Сохранение денег в СССР и других социалистических странах означало, что правительства этих государств «не освободились от капитализма, а до тех пор, пока существует капитализм, он будет усиливаться и распространяться, стано-

вясь препятствием для развития и углубления социалистической революции».

2) Демократическая Кампучия избежала «ловушки, в которую попали другие социалистические страны, приступившие к несвоевременной индустриализации по образцу и указаниям Советского Союза». В СССР и социалистических странах Восточной Европы создана «прочная промышленная база, но сельское хозяйство остается слаборазвитым». Более целесообразен иной путь: «сначала — развитие сельского хозяйства, потом — легкой промышленности, которая должна полностью удовлетворить потребности сельского хозяйства и населения, а уж после этого — индустриализация страны».

3) «Несложно попросить помощи у русских. Если мы [«красные кхмеры»] попросим, мы точно ее получим, но это повлияет на нашу политическую линию, так как нам будут навязаны неприемлемые условия».

В документах МИД ДК Советский Союз относился к числу недружественных стран: «СССР подключен к попыткам разрушения Демократической Кампучии с целью ее принудительного включения в индокитайскую федерацию под руководством Вьетнама. <...> СССР проводит интенсивную шпионскую деятельность и вербует агентов внутри страны».

Что касается советских агентов среди «красных кхмеров», то некоторые основания для подобных подозрений могли быть у руководства ДК в отношении тех кхмеров, которые учились в Советском Союзе и социалистических странах Восточной Европы.

Во второй половине 1975 года около тридцати кхмерских студентов из СССР и соцстран Восточной Европы вернулись в Кампучию. Сначала их направили на перевоспитание в сельскохозяйственные коммуны, а затем оформили на работу в МИД ДК. Среди бывших студентов, вернувшихся из СССР, был племянник Йенг Сари. Влиятельный дядя назначил своего родственника руководителем департамента гражданской авиации Демократической Кампучии. Некоторые из бывших студентов, обучавшихся в СССР, стали заметными фигурами среди «красных кхмеров», но впоследствии большинство из них подверглось репрессиям.

В ноябре 1976 года руководство «красных кхмеров» провело чистку в дипломатическом аппарате, поскольку многие сотрудники министерства иностранных дел ДК подозревались в просоветских настроениях. Среди арестованных оказался и бывший посол во Вьетнаме Сиен Ан, который во время работы в Ханое близко сошелся с советскими представителями и, по их словам, очень не хотел возвращаться в Пномпень.

В 1976 году среди руководящей прослойки «красных кхмеров» сформировалась группа, которая поддерживала внешнеполитическую линию Советского Союза и высказывалась за принятие помощи от социалистических стран. Возглавлял группу член постоянного бюро (аналог политбюро) ЦК ПКК, секретарь партийного комитета ПКК северо-западной зоны Демократической Кампучии Муол Самбат, который говорил: «Для быстрого восстановления Кампучии необходимо принимать помощь от всех стран. С иностранной помощью мы сможем покупать много тракторов, автомобилей и оборудования».

Подобные идеи получили довольно широкое распространение, в том числе и среди военных «красных кхмеров». Например, командир подразделения морского патрулирования, расквартированного на базе ВМС ДК в Реаме, выступал перед подчиненными со следующими заявлениями: «Кампучия будет открыта для установления дружественных связей с зарубежными странами, за исключением американцев и их лакеев. Однажды, когда Кампучия будет готова, она установит отношения с Советским Союзом». В 1977—78 годах членов просоветской группы арестовали и расстреляли.

В первые два года правления «красных кхмеров» Москва настойчиво стремилась установить связи с руководством Демократической Кампучии. Одним из немногих мест, где советские дипломаты могли контактировать с «красными кхмерами», была штаб-квартира ООН в Нью-Йорке. С Тхиун Праситом, представителем ДК в Организации Объединенных Наций, старались наладить отношения сотрудники миссии Белорусской ССР при ООН. Однако безрезультатно. Дипломаты ДК не шли на сближение.

Демонстративное дистанцирование «красных кхмеров» от Москвы разрушало геостратегические построения советской дипломатии. СССР был готов оказывать социалистическим странам Индокитая большую экономическую помощь. Так, по итогам официального визита в Советский Союз генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана в октябре 1975 года были подписаны советско-вьетнамские соглашения, в соответствии с которыми СССР обязался финансировать 60% расходов по пятилетнему (1976-80 годы) плану экономического развития Вьетнама, что в денежном выражении составляло 2,1 миллиарда долларов. В принципе, аналогичную помощь Москва могла предоставить и «красным кхмерам» с целью укрепления системы социалистических стран (Вьетнам, Лаос, Кампучия) в Индокитае. Но «красные кхмеры» вырабатывали собственную внешнеполитическую линию, которая не вписывалась в комбинации Советского Союза.

В апреле 1976 года на сессии Собрания народных представителей Демократической Кампучии премьер-министром ДК избрали Пол Пота, а председателем Государственного президиума ДК — Кхиеу Самфана. После этого председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин направил Пол Поту поздравительную телеграмму: «От имени советского правительства и от себя лично шлю поздравления по случаю назначения Вас премьер-министром Демократической Кампучии. Желаю Вам успехов в деятельности, направленной на решение важных задач, которые стоят перед Вашей страной. Выражаю уверенность, что дружественные отношения между нашими народами получат дальнейшее развитие». Через некоторое время председатель Президиума Верховного совета СССР Николай Подгорный отправил поздравительную телеграмму Кхиеу Самфану по случаю годовщины победы «красных кхмеров»: «По случаю национального праздника Демократической Кампучии — первой годовщины славной победы кхмерского народа в борьбе за свободу и национальную независимость своей родины — примите наши поздравления и пожелания дальнейших успехов. Справедливая борьба кхмерских патриотов за освобождение своей страны всегда находила полную поддержку со стороны советских людей.

Выражаю уверенность, что отношения дружбы и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Кампучией будут развиваться и крепнуть на благо наших народов».

Обе телеграммы опубликовали в органе ЦК КПСС — газете «Правда». По неписаным законам того времени, это означало высшую степень готовности руководства СССР к полномасштабным отношениям с Демократической Кампучией.

Через несколько месяцев Москва подала лидерам «красных кхмеров» еще один важный знак. В октябре 1976 года, выступая на пленарном заседании ЦК КПСС, генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев отметил: «Путь независимого развития был открыт перед Демократической Кампучией». Упоминание Демократической Кампучии в публичном выступлении Брежнева означало, что выше идти уже некуда. Но лидеры «красных кхмеров» по-прежнему игнорировали все знаки внимания со стороны руководства СССР.

В начале 1977 года СССР по-прежнему занимал благожелательную позицию по отношению к Демократической Кампучии. Об этом свидетельствовала, например, статья в журнале «Международная жизнь», органе МИД СССР, в которой с симпатией описывались внутриполитические преобразования «красных кхмеров».

17 апреля 1977 года председатель Президиума ВС СССР Подгорный вновь направил Кхиеу Самфану поздравительную телеграмму по случаю второй годовщины победы «красных кхмеров». На этот раз руководители ДК неожиданно отреагировали. 30 апреля 1977 года Кхиеу Самфан отправил Подгорному ответную телеграмму с выражением благодарности за поздравления.

Однако отношение Советского Союза к «красным кхмерам» начало меняться. Особенно после того, как в апреле 1977 года войска Демократической Кампучии совершили первое крупномасштабное вторжение во Вьетнам.

В мае 1977 года в Москву прибыли премьер-министр СРВ Фам Ван Донг, член политбюро ЦК КПВ Ле Дык Тхо, ответственный за внешнюю политику Вьетнама, и министр обороны СРВ Во Нгуен Зиап. Советско-вьетнамские переговоры

в мае—июне 1977 года закрепили стратегическое внешнеполитическое партнерство между двумя странами. Вьетнам стал членом Международного банка экономического сотрудничества и Международного инвестиционного банка, функционировавших под патронажем СССР. Советский Союз согласился почти бесплатно построить во Вьетнаме сорок промышленных объектов, заложив тем самым фундамент для индустриализации аграрного Вьетнама. Взамен Москва получала доступ к объектам военного назначения во Вьетнаме, что в перспективе должно было привести к существенному наращиванию политического влияния СССР во всем регионе Юго-Восточной Азии.

В июле 1977 года многочисленная советская военная делегация, в состав которой входили представители всех трех видов вооруженных сил, тайно посетила Дананг, Камрань и другие места на юге Вьетнама, где ранее располагались военные базы США. Вскоре в Камрани появилась крупная военная (воздушно-морская) база СССР. Советские военные специалисты проверили состояние захваченного вьетнамцами арсенала американского оружия. С октября 1977 года Вьетнам начал тайно отправлять трофейное американское вооружение в Эфиопию, африканскому клиенту СССР.

В целях укрепления вооруженных сил Вьетнама Москва передала Ханою две подводные лодки, один эсминец, большое количество патрульных судов и четыре эскадрильи истребителей МИГ-21. К концу 1978 года численность советских военных советников во Вьетнаме увеличилась до шестисот человек, а объем военной помощи — до семидесяти пяти миллионов долларов.

Тогда же, летом 1977 года, в ходе многочисленных переговоров вьетнамские руководители проинформировали руководство СССР о подготовке мер по свержению режима Пол Пота с последующим приведением к власти в Кампучии более покладистых кхмерских деятелей.

Теперь уже «красные кхмеры» начали засылать в Москву поздравительные телеграммы. 20 июня 1977 года Кхиеу Самфан поздравил Леонида Брежнева в связи с его избранием председателем Президиума Верховного совета СССР. А в ок-

тябре 1977 года все тот же Кхиеу Самфан направил Брежневу приветственную телеграмму по случаю государственного праздника СССР — годовщины Октябрьской революции. Но было уже поздно. Теперь советские руководители оставляли без внимания послания «красных кхмеров», перейдя к жесткой критике их внутренней и внешней политики. Во вьетнамо-кампучийском конфликте СССР однозначно принял сторону Вьетнама.

В конце 1977 года «красные кхмеры» открыто заняли враждебную СССР позицию. Их естественным союзником в этом противостоянии являлся Китай. С 3 по 15 декабря 1977 года в Демократической Кампучии с официальным визитом находился заместитель премьера КНР, член политбюро ЦК КПК Чэнь Юнгуй, который подписал с «красными кхмерами» секретный договор о совместном противодействии социал-империализму, то есть СССР.

В 1977-78 годах важнейшим приоритетом внешней политики КНР было формирование единого международного фронта против СССР. Локальным участком этой борьбы стала политика сдерживания союзника СССР — Вьетнама — с помощью Демократической Кампучии. В газете «Жэньминь Жибао», органе ЦК Коммунистической партии Китая, 12 июля 1978 года была напечатана передовая статья, в которой выражалась полная поддержка «кампучийской революции, возглавляемой выдающимися революционными деятелями товарищем Пол Потом и товарищем Йенг Сари, которым противостоит горстка ревизионистов, поддавшихся козням социал-империалистов».

В январе 1978 года на севере Лаоса состоялась конфиденциальная встреча между главнокомандующим сухопутными войсками СССР Иваном Павловским и министром обороны СРВ Во Нгуен Зиапом, которые обсудили положение в Кампучии и будущее «красных кхмеров». Совет Павловского вьетнамцам звучал по-военному кратко: «Сделайте Чехословакию». Советский генерал рекомендовал вьетнамским войскам сделать в Пномпене то, что советские войска сделали в Праге в 1968 году.

В середине февраля 1978 года состоялась незапланированная поездка во Вьетнам члена политбюро ЦК КПСС Георгия Романова, после которой Ханой присоединился к советским обвинениям в адрес Китая по поводу его политики в Кампучии. 21 февраля 1978 года «Радио Ханоя» обвинило неназванную державу в использовании Кампучии для нападений на Вьетнам: «Международные реакционеры помогли [«красным кхмерам»] создать и оснастить за одну ночь дюжину дивизий, вооруженных тяжелой артиллерией и боевыми самолетами, которых Кампучия раньше не имела».

После того, как кампучийско-вьетнамское противостояние переросло в вооруженный конфликт «красные кхмеры» обвинили СССР в причастности к подготовке вьетнамского наступления. «Радио Пномпеня» сообщало: «Иностранные [советские] технические специалисты и советники оказывают помощь вьетнамскому командованию в пехотных и танковых дивизиях».

29 июня 1978 года Вьетнам вступил в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), торгово-экономическое объединение стран советского блока. Продолжались массированные поставки советского вооружения во Вьетнам, который готовился к войне не только с «красными кхмерами», но и к отражению возможного нападения со стороны Китая. Предполагалось, что именно так Пекин может среагировать на вторжение вьетнамцев в Кампучию.

Вероятность войны на два фронта была очень велика. Еще 30 июля 1977 года на закрытом совещании в МИД КНР министр иностранных дел Китая Хуан Хуа заявил: «Мы поддерживаем борьбу Кампучии против советского социал-империалистического ревизионизма и не останемся сторонними наблюдателями». В Москве и Ханое эти слова расценили как предупреждение — китайские войска атакуют Вьетнам, если тот нападет на Демократическую Кампучию. Но вьетнамцы сумели убедить советских руководителей, что Китай не успеет перебросить в Кампучию крупные военные подразделения. А возможный удар китайских войск с севера вьетнамская армия сможет отразить самостоятельно.

Тем не менее, 3 ноября 1978 года в Кремле состоялось торжественное подписание договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного между СССР и СРВ на двадцать пять лет. В шестой статье договора указывалось, что если одна из сторон подвергнется нападению или угрозе нападения, то СССР и Вьетнам немедленно приступят к консультациям с целью принятия эффективных мер по предотвращению этой угрозы. Кроме всего прочего, эффективные меры предусматривали вовлечение соединений ВМС и ВВС СССР, развернутых во Вьетнаме, для отражения возможного наступления китайских войск на Вьетнам. Выступая на банкете после подписания договора, генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан объявил: «Теперь Вьетнам вдохновлен на выполнение священной национальной задачи, так же как и благородной интернациональной обязанности».

После подписания советско-вьетнамского договора «красные кхмеры» развернули интенсивную международную пропаганду против СССР и социалистических стран Восточной Европы: «Государства-члены Варшавского договора готовы снабжать Вьетнам тяжелым вооружением и предоставить до двадцати тысяч советников, чтобы обеспечить Вьетнаму захват Кампучии».

«Красные кхмеры» не поддерживали отношений со странами социалистического содружества, подконтрольного СССР. Если не считать одиночный приезд в Демократическую Кампучию болгарской делегации, которой «красные кхмеры» показали образцовые сельскохозяйственные кооперативы. Кроме того, «красные кхмеры» выпускали пропагандистские журналы и брошюры на английском языке, в которых указывалось, что они изданы посольством Демократической Кампучии в Германской Демократической Республике.

На каком-то этапе Пол Пот всерьез уверовал в то, что Кампучия может стать эпицентром третьей мировой войны. В интервью китайскому информационному агентству «Синьхуа» Пол Пот сказал: «Страны Варшавского договора могут использовать свои войска только ограниченно, потому что Кампучия находится очень далеко от Восточной Европы… Восточноевропейские солдаты не едят кхмерскую пищу. Они должны

привезти продукты с собой. Но Варшавский договор может использовать тысячи советников, прислать самолеты, артиллерию и танки».

В беседе с американскими журналистами в декабре 1978 года Пол Пот развил тему вероятного мирового катаклизма на кампучийской земле: «Вьетнам пошел и поцеловал ноги Советскому Союзу. <...> На помощь Вьетнаму прибудут войска из СССР и социалистических стран Восточной Европы, которым придется привезти с собой все, что им нужно, потому что во Вьетнаме ничего нет». Тем не менее, Пол Пот был уверен в военной победе Демократической Кампучии, поскольку, по его расчетам, на защиту Кампучии должны были встать «страны Юго-Восточной Азии и всего мира, которые не допустят, чтобы Советский Союз и страны Варшавского договора овладели Кампучией и Юго-Восточной Азией».

Начав вторжение в Кампучию 25 декабря 1978 года, вьетнамцы, естественно, справились с «красными кхмерами» без помощи советских и восточно-европейских войск. Однако, накануне падения режима «красных кхмеров», 5 января 1979 года, Пол Пот выступил по «Радио Пномпеня» с заявлением, в котором призвал кампучийский народ к длительной народной войне против советского международного экспансионизма и варшавского пакта.

ЛАОТЯНСКАЯ ДРУЖБА

Лаос, ставший в 1970-х годах также социалистическим, потенциально мог быть союзником Демократической Кампучии. Тем более, что в период второй индокитайской войны боевые командиры «красных кхмеров» часто наведывались в Лаос, где делились опытом партизанских операций с руководителями прокоммунистического национально-освободительного движения Патет Лао.

Во время войны с режимом генерала Лон Нола в 1970-75 годах довольно много лаосцев были бойцами партизанских отрядов «красных кхмеров». Некоторые лаосцы занимали заметное положение в правительственных структурах Демократической Кампучии. Например, один лаосец по имени Савон в 1977—78 годах был высокопоставленным чиновником МИД ДК, курировавшим воспитательную работу среди бывших кхмерских дипломатов, возвращавшихся из-за рубежа. Предположительно, лаосцем был и телохранитель Ху Юна, убивший его в 1975 году.

После победы кхмерских и лаосских коммунистов между двумя странами складывались дружественные отношения.

В декабре 1975 года Кампучию с официальным визитом посетил министр иностранных дел, заместитель премьер-министра Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР) Пхун Сипасет, обсуждавший в Пномпене перспективы сотрудничества между двумя государствами. «Красные кхмеры» старались увлечь Сипасета примером Кампучии, выстраивавшей собственную политику, независимую от Вьетнама. Беседуя с лаосским коллегой, кампучийский министр иностранных дел Йенг Сари многозначительно заметил: «В настоящее время наш кхмерский народ контролирует свою собственную судьбу, твердо держит в собственных руках революционную администрацию и строит новое общество».

Вопреки официальным заявлениям руководителей ЛНДР о нерушимости лаосско-вьетнамских связей, многие кадровые работники партийно-государственной администрации Лаоса скрытно выражали восхищение мужеством и дерзостью «красных кхмеров», осмелившихся вступить в конфронтацию с Ханоем.

Дело не ограничивалось лишь визитами вежливости. В 1976-77 годах «красные кхмеры» безвозмездно передали Лаосу более трех тысяч тонн риса, которые помогли лаосскому правительству решить проблему нехватки продовольствия в стране, обострившуюся в результате акции Таиланда. Бангкок закрыл тайско-лаосскую границу и экономически блокировал социалистический Лаос.

Природно-климатические условия Лаоса не благоприятствуют высокой продуктивности сельского хозяйства. Поэтому руководители Демократической Кампучии охотно делились с Лаосом своим рисом, надеясь извлечь из этого существенную политическую выгоду. Необходимость такой помощи обосновывалась в пояснительной записке к четырехлетнему плану ЦК ПКК построения социализма в Кампучии: «Лаос испытывает недостаток в землях, пригодных для выращивания риса. А мы имеем обильные природные ресурсы. Решение проблемы ирригации намного легче для нас».

Первые признаки роста напряженности во взаимоотношениях между Демократической Кампучией и Лаосом проявились после того, как 12 февраля 1976 года в совместном вьетнамо-лаосском коммюнике объявлялось об установлении особых отношений между Вьетнамом и Лаосом с целью развития долгосрочного сотрудничества, укрепления взаимопомощи и координации действий против империалистов и реакционеров. В коммюнике также подчеркивалась необходимость наращивать солидарность между Лаосом, Кампучией и Вьетнамом.

Лаосский прецедент произвел на «красных кхмеров» крайне неблагоприятное впечатление. На политических занятиях руководящих кадров ДК появился тезис о том, что «Вьетнам управляет лаосской революцией и захватывает землю Лаоса». Первый публичный намек на недовольство «красных

кхмеров» особыми отношениями между Вьетнамом и Лаосом прозвучал в выступлении Йенг Сари 17 апреля 1976 года по случаю первой годовщины победы «красных кхмеров»: «Оборона страны должна быть делом ее собственного народа. Революция в каждой стране должна совершаться самостоятельно народом этой страны».

«Красные кхмеры» старались, по мере сил и возможностей, оттянуть Лаос от Вьетнама. В своем выступлении на конференции Движения неприсоединения на высшем уровне, проходившей в августе 1976 года в столице Шри Ланки Коломбо, председатель Государственного президиума Демократической Кампучии Кхиеу Самфан особо выделил и отдельно тепло приветствовал лаосскую делегацию во главе с президентом ЛНДР Суфанувонгом.

Напряженность на кампучийско-лаосской границе возросла в конце 1976 года. Солдаты регулярных подразделений армии ДК, расквартированных на границе, стали стрелять по лаосским гражданам по другую сторону границы, как и по лаосским баржам, плывшим по Меконгу.

Весной 1977 года Кампучию посетила делегация Ассоциации патриотических женщин Лаоса, которую приняли Кхиеу Самфан и Йенг Сари. В ходе состоявшихся бесед были подтверждены нерушимая солидарность и глубокая взаимная симпатия между двумя странами.

Но отношения между ДК и ЛНДР заметно испортились после подписания 17 июля 1977 года договора о дружбе и сотрудничестве между Вьетнамом и Лаосом, который фактически легализовал вьетнамский протекторат над Лаосом. «Красные кхмеры» расценили вьетнамо-лаосский договор как первый шаг к созданию вьетнамцами индокитайской федерации. Хотя публично и официально руководство ДК никак не выразило своего отношения к лаосско-вьетнамскому договору. В кратком сообщении «Радио Пномпеня» лишь мрачно указывалось на игнорирование вьетнамцами суверенитета Лаоса. Но на секретных совещаниях кадровых работников «красных кхмеров» особые отношения между Вьетнамом и Лаосом подверглись решительному и резкому осуждению.

Ухудшение кампучийско-лаосских отношений выразилось в том, что в частных беседах с послом Лаоса в Демократической Кампучии официальные представители «красных кхмеров» начали высказывать притязания на ту часть территории Лаоса, где находили камни с выбитыми на них надписями на кхом (древнекхмерском языке). Эти камни являются археологическим наследием Ангкорской империи, охватывавшей практически всю территорию современного Лаоса. В VI—VII веках столица кхмерского государства находилась в городе Лингапура, расположенном на юге Лаоса, в ста двадцати километрах к северу от нынешней кампучийско-лаосской границы. В XIV веке правитель одного из лаотянских княжеств, потерпев поражение в межплеменной войне, бежал в Ангкор. Позже его сын — принц Фа Нгум, женатый на дочери ангкорского императора, — вернулся в Лаос и основал столицу в Луангпрабанге, который стал резиденцией лаосских королей. Фа Нгум привез из Ангкора своего наставника — ученого буддийского монаха, скульпторов и ремесленников, чтобы создать в своей новой столице атмосферу, к которой он привык в Ангкоре. Таким образом, ангкорское влияние распространилось практически на всю территорию нынешнего Лаоса.

«Красные кхмеры» использовали историческое наследие Ангкорской империи для обоснования территориальных притязаний к Лаосу. В секретном меморандуме, составленном в МИД ДК летом 1977 года, упоминались утерянные земли, которые охватывали весь южный Лаос. На кампучийско-лаосской границе участились вооруженные инциденты, в результате которых в 1977 году «красные кхмеры» захватили десять островов на реке Меконг, принадлежавших Лаосу.

Истинная причина роста напряженности в кампучийско-лаосских отношениях заключалась в том, что. Вьетнам начал превращать Лаос в плацдарм для подрывной деятельности против Демократической Кампучии. Ханой разместил в Лаосе сорокатысячную группировку вьетнамских войск, которая представляла непосредственную военную угрозу для «красных кхмеров» с севера.

Кроме того, вокруг посла Демократической Кампучии в Лаосе Меак Туча возникла какая-то подозрительная активность. Посол «красных кхмеров» вступал в несанкционированные контакты с сотрудниками Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, которые опекали кхмерских беженцев в Таиланде. Бывшие генералы лонноловской армии, успевшие сбежать в Таиланд, формировали боевые отряды для борьбы с режимом «красных кхмеров». Бойцов набирали в лагерях кхмерских беженцев. Один из бывших лонноловских генералов неоднократно приезжал в Лаос, где тайно встречался и что-то обсуждал с Меак Тучем, которого 20 ноября 1977 года отозвали в Пномпень и арестовали.

. Руководители ДК и ЛНДР попытались выяснить отношения в ходе консультаций, проходивших в феврале 1978 года на уровне заместителей министров иностранных дел.

Лаосская сторона определила свою позицию следующим образом. Правительство Лаоса считает Демократическую Кампучию дружественной страной, не вмешивается ни во внутренние дела Кампучии, ни во взаимоотношения между Кампучией и Вьетнамом и не выступает в качестве посредника для улаживания проблем в кампучийско-вьетнамском конфликте. Лаос стремится к сохранению, укреплению и развитию дружбы с Кампучией, хочет, чтобы Кампучия и Вьетнам нормализовали отношения друг с другом, потому что обе страны являются друзьями Лаоса. Вьетнамские войска отведены от лаосско-кампучийской границы. Правительство Лаоса не позволит, чтобы Вьетнам использовал лаосскую территорию для совершения агрессии против Кампучии.

Кампучийская сторона, подтвердив неизменность своих дружественных чувств к народу и правительству Лаоса, подчеркнула, что под прикрытием всевозможных мирных инициатив Вьетнам готовит вооруженную агрессию против Демократической Кампучии с целью создания индокитайской федерации. Если правительство Лаоса действительно заинтересовано в сохранении дружбы с Кампучией, то лаосские власти должны арестовывать всех: и лаосцев и вьетнамцев, которые участвуют в подготовке агрессии против Кампучии.

«Красные кхмеры» предложили провести переговоры на высшем (правительственном) уровне, чтобы окончательно разобраться в принципиальных позициях ДК и ЛНДР.

Эти благие пожелания остались нереализованными. Попав в тотальную зависимость от Ханоя, Лаос покорно выполнял все указания Вьетнама. В августе 1978 года лаосское правительство запретило китайским самолетам с военными грузами для «красных кхмеров» пролетать над территорией Лаоса.

Накануне вьетнамского вторжения в Кампучию Лаос предпринял отчаянную попытку предотвратить войну между двумя братскими странами. Эту безнадежную миссию взял на себя президент ЛНДР Суфанувонг.

17 декабря 1978 года Суфанувонга торжественно встретили в аэропорту Почентонг — это был третий (и последний) визит главы зарубежного государства в Демократическую Кампучию. В ходе напряженной беседы с Пол Потом Суфанувонг тщетно пытался убедить руководителей ДК «не разрушать единства трех индокитайских стран, сплоченного в течение многих лет борьбы против общего врага». Со своей стороны, Пол Пот старался убедить Суфанувонга в том, что Лаос должен выступить на стороне Кампучии в борьбе с Вьетнамом.

На торжественном банкете Суфанувонг заявил в своем выступлении, что договор о дружбе и сотрудничестве между Лаосом и Вьетнамом является примером политики дружбы и добрососедства. В устах любого кхмера подобные слова, возможно, стали бы последними в его жизни. Именно поэтому во время выступления лаосского президента в зале стояла гробовая тишина. Бусинки пота выступали на лбах должностных лиц ДК, которые сидели неподвижно, опасаясь, что какое-то неосторожное движение может быть воспринято как знак одобрения слов Суфанувонга. В ответной речи Кхиеу Самфан, завуалированно покритиковав Лаос за договор с Вьетнамом, предупредил, что отношения между ДК и ЛНДР будут крепнуть только в том случае, если Лаос не позволит использовать свою территорию для нападения на Кампучию.

Несмотря на напряженность переговоров, протокольная сердечность сохранилась. Как и планировалось, президента

Лаоса свозили в Сиемреап для осмотра храмов Ангкора. Самолетом управляли юные кхмерские пилоты, которые только что закончили обучение в Китае. Этот полет произвел на лаосцев неизгладимое впечатление.

26 декабря 1978 года, спустя четыре дня после возвращения из Кампучии, Суфанувонг проинформировал министра иностранных дел Вьетнама о своих переговорах с руководством Демократической Кампучии и высказал соображения по поводу принятия дальнейших мер по нормализации отношений с «красными кхмерами». Президент Лаоса еще не знал, что уже более суток вьетнамские танки двигались по Кампучии. Вторжение осуществлялось в том числе и с территории Лаоса, о чем вьетнамцы проинформировали руководителей ЛНДР постфактум. Только тогда Суфанувонг понял, что в его посреднических усилиях изначально никто не нуждался.

Но в Пномпене продолжало функционировать посольство Лаоса, в котором оставались лаосские дипломаты во главе с послом Кханфаном, с уст которого почти никогда не сходила застенчивая улыбка. Кханфана назначили послом в Демократическую Кампучию не за революционные заслуги, как это было принято, а из-за его безмятежного отношения к жизни. Тем более, что в 1950-е годы Кханфан был буддийским монахом и провел несколько лет в Пномпене, изучая буддизм.

Флегматичность характера была самым важным качеством для выживания в Пномпене при «красных кхмерах». Предшественник Кханфана — молодой, энергичный революционер — почти свихнулся после года, проведенного в изоляции в Пномпене. В один прекрасный день он неожиданно потребовал немедленной эвакуации, которая представляла собой очень сложную процедуру. Лаосского дипломата отправили домой на лодке, на которой он плыл по Меконгу больше недели.

В новогоднюю ночь 1979 года Кханфан отправил в министерство иностранных дел Лаоса радиотелеграмму, в которой сообщал о нарастающей угрозе безопасности лаосского дипломатического персонала, поскольку к Пномпеню приближались вьетнамские войска. В ответ лаосский МИД посове-

товал своим дипломатам не паниковать. После этого радиосвязь с Вьентьянем неожиданно прервалась.

В то время, как сотрудники всех остальных посольств срочно покидали кампучийскую столицу, о лаосской дипломатической миссии, казалось, все позабыли. Утром 7 января 1979 года Кханфан пил чай на террасе второго этажа посольской виллы, с застенчивой улыбкой наблюдая, как по улицам Пномпеня громыхают танки передовых частей вьетнамской армии.

КИТАЙСКИЙ ГЕГЕМОН

Отношения «красных кхмеров» с Китаем складывались по-разному. Бывали периоды охлаждения. На политзанятиях кадровые работники «красных кхмеров» периодически выступали со следующими постулатами: «Мы не можем доверять ни одной зарубежной стране, даже Китаю. Мы должны остерегаться Китая. Верно, что мы очень обязаны этой великой стране. Но Китай хочет сделать нас своим сателлитом».

Однако, в целом Китайская Народная Республика оставалась главным стратегическим партнером Демократической Кампучии. Официально Китай являлся самым близким и верным другом «красных кхмеров», готовым «пожертвовать всем ради этой дружбы».

Еще до падения Пномпеня, 12 апреля 1975 года, Йенг Сари, находившийся тогда в Пекине, попросил китайских товарищей, чтобы те продолжили поставки вооружения «красным кхмерам» не через Вьетнам, как это делалось ранее, а напрямую в Кампучию. Свою просьбу Йенг Сари обосновал «концом эры тропы Хо Ши Мина».

Первая партия китайского оружия для «красных кхмеров» поступила в порт Компонгсаома уже 20 апреля 1975 года, когда у причала пришвартовался военный корабль ВМС КНР. Солдаты «красных кхмеров» выгрузили с судна оружие и боеприпасы, вместо которых загрузили мешки с солью.

В июне 1975 года Пол Пот посетил Китай с секретным визитом, в ходе которого встречался с Мао Цзэдуном. В августе 1975 года Кхиеу Самфан ездил в Пекин, где подписал с китайским руководством совместное коммюнике, в котором полностью поддерживалась внутренняя и внешняя политика КНР. Руководство Китая было готово оказать Кампучии огромную безвозмездную экономическую и военную помощь.

С середины 1975 года в Компонгсаом регулярно начали заходить китайские суда, доставлявшие, в основном, рис. Обратно в Китай большинство кораблей уходили пустыми. С июля 1975 года в течение нескольких месяцев ежедневно по два-три железнодорожных состава, состоявшие из 25—30 товарных вагонов, груженных китайским рисом, отправлялись в Пномпень.

Помимо 61 тысячи тонн риса, в качестве безвозмездной помощи в 1975 году китайские суда доставили 30 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, 3 тысячи тонн керосина, 3 дизельных электрогенератора, 300 грузовых автомобилей, 9000 шпал, 1000 единиц железнодорожного оборудования, 250 тонн пестицидов, 1,8 миллиона мотыг, 2600 тонн плужных лемехов, 237 000 лопат, 60 тонн медикаментов, 20 тысяч велосипедов, 3300 тонн одежды, 200 швейных машины. Интенсивная китайская безвозмездная помощь пошла на убыль в ноябре-декабре 1975 года, когда в Компонгсаоме пришвартовалось только три судна из Китая.

Руководители «красных кхмеров» не афишировали китайскую безвозмездную помощь, потому что один из главных тезисов их пропаганды сводился к необходимости опоры на собственные силы. В этом отношении весьма показательно поведение Кхиеу Самфана во время его визита в Китай в августе 1975 года. Китайцы готовы были обсуждать объемы только безвозмездной помощи, но Кхиеу Самфан настоял на подписании еще и обычного торгового договора. За первые шесть месяцев своего пребывания у власти — с мая по октябрь 1975 года — «красные кхмеры» экспортировали в Китай 2400 тонн каучука, 2200 тонн ценных пород древесины, 200 тонн черного перца, 113 тонн кокосов и 39 тонн семян лекарственных растений, являющихся сырьем для производства стрихнина.

Наиболее интенсивно кампучийско-китайские отношения развивались в военной сфере. Еще в 1975 году, в августе и октябре, Кампучию посещали группы китайских военных экспертов для оценки оборонных потребностей Кампучии. После чего, с помощью китайских советников началось создание современной армии «красных кхмеров», которая,

по замыслу Пекина, должна была стать серьезным фактором сдерживания внешнеполитической экспансии Вьетнама в Юго-Восточной Азии.

В феврале 1976 года в Кампучию прибыла военная делегация КНР во главе с заместителем начальника генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Ван Шанжуном, который подписал с министром обороны Демократической Кампучии Сон Сеном секретный договор о военном сотрудничестве. Китай обязался передать «красным кхмерам» оснащение для полка артиллерии ПВО, радиолокационного полка и батальона инженерных войск, оборудование для военного аэродрома, сторожевые корабли и быстроходные катеры для ВМС, технику для танкового полка, полка связи и трех полков полевой артиллерии. Подводные лодки, бомбардировщики и истребители планировалось поставлять по мере подготовки кампучийского военно-воздушного и военно-морского состава, а также с учетом темпов строительства новых аэродромов и доков для стоянок кораблей. Численность кампучийских курсантов в военных училищах КНР должна была составить 471 человек для ВВС и 157 — для ВМС.

В Кампучию командировались китайские специалисты по радиолокации и артиллерии ПВО, наземный персонал для ВВС, летный состав для транспортных самолетов, специалисты по ремонту авиационной техники. Всего в 1976 году в Кампучию прибыло примерно 500 китайских военных советников и специалистов.

С их помощью предусматривалось расширение мощностей завода по ремонту военной техники, строительство предприятий по производству пороха, оружия, боеприпасов, бронированных конструкций и т.д. Всего — около сорока заводов и фабрик военного назначения. Завод по производству патронов, построенный Чехословакией в 1960-е годы, китайские специалисты восстановили одним из первых. Совершенно новый, крупный завод по производству оружия, на котором, как предполагалось, работало бы две тысячи рабочих, планировалось построить в пригороде Пномпеня.

В 1978 году почти завершились работы по строительству огромного военного аэродрома в Компонгчнанге. В том

же году из Китая вернулась первая группа кампучийских летчиков — выпускников китайских летных военных училищ. В марте—июне 1978 года из Китая поступили первые партии боевых самолетов: десять бомбардировщиков и восемнадцать истребителей. Всего Китай должен был поставить двадцать бомбардировщиков и тридцать шесть истребителей.

В 1978 году военно-морские силы Демократической Кампучии состояли из двадцати судов различных типов и назначения, включая корабль-разведчик, замаскированный под торговое судно. С помощью китайских специалистов на базе ВМС ДК в Реаме полным ходом шло строительство глубоководных причалов, судоремонтной верфи и центра управления боевыми кораблями.

К осени 1978 года в Кампучии находилось несколько тысяч китайских техников, специалистов и военных советников. С их помощью была удвоена пропускная способность морского порта в Компонгсаоме, отремонтирована железная дорога Компонгсаом—Пномпень, строилась новая железная дорога вблизи вьетнамской границы, реконструировался пномпеньский аэропорт.

Численность армии «красных кхмеров» увеличилась до семидесяти тысяч человек. Если в апреле 1975 года у «красных кхмеров» было шесть дивизий, то через год — одиннадцать, а к декабрю 1978 года — двадцать шесть дивизий, из которых большинство дислоцировалось на границе с Вьетнамом. Только в последние месяцы 1978 года Китай поставил в Кампучию двести танков, триста бронемашин, триста артиллерийских орудий и большое количество другой военной техники.

Китай оказывал «красным кхмерам» масштабную экономическую помощь. Тысячи китайских советников находились на промышленных предприятиях в Пномпене и по всей стране. Китайский технический персонал восстановил фабрики по производству цемента, тканей, стекла и стеклотары, шин и резины, тракторосборочный завод, гидроэлектростанцию в горах Кириром. Для текстильной фабрики в городе Компонгчам Пекин поставил полный комплект станков и прочего оборудования, необходимого для работы предприятия.

В порту Компонгсаома находилось двести китайских техников. Крупные партии китайских товаров доставлялись транспортными самолетами в Пномпень. В аэропорту Почентонг находилось множество китайских техников и советников, которые, помимо приема самолетов, занимались обучением кхмерских пилотов и авиатехников.

С помощью китайских специалистов в Демократической Кампучии создавались новые отрасли промышленности — металлургия и речное судостроение. В ноябре 1977 года китайские техники установили в Пномпене телекоммуникационное оборудование, которое позволило ввести прямую радио- и телетайпную связь с Китаем, с выходом на другие страны мира. На 1979 год было запланировано полное восстановление телефонной связи в стране.

В декабре 1977 года головной проектный институт КНР подготовил проектно-сметную документацию по строительству в городе Компонгсаоме нефтеперерабатывающего завода. Китай направлял в Кампучию многочисленные группы сельскохозяйственных экспертов. Китайские советники постоянно находились на каучуковых плантациях.

Спецслужбы КНР использовали китайских советников и специалистов как осведомителей, поскольку каждый из них был обязан регулярно писать отчеты об условиях жизни в Кампучии, а также обо всем интересном увиденном и услышанном при общении с кхмерами.

Китай был главным внешнеторговым партнером Демократической Кампучии. Общий объем товарооборота между ДК и КНР к концу 1978 года превысил сорок два миллиона долларов, из которых экспорт КНР в ДК составлял почти двадцать пять миллионов долларов, а из ДК в КНР — около семнадцати миллионов долларов. Стоимость товаров определялась исходя из цен мирового рынка.

Китай предоставил «красным кхмерам» кредит на сумму в 24,6 миллиона долларов для закупок оборудования и нефтепродуктов в Китае, а также двадцать миллионов долларов для покрытия пассива Демократической Кампучии во внешней торговле с капиталистическими странами. Формально в соглашении оговаривались условия беспроцентного займа с

выплатой в течение пяти-шести лет. Срок погашения кредита мог быть продлен до тридцати лет.

В 1976 году между КНР и ДК были подписаны два соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, в соответствии с которыми уже в 1976 году «красные кхмеры» продали в Китай 150 тысяч тонн риса, а в 1977 году — 480 тысяч тонн. Министр иностранных дел ДК Йенг Сари объяснил увеличившиеся объемы экспорта риса: «Впервые у нас появились излишки риса, которые мы можем экспортировать. Мы уже в состоянии сами полностью удовлетворить свои потребности в продовольствии». По планам «красных кхмеров», ежегодный урожай риса должен был составить 4,6 миллиона тонн, из которых 1,3 млн тонн предназначались бы на экспорт, а 3,3 млн тонн — для внутреннего потребления. В 1977 году ДК продала в Китай семь тысяч тонн каучука, а в 1978 году — около двадцати тысяч тонн.

Номенклатура кампучийского экспорта в Китай поражает своим разнообразием: рис, каучук, сушеная рыба, креветки, мясо, бобы, зеленая фасоль, сахар, перец, фрукты, кокосовые орехи, бетель, ценные породы древесины, натуральные красители, растительная продукция традиционной медицины, редкие минералы, рога буйволов и оленей, кожа крокодилов и змей, шкуры пантер, тигров и черного медведя, кости тигров и обезьян, панцири черепах, высушенные ящерицы, кости обезьян, бивни слонов, рога кабарги, копра, креп, капок, семена лотоса, стрихнин, белый сезам, кофейные зерна, кардамон, цветы жасмина, орехи мальвы и т.д.

В Китае «красные кхмеры» покупали оборудование для строительства новой железной дороги, заводов по производству кирпича, велосипедов и других промышленных предприятий. Кроме этого, медикаменты, термометры, нефтепродукты, керосин, ткани, нитки, сталь, чугун, гипс, кокс, минеральные удобрения, пшеницу, сахар, продукцию легкой промышленности, одежду, сигареты, тракторы, бульдозеры, грейдеры, тепловозы, краны, электрогенераторы, сортировочные машины, сеялки, буксиры, дорожные катки, электропилы, различные инструменты, кинокамеры, кинофильмы,

кинопроекторы, мотыги, швейные машинки, лопаты, велосипеды и другие товары.

Ежемесячно в порту Компонгсаома швартовалось от 6 до 14 китайских торговых судов. За исключением середины 1978 года, когда в преддверии большой войны между ДК и СРВ, количество приходивших в Компонгсаом кораблей из Китая увеличилось до 30 в месяц. Китайские суда шли к берегам Кампучии обычно под китайскими флагами. Но в целях маскировки на подходе к Компонгсаому поднимали флаги ДК.

Специально для торговли с социалистическими странами «красные кхмеры» создали Кампучийскую компанию внешней торговли (ФОРТРА), главными партнерами которой были внешнеторговые организации КНР. Стоит отметить, что ни один из счетов ФОРТРА не содержал никаких сумм. Оплата за товар осуществлялась в различных формах, в основном, на основе взаиморасчетов, когда деньги как таковые не двигались.

Китай оплачивал львиную долю импорта Демократической Кампучии из капиталистических стран. Торговлей с капстранами занималась кампучийская внешнеторговая фирма «Рен Фунг», зарегистрированная в Гонконге. Счета этой фирмы по производившимся закупкам оплачивались одним из китайских банков в Гонконге, который обслуживал внешнеторговые операции КНР. На протяжении всего периода деятельности основным партнером «Рен Фунг» была крупная гонконгская фирма, контролировавшаяся Пекином.

Для осуществления внешнеторговых финансовых операций «красные кхмеры» создали Банк внешней торговли, который тесно сотрудничал с Центральным банком Китая.

Китай оказывал «красным кхмерам» и гуманитарную помощь. Китайские врачи работали в центральных больницах Кампучии. Одновременно они обучали кампучийский медперсонал, основам современной медицины, включая простые хирургические операции и методы рентгена. Медицинские бригады прибывали из Китая для оказания экстренной помощи при ликвидации серьезных эпидемий, вспыхнувших в Кампучии в 1976 году. С помощью китайских специалистов была построена фармакологическая фабрика.

Немногочисленные кампучийские студенты, которых «красные кхмеры» отправляли на учебу за границу, учились в КНР. «Красные кхмеры» открыли два технических училища, в которых готовили квалифицированных рабочих. В 1978 году в Пномпене была открыта высшая техническая школа, программа обучения которой предусматривала подготовку высококвалифицированных техников за семь лет и инженеров — за десять лет. Наряду с кхмерскими интеллектуалами, вернувшимися из-за границы, в учебных заведениях Демократической Кампучии работали и китайские преподаватели.

Китайцы помогали «красным кхмерам» издавать цветной журнал на английском языке о достижениях кампучийской революции под названием «Демократическая Кампучия продвигается вперед». Журналистские делегации из КНР регулярно посещали Кампучию. Китайцы работали переводчиками и дикторами в китайской редакции «Радио Пномпеня». Китайские кинематографисты снимали документальные фильмы о Демократической Кампучии, в которых показывалась счастливая и трудолюбивая страна крестьян и рабочих. В Кампучии демонстрировались китайские документальные и художественные фильмы, выступали различные артистические коллективы, в том числе и знаменитая труппа китайских акробатов.

Несмотря на огромную и разностороннюю помощь КНР, «красные кхмеры» никогда не позволяли китайским экспертам выходить за рамки их служебных функций технических советников.

Ценная помощь КНР не приводила к большей свободе передвижения по Кампучии китайских дипломатов, которые почти все время проводили в Пномпене. Их поездки в провинции для осмотра финансировавшихся Китаем объектов, скорее, походили на туристические экскурсии. «Красные кхмеры» редко разрешали оставаться вне Пномпеня больше, чем на одну ночь. В поездках по провинциям китайских дипломатов сопровождали, по меньшей мере, два джипа с охраной, которые стерегли сотрудников посольства КНР.

Дипломаты других стран полагали, что у китайских коллег сложились с «красными кхмерами» исключительные от-

ношения, что вызывало некоторые трения среди дипломатического корпуса. Возможно, основанием для подобных умозаключений служило то обстоятельство, что посольство КНР располагалось отдельно от прочих дипломатических миссий, а до ноября 1977 года радиосвязь китайского посольства с Пекином была единственной нитью, которая связывала Пномпень с внешним миром.

В действительности, китайцам столь же трудно работалось с кампучийцами, как и другим дипломатам. В начале 1977 года между посольством КНР и МИД ДК даже возникла серьезная напряженность, поскольку один из самых близких друзей Китая, министр информации Демократической Кампучии Ху Ним вдруг бесследно исчез, а «красные кхмеры» ничего не говорили китайским дипломатам о судьбе их кхмерского друга. Лишь после свержения «красных кхмеров» стало известно, что Ху Нима обвинили в сотрудничестве с зарубежными спецслужбами, арестовали и расстреляли.

Неоднократно высокопоставленные представители КНР затрагивали вопрос о положении китайского этнического меньшинства в Демократической Кампучии. Лидеры «красных кхмеров» воспринимали эти запросы как попытки вмешательства во внутренние дела ДК, поэтому отвечали уклончиво, мол, кхмерские хуацяо живут, как и все кампучийцы.

Надо сказать, что лидеры «красных кхмеров» не жаловали местных китайцев. Хотя, с началом гражданской войны в 1970 году в рядах «красных кхмеров» были созданы вооруженные подразделения, состоявшие исключительно из китайцев, но в 1973 году эти отряды были расформированы.

На начало 1975 года в Кампучии проживало примерно 430 тысяч китайцев. В начале 1980-х годов численность китайских жителей Кампучии оценивалась в 280 тысяч человек. Таким образом, правление «красных кхмеров» не смогли пережить порядка 150 тысяч кампучийских хуацяо.

Нельзя сказать, что «красные кхмеры» убивали китайцев по этническому признаку. Например, начальник тюрьмы S-21, более известной как музей геноцида Туолсленг, в Пномпене Канг Кек Иеу (он же Дуч) был более китайцем, чем кхмером, поскольку его отец был чистокровным китайцем, а мать - на-

половину китаянкой. Кхмерские хуацяо жили в городах и совершенно не были приспособлены к физическому труду. Им особенно тяжело приходилось в сельскохозкооперативах, где они умирали от болезней и непосильной для них крестьянской работы.

Возможности правительства КНР, а тем более персонала китайского посольства, влиять на внутреннюю политику «красных кхмеров» были очень ограничены. Как и другие иностранные представители, китайские дипломаты фактически находились под домашним арестом в своем посольстве. Несмотря на достаточную комфортабельность китайского дипломатического представительства с большим плавательным бассейном, просторными офисными помещениями, столовой с собственным китайским поваром и продуктами питания, которые еженедельно доставлялись из Пекина, китайские дипломаты тяготились бездельем. Только два-три раза в неделю они встречались с сотрудниками МИД ДК для поддержания рабочих контактов. Днями китайские дипломаты не имели никакой формальной причины для выхода из посольства, куда «красные кхмеры» привозили редкие официальные публикации: бюллетени новостей, брошюры, газеты и журналы.

В дипломатическом корпусе нарастали возбуждение и недовольство. Наступил момент, когда иностранные дипломаты более не могли выносить такого положения и начали просто прогуливаться пешком по Пномпеню. Несмотря на постоянные просьбы «красных кхмеров» не гулять без разрешения, дипломаты все равно продолжали свои прогулки, в которых их всегда сопровождали один или два вооруженных солдата, следовавших примерно в пятидесяти метрах сзади. Не говоря уж о том, что на каждом углу стояли вооруженные патрули.

Вскоре у сотрудников всех посольств вошло в правило регулярно прогуливаться по утрам и вечерам, встречаться на бульварах Пномпеня, беседовать и обмениваться новостями, которых фактически не было. Эти прогулки не только помогали расслабиться физически и психологически, но и позволяли хоть что-нибудь увидеть в пустынном Пномпене.

В январе 1976 года скончался премьер Госсовета КНР, лидер китайских реформаторов Чжоу Эньлай, смерть которого ослабила умеренное крыло в пекинском руководстве. В ЦК КПК и правительстве КНР на первый план выдвинулись радикальные деятели. Это обстоятельство объективно укрепляло позиции Пол Пота.

С начала 1976 года сотрудничество между Китаем и Демократической Кампучией приобрело качественно новый характер. В партийной газете «красных кхмеров» появилась терминология, характерная для периода культурной революции в Китае.

7 апреля 1976 года ушел в отставку преемник Чжоу Эньлая, реформатор Дэн Сяопин. Власть в Китае перешла к группе из четырех человек, прозванной позднее бандой четырех во главе с Цзян Цинь — женой Мао Цзэдуна, который скончался 9 сентября 1976 года. По этому поводу Демократическая Кампучия на пять дней погрузилась в общенациональный траур.

Смерть великого кормчего стала сигналом к обострению фракционной борьбы среди «красных кхмеров». Умеренные потеснили радикалов. Пол Пот ушел во временную отставку с поста премьер-министра ДК и уехал в Китай. Выступая 18 сентября 1976 года в Пекине на траурной церемонии похорон Мао Цзэдуна, Пол Пот впервые публично сообщил, что Демократической Кампучией управляет марксистско-ленинская организация, для которой «теоретические труды Мао Цзэдуна имеют большое практическое значение».

Пол Пот искал в Пекине поддержку. То же самое попытались сделать и его противники в руководящей прослойке ДК. Но очень неуклюже. 1 октября 1976 года они направили поздравительную телеграмму китайским руководителям по случаю национального праздника КНР, в которой выражалось отрицательное отношение к Дэн Сяопину: «Великая пролетарская культурная революция и ряд других революционных движений разгромили антисоциалистические и контрреволюционные штабы Дэн Сяопина».

Но уже 6 октября 1976 года членов банды четырех арестовали. Началась реабилитация Дэн Сяопина. Пол Пот вер-

нулся к руководству Демократической Кампучией 15 октября 1976 года. Через неделю он подписал политическую декларацию, в которой осуждалась антипартийная клика контрреволюционной банды четырех, а также направил поздравительную телеграмму Хуа Гофэну в связи с его избранием председателем КПК.

Поторопившиеся со своими приветствиями банде четырех умеренные деятели «красных кхмеров» оказались вне политической игры. Постепенно по различным обвинениям почти все конкуренты Пол Пота среди «красных кхмеров» были арестованы и расстреляны.

В начале 1977 года руководители «красных кхмеров» пребывали в некоторой растерянности. Они толком не знали, чего ждать от нового руководства КНР. Их немного приободрили слова министра иностранных дел КНР Хуан Хуа, который на банкете в Пекине по случаю второй годовщины победы «красных кхмеров» заявил: «Мы уверены, что в будущем китайский и кампучийский народы объединятся еще более близко, и плечом к плечу будут продвигаться вместе по пути нашей общей борьбы». Но на пафосных заявлениях дело и застопорилось.

19 июля 1977 года к работе в руководстве КНР вернулся Дэн Сяопин, что сразу же сказалось на китайско-кампучийских отношениях. Выступая на конференции партактива КПК 30 июля 1977 года, глава китайского внешнеполитического ведомства Хуан Хуа в связи с эскалацией напряженности между ДК и СРВ сказал, что Пекин готов действовать в качестве посредника и призвал «красных кхмеров» вернуться к переговорам с Вьетнамом, добавив, что Китай не намерен становиться на чью-либо сторону.

Китайская позиция не устраивала «красных кхмеров». Во время китайско-кампучийских переговоров Пол Пот предложил китайской стороне скоординированные военные акции против Вьетнама: «Мы считаем, что моральный дух вьетнамской армии низок. Она не сможет долго выстоять. <...> Их ударные силы на фронте ослабли».

Судя по всему, лидеры ДК всерьез надеялись на совместное с Китаем вторжение во Вьетнам: с юга и с севера. Это пре-

допределило бы военный разгром Вьетнама с последующим его территориальным расчленением: южный Вьетнам отошел бы к Кампучии, а северная и центральные части оказались бы под протекторатом Китая.

Руководство КНР не могло допустить даже теоретическую возможность подобного развития событий. Пекин был заинтересован в доминировании в регионе Юго-Восточной Азии в целом, а не в отдельно взятой стране — Вьетнаме. Китайская стратегия в ЮВА базировалась на политике сдерживания Вьетнама, который в азарте победы над американцами и, обладая в то время третьей в мире по боеспособности армией, потенциально, при поддержке СССР, мог начать экспорт социалистической революции в соседние страны. Китай мог завоевать авторитет и доверие стран Юго-Восточной Азии только сдерживая Вьетнам, а не разгромив его, поскольку в этом случае Китай автоматически превращался бы в экспансиониста, а не в гаранта стабильности в регионе.

О напряженности между КНР и ДК в этот период свидетельствует и тот факт, что делегация ПКК не прибыла на одиннадцатый съезд КПК, проходивший 11-18 августа 1977 года. Именно с этого съезда началась демаоизация Компартии Китая. Более того, лидеры Демократической Кампучии не направили даже поздравительное послание в адрес съезда китайских коммунистов.

Но «красные кхмеры» быстро одумались. Они нуждались в помощи Китая. 27 сентября 1977 года Пол Пот записал на магнитофон пятичасовое выступление, в котором впервые публично подтвердил, что марксистско-ленинская организация, управляющая ДК, и есть Коммунистическая партия Кампучии. Это выступление «Радио Пномпеня» передало 30 сентября 1977 года.

А 28 сентября 1977 года представительная делегация Демократической Кампучии во главе с Пол Потом прибыла с официальным визитом в КНР. В Пекине кортеж вождя «красных кхмеров» восторженно приветствовала стотысячная толпа китайцев.

Кампучийская делегация оставалась в Китае до 4 октября 1977 года. В своих выступлениях Пол Пот демонстрировал

сдержанность, говорил о стремлении Демократической Кампучии к открытости и не упоминал о неизбежности войны с Вьетнамом. Он надеялся, что его столь пышный визит в Китай сам по себе сделает Кампучию неуязвимой и вынудит Вьетнам проявлять осторожность. В какой-то мере эти надежды оправдывались.

Китайцы хотели, чтобы «красные кхмеры» договаривались с вьетнамцами с позиции силы. 5 октября 1977 года министр обороны КНР подписал протокол о дополнительных поставках вооружений и военного снаряжения «красным кхмерам». В обоснованности подобных мер китайские руководители убедились после напряженных переговоров с генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном в ноябре 1977 года. В докладе ЦК КПК указывалось на непреодолимые расхождения между Вьетнамом и Кампучией: «Наши усилия разрешить противоречия между ними [вьетнамцами и «красными кхмерами»] окончательно провалились. Поэтому в декабре 1977 года Центральный комитет партии решил перейти к активной поддержке Кампучии, усиливая ее в такой степени, чтобы она могла справиться с возможной новой ситуацией, когда переговоры не могут решить проблему».

С 3 по 15 декабря 1977 года в Демократической Кампучии с визитом находился заместитель премьер-министра КНР, член политбюро ЦК КПК Чэнь Юнгуй, влиятельный сторонник ортодоксального маоизма и большой поклонник сельскохозяйственных коммун. Не будучи политическим тяжеловесом, Чэнь Юнгуй был задушевным другом «красных кхмеров», которого Пол Пот мог послушаться.

В сопровождении Пол Пота и других высокопоставленных «красных кхмеров» Чэнь Юнгуй побывал на восточной границе Кампучии, где ознакомился с подготовкой армии ДК к отражению вьетнамского наступления. Эта поездка в пограничные с Вьетнамом районы широко рекламировалась «красными кхмерами» с целью произвести впечатление на Ханой. Но Чэнь Юнгуй не сказал ничего конкретного, выражая китайскую поддержку «красным кхмерам» в расплывчатых формулировках: «Никакая сила не может встать на пути дружественных отношений между Китаем и Кампучией».

«Красные кхмеры» с трудом скрывали недовольство нежеланием Китая открыто выступить против Вьетнама, что нашло отражение в речи вице-премьера ДК Вон Вета на банкете в честь Чэнь Юнгуя: «Кампучия определенно не позволит себе опуститься до положения сателлита или утратить свои территории или территориальные воды. ... Наши китайские товарищи видели собственными глазами решимость революционной армии Кампучии полностью выполнить свой священный долг». В ответ Чэнь Юнгуй похвалил внутреннюю политику «красных кхмеров». На следующий день, 16 декабря 1977 года, между «красными кхмерами» и вьетнамцами начались широкомасштабные боевые действия.

Большая кампучийско-вьетнамская война не входила в планы китайского руководства. В интервью французскому телевидению, отвечая на вопрос о причинах конфликта между ДК и СРВ, Дэн Сяопин сказал: «Они не должны бы сражаться между собой. Тот, кто развязал этот конфликт, плохо кончит».

В начале 1978 года заместитель премьера Госсовета КНР Цзи Дэнкуй подтвердил, что Китай выступает за прекращение военных действий между «красными кхмерами» и вьетнамцами, разъединение войск и урегулирование проблемы путем переговоров.

Наиболее серьезная попытка усмирить воинственность «красных кхмеров» была предпринята в январе 1978 года, когда Пномпень посетила вдова Чжоу Эньлая, член ЦК КПК, заместитель председателя Постоянного комитета Собрания народных представителей КНР Дэн Инчао, которую «красные кхмеры» приняли весьма холодно, отклонив ее предложение уладить проблемы с Вьетнамом путем переговоров.

В ответ на предупреждение Дэн Инчао, что непримиримая позиция «красных кхмеров» в отношении Вьетнама может негативно сказаться на размерах китайской помощи Кампучии, в эфире «Радио Пномпеня» прозвучал следующий комментарий: «Помощь, предоставляемая той или иной страной, не является критерием дружбы. Дружба основывается на принципах равенства, взаимного уважения, обоюдной выгоды; на чувствах солидарности и уважения права каждой

страны, малой или большой, самой определять свою судьбу. Дружба — это поддержка справедливого дела против несправедливости, иностранной интервенции и агрессии».

Лидеры «красных кхмеров» отказались пересмотреть свою жесткую позицию, и Пекин оказался в ситуации неизбежного выбора между ДК и СРВ. После чего Китай свернул усилия по мирному урегулированию кампучийско-вьетнамского конфликта.

В мае 1978 года на заседании политбюро ЦК КПК была тщательно проанализирована ситуация в Кампучии и возможные последствия краха режима «красных кхмеров».

Некоторые из китайских генералов предлагали послать в Кампучию китайских добровольцев, то есть войска, утверждая, что разгром «красных кхмеров» нанесет серьезный удар по престижу Китая в регионе. Командующий южным военным округом Китая предлагал превентивно атаковать Вьетнам силами его округа, чтобы предотвратить вьетнамское наступление на Кампучию. Командование ВМФ КНР предлагало направить эскадру боевых кораблей Китая к берегам Кампучии для защиты ее территориальных вод. Но все эти идеи отклонили по целому ряду политических, военных и экономических причин.

Прямое военное вмешательство Китая в кампучийско-вьетнамской конфликт напугало бы некоммунистические страны Юго-Восточной Азии, вызвало противодействие Запада, привело бы к вмешательству СССР и расстроило планы модернизации Китая. Во внешнеполитической стратегии КНР в КВА начала превалировать линия Дэн Сяопина на идеологическое дистанцирование от «красных кхмеров» и улучшение отношений с некоммунистическими странами региона с целью обуздания вьетнамского регионального экспансионизма.

Идя навстречу пожеланиям генералов, Дэн Сяопин согласился с предложением наказать Вьетнам, если тот вторгнется в Кампучию. Кроме того, было принято решение о наращивании военных поставок в Кампучию и об увеличении численности китайских военных советников. Но это означало, что «красные кхмеры» должны будут сражаться с вьетнамцами самостоятельно.

3 июля 1978 года Китай прекратил оказание помощи Вьетнаму. Нагнетание напряженности в кампучийско-вьетнамских отношениях приняло необратимый характер.

28 июля — 5 августа 1978 года, во время пребывания в Пекине, министр обороны ДК Сон Сен добился от китайцев дополнительной военной помощи, но при выполнении двух политических условий: прекращение «красными кхмерами» сектантской политики и улучшение международного имиджа Демократической Кампучии. Во время приема кампучийской делегации Дэн Сяопин прямо заявил, что китайская помощь не будет иметь смысла, если руководство «красных кхмеров» не откажется от «ультралевой политики, являющейся результатом тесных отношений группировки Пол Пота с бандой четырех».

Делегацию «красных кхмеров» не удовлетворял ход переговоров. Сон Сен настаивал на более непосредственном участии Китая в конфликте на стороне Кампучии. Китайское руководство решительно отвергло подобный вариант, заявив о своем неодобрении злоупотреблений Пол Пота во внутренней политике и даже о готовности принести его в жертву в пользу более умеренных руководителей «красных кхмеров».

Тем не менее, во второй половине 1978 года в Кампучию сплошным потоком пошло китайское вооружение. Численность китайских техников и советников в ДК к концу 1978 года увеличилась до 15 тысяч человек.

В начале ноября 1978 года Пномпень посетила китайская делегация во главе с политическим противником Дэн Сяопина, бывшим личным телохранителем Мао Цзэдуна Ван Дунсином, который проинспектировал военные поставки Китая и завершение строительства китайскими специалистами военного аэродрома в Компонгчнанге.

Формальной целью визита являлось стремление Пекина продемонстрировать китайскую поддержку «красным кхмерам» перед лицом решающего вьетнамского наступления. Но на самом деле Ван Дунсин сообщил руководителям ДК весьма неприятную новость. Он предложил «красным кхмерам» предпринять меры по подготовке к длительному партизанскому сопротивлению и не рассчитывать на быстрый разгром вьетнамского агрессора с помощью Китая.

Пол Пот воспринял китайские рекомендации серьезно. На приеме в честь Ван Дунсина Пол Пот сказал о готовности «красных кхмеров» прекратить военные действия и подписать с Вьетнамом договор о дружбе и ненападении. В последний момент из текста своего выступления он вычеркнул следующую фразу: «Правительство Демократической Кампучии и коммунистическая партия убеждены, что могут рассчитывать на помощь братской китайской армии в случае необходимости».

В действительности, после начала вьетнамского наступления «красные кхмеры» могли рассчитывать только на заявления в их поддержку, прозвучавшие из Пекина.

Вьетнамское вторжение началось 21 декабря 1978 года, и 30 декабря все китайские советники были вывезены на трех больших китайских кораблях из Компонгсаома. Последний китайский самолет, на борту которого находился и Сианук вылетел из аэропорта Почентонг 6 января 1979 года. А днем ранее посол КНР в ДК Сун Хао вместе с 27 сотрудниками китайского посольства на автомобилях покинули Пномпень в направлении тайской границы.

ОБ ЭКСПОРТЕ РЕВОЛЮЦИИ

Победа коммунистов во Вьетнаме, Кампучии и Лаосе в 1975 году взволновала руководителей государств-членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая изначально создавалась как политико-экономическое региональное объединение с целью противодействия распространению коммунизма в ЮВА. Коммунистический Индокитай нарушал равновесие сил в Юго-Восточной Азии и вносил нервозность в межгосударственные отношения. Вспомнились предсказания американских аналитиков, что после ухода США из Индокитая вьетнамские коммунисты начнут экспортировать социалистическую революцию в другие страны ЮВА.

Политическая неустойчивость в регионе породила разные представления относительно того, как Ассоциация должна реагировать на положение в Восточном Индокитае после победы там коммунистов.

Мягкую позицию заняла Малайзия. По мнению заместителя премьер-министра Малайзии Тун Разака, поражение США в Индокитае предоставило беспрецедентную возможность установить в Юго-Восточной Азии новый порядок, свободный от иностранного доминирования и влияния, во имя сотрудничества на общее благо. Противоположную точку зрения выражал Сингапур, хотя его руководители также избегали демонстрировать чрезмерную враждебность к коммунистическим режимам в Индокитае. Индонезия осталась в стороне от этих дискуссий, поскольку изначально не рассчитывала на добрые отношения с коммунистическими правительствами Вьетнама и Кампучии. Во время войны Джакарта активно и открыто поддерживала проамериканские режимы в Южном Вьетнаме и Камбодже. Таиланд вообще превратился в прифронтовое государство, на восточных и северных границах которого появились сразу две социалистические страны — Демократи-

ческая Кампучия и Лаосская На- родно-Демократическая Республика. В Бирме сложилось забавное положение. Военный диктатор Не Вин, объявив еще в 1962 году о строительстве социализма, одновременно вел затяжную и жестокую войну с коммунистическим повстанческим движением.

Проблема подавления левых, маоистских партизанских движений приобрела особую актуальность в целом для АСЕАН. При поддержке Китая, Вьетнама, Кампучии и Лаоса, почти во всех странах ЮВА подпольные коммунистические партии перешли к вооруженной борьбе против центральных правительств. Именно эти прокоммунистические партизанские армии должны были стать главными экспортерами социалистической революции по Юго-Восточной Азии.

«Красные кхмеры» постарались отвести от себя подозрения в экспорте революции. Выступая на саммите Движения неприсоединения, в августе 1976 года Кхиеу Самфан сказал: «Мы хотим, чтобы Юго-Восточная Азия стала подлинно независимым, нейтральным и мирным регионом. Как в настоящее время, так и в будущем в Юго-Восточной Азии не должно быть иностранных военных баз или вооруженных сил».

Кроме того, «красные кхмеры» отмежевались от замыслов Вьетнама по экспорту социалистической революции. Иенг Сари заявил представителям государств-членов АСЕАН: «Мы — не коммунисты, мы — революционеры и не принадлежим к группировке коммунистов Индокитая». Под революционерами Йенг Сари подразумевал борцов с западным империализмом и советским социал-империализмом.

По мере нагнетания напряженности в отношениях с Вьетнамом, высказывания «красных кхмеров» становились все более конкретными. Так, в декабре 1978 года посол Демократической Кампучии в Лаосе в интервью тайской газете «Нейшн ревью» сказал, что «красные кхмеры» сражаются с Вьетнамом «во имя защиты не только Кампучии, но также и всей Юго-Восточной Азии; если Вьетнам сможет проглотить Кампучию, он сможет также проглотить и всю Юго-Восточную Азию».

«Красным кхмерам» удалось убедить государства ЮВА, что радикально-коммунистическая Кампучия является, скорее, их союзником, чем врагом. В ходе дипломатического турне по странам АСЕАН весной 1977 года Йенг Сари неустанно

повторял, что «красные кхмеры» не допустят объединенного красного Индокитая под контролем Ханоя. Ему поверили. Особенно после того, как в ходе визита на Филиппины Йенг Сари официально заявил, что Демократическая Кампучия не поддерживает повстанческие коммунистические движения в Юго-Восточной Азии. Поэтому в целом отношения «красных кхмеров» со странами региона складывались нормально.

Малайзия была первым претендентом на полноценные межгосударственные отношения с Демократической Кампучией. Несмотря на то, что в апреле 1975 года «красные кхмеры» арестовали в окрестностях камбоджийской столицы около шестидесяти мусульман из арабских стран и Пакистана. Позже все они были убиты. Возможно, что руководство мусульманской Малайзии просто не знало об этих эксцессах.

В 1977 году происходил интенсивный обмен делегациями между двумя Малайзией и Демократической Кампучией, которые договаривались об установлении дипломатических отношений и развитии торговли. Но на пути кампучийско-малайзийского сближения встала проблема чамов — мусульманского этнического меньшинства Камбоджи.

Чамы — это потомки некогда многочисленного народа, проживавшего в VII—XVII веках в Чампе на территории современного центрального Вьетнама. Чампа была процветающим и могущественным индуистским государством, которое, однако, пало под ударами наступавших с севера вьетов. Вьетнамцы в буквальном смысле дотла изничтожили все чамское. А сами чамы, под влиянием малайских купцов принявшие ислам, в большинстве своем были вытеснены на кхмерские земли.

В 1960-е и начале 1970-х годов в Камбодже насчитывалось примерно 250 тысяч чамов, проживавших в 118 чамских деревнях, которые кхмеры называли мусульманскими или малайскими. Чамы расселялись по всей стране, но наибольшая их концентрация наблюдалась в провинции Компонгчам. Чамы, жившие в сельской местности, занимались садоводством, рыболовством, животноводством и лесозаготовками. В Пномпене они монополизировали торговлю скотом.

Чамы редко вступают в браки с кхмерами, вьетнамцами или китайцами. В то же время большинство чамов своим родным языком считают кхмерский. По сути, от кхмеров их отлича-

ет только религия. Французские колонизаторы называли чамов малайцами, а после восстановления независимости Камбоджи официально их стали именовать исламскими кхмерами.

Исторически чамы были очень аполитичны. В 1960-е годы в Камбодже не было ни одного сколь-нибудь заметного общественного деятеля из чамской среды.

Центральные правительства всегда слегка дискриминировали чамов, стараясь их ассимилировать. Поэтому после государственного переворота в 1970 году, в начале войны с лонноловским режимом, большинство чамов встало на сторону «красных кхмеров». Они надеялись, что победа коммунистов навсегда избавит их от притеснений центральных властей. Поначалу и «красные кхмеры» заигрывали с чамами, которые считались самыми бесстрашными солдатами а Камбодже.

Но в 1973 году «красные кхмеры» приступили к кооперированию крестьянства в освобожденных районах, что нарушало традиционный уклад жизни чамов. С этим они могли еще смириться. Но борьба «красных кхмеров» с религией и любых формах ее проявления, будь то буддизм или ислам, вызывала бурные протесты.

В ответ центральное руководство «красных кхмеров» выпустило директиву, в которой чамы более не причислялись к эксплуатируемым массам, потому что они жили «не столь тяжело, как остальные кхмеры». В том же документе жестко критиковалось нежелание чамов вступать в сельскохозяйственные кооперативы, создававшиеся в освобожденных районах. Первые вооруженные стычки чамов с «красными кхмерами» произошли в середине 1974 года. Выступления были жестоко подавлены. «Красные кхмеры» арестовали сотни чамов, в основном ученых мулл и старейшин чамских деревень. Эти аресты вызвали в декабре 1974 года новое вооруженное восстание чамов против «красных кхмеров», которое те также жестоко подавили.

В сентябре 1974 году руководство «красных кхмеров» приняло решение о роспуске т.н. исламского движения, которое действовало, в основном, на востоке страны и которым руководил престарелый чам-коммунист Сос Ман, вступивший в Коммунистическую партию Индокитая еще в 1950 году. Сос Ман занимал различные руководящие посты в партии.

Затем он ушел во Вьетнам, учился в Москве и Пекине. В Камбоджу вернулся в 1970 году.

Некоторые вооруженные формирования чамов трансформировались в самостоятельные отряды, которые в конце 1974 года называли «белыми кхмерами». Этими отрядами командовали коммунисты-чамы, которые противились коллективизации, проводившейся «красными кхмерами». «Белые кхмеры» сражались со всеми — и с вьетнамскими коммунистами, и с войсками проамериканских режимов Сайгона и Пномпеня, и с «красными кхмерами». При этом они тоже считали себя коммунистами. Отряды «белых кхмеров» были ликвидированы в первые месяцы 1975 года.

Некоторые чамы переходили на сторону Лон Нола, который назначил их на офицерские командные должности в своей армии. Специально для обороны Пномпеня сформировали исламскую бригаду, командование которой, осознав бессмысленность сопротивления, в марте 1975 года решило с боями пробиваться в Таиланд, чтобы оттуда перебраться в Малайзию. Но ни один исламский солдат не дошел до Таиланда. «Красные кхмеры» всех перебили.

После победы «красных кхмеров», весной 1975 года, чамы создали военизированную организацию под командованием полковника лонноловской армии Лес Касема, который организовал вооруженные вылазки против новой власти. Выступления подавили, а чамское население подвергли массовым репрессиям.

30 июля 1975 года «Радио Пномпеня» передало комментарий, в котором утверждалось, что исламские кхмеры свободны в отправлении своих религиозных культов. На самом деле, в июне-июле 1975 года в чамских деревнях «красные кхмеры» начали собирать кораны, разрушать мечети, закрывать мусульманские школы. Протесты чамов против действий новых властей жестоко подавлялись. В августе-ноябре 1975 года были убиты все верховные муфтии чамов и гражданские лидеры чамской общины, а все чамские деревни были рассеяны. Вооруженные выступления чамов продолжались, по меньшей мере, до конца 1975 года.

В последующие годы руководство ДК продолжило стратегию распыления мусульманского населения по всей стране.

Хотя в определенном смысле чамы обладали политико-пропагандистской привлекательностью для «красных кхмеров». Дело в том, что исторически чамы считались врагами Вьетнама. Во времена ДК единственное официальное заявление по поводу чамов — «Раса чамов была уничтожена вьетнамцами» - содержалось в пропагандистской брошюре «Черная книга: факты и доказательства актов агрессии и аннекции Вьетнама против Кампучии», выпущенной на французском языке в Пномпене в 1978 году.

В целом чамское населения плохо поддавалось коммунистическому перевоспитанию, поэтому в 1977 году начались массовые убийства чамов. Так, среди чамов распространялись слухи, что Малайзия и арабские страны дают Кампучии нефть в обмен на вывоз чамов. «Красные кхмеры» собирали чамов на баржи якобы для отправки в арабские страны, запирали в трюмах и топили в Меконге.

«Красные кхмеры» почти полностью ликвидировали сплоченную мусульманскую общину, лидеры которой учились в университетах арабских стран и потенциально могли составить серьезную оппозицию новому режиму. Это была, скорее, политическая акция, чем уничтожение чамов по этническому принципу. Многие чамы добросовестно служили «красным кхмерам» и во времена Демократической Кампучии, и после свержения режима.

Репрессии против чамов получили широкий отклик в Малайзии, правительство которой не могло пойти на сближение с «красными кхмерами» в условиях, когда малайзийские газеты писали о массовом истреблении кхмерских мусульман в Демократической Кампучии.

Лучше у «красных кхмеров» складывались отношения с Сингапуром. Весной 1977 года на встрече с заместителем премьер-министра Сингапура Йенг Сари сообщил, что кампучийцы не верят в индокитайскую федерацию, подтвердив стремление Демократической Кампучии к развитию добрососедских политических и торговых отношений с Сингапуром, который рассматривался как важный рынок сбыта кампучийского риса.

Торгово-экономическое сотрудничество между ДК и Сингапуром не ограничивалось только поставками риса. «Крас-

ные кхмеры» продавали сингапурцам каучук и фрукты. В мае 1977 года делегация Демократической Кампучии обсуждала в Сингапуре перспективы развития двустороннего сотрудничества в сферах морского судоходства и телекоммуникаций. В 1978 году «красные кхмеры» открыли в Сингапуре коммерческий центр, предназначавшийся для установления торговых связей со странами Западной Европы.

С Индонезией у «красных кхмеров» поначалу не заладилось. Камнем преткновения в кампучийско-индонезийских отношениях стал тиморский вопрос.

В середине 1970-х годов распалась последняя колониальная империя — португальская. Колонии Португалии в Африке обрели государственную независимость. Тогда же, в 1975 году, была провозглашена независимость небольшого колониального владения Португалии в Юго-Восточной Азии. Появилась Демократическая Республика Восточного Тимора, которую признали только пять стран: четыре бывшие португальские колонии в Африке, исходившие из принципа постколониальной солидарности, и Демократическая Кампучия.

В Восточном Тиморе был установлен радикальный коммунистический режим, который и по форме, и, по сути, и по методам правления мало чем отличался от государства «красных кхмеров». Между Демократической Кампучией и Демократической Республикой Восточного Тимора складывались очень близкие, доверительные отношения.

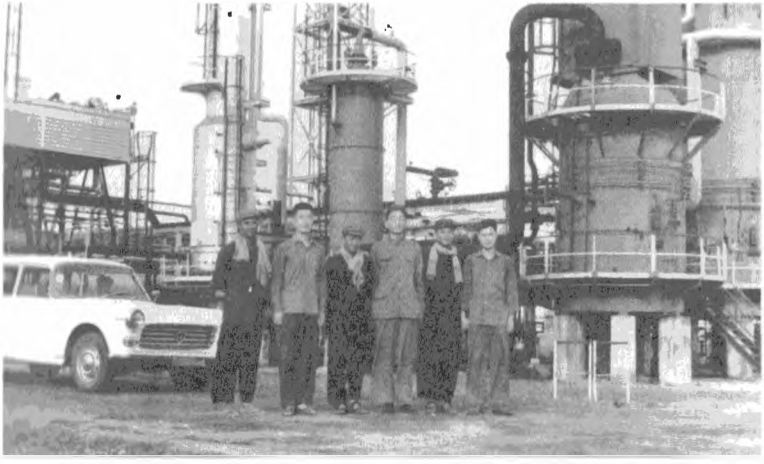
Первой заволновалась Индонезия, правительство которой во второй половине 1960-х годов безжалостно вырезало тысячи своих коммунистов. А тут вдруг под боком возникла новая, на этот раз внешняя, коммунистическая угроза. Запад разделял обеспокоенность Джакарты. С молчаливого одобрения международного сообщества, Индонезия ввела войска в Восточный Тимор и в зародыше задушила коммунистическую республику. Единственным государством, выразившим протест против действий Индонезии, была Демократическая Кампучия.

В своем выступлении на саммите Движения неприсоединения в Коломбо в августе 1976 года Кхиеу Самфан решительно потребовал восстановления независимости Восточного Тимора, чем окончательно испортил отношения Демокра-

Главный идеолог «красных кхмеров» Нуон Чеа *(справа)* выступает перед зарубежной делегацией. Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Кхиеу Поннари – первая жена Пол Пота в молодости.

Председатель Государственного президиума Демократической Кампучии Кхиеу Самфан *(в центре)* прибывает на саммит Движения неприсоединения в Коломбо. За его спиной справа маячит министр иностранных дел Демократической Кампучии Йенг Сари. 1976 год.



«Красные кхмеры» вместе с китайскими советниками на нефтеперерабатывающем заводе в Компонгсаоме. Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Пол Пот *(в светлом костюме)* встречает в аэропорту Пномпеня высокую делегацию из Китая. Позади него маячат Кхиеу Самфан и Нуон Чеа. Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Послы и дипломаты дружественных «красным кхмерам» стран на сельскохозяйственном субботнике. Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Министр иностранных дел Демократической Кампучии Йенг Сари *(сидит в центре правее)* беседует с посланцами левацких (маоистских) партий из Европы. Демократическая Кампучия, 1975-1978 годы.

Исход населения из Пномпеня. Апрель 1975 года.

Боец «красных кхмеров», освободитель Пномпеня.
Апрель 1975 года.

тической Кампучии с Индонезией. Но ближе к концу своего правления «красные кхмеры» все же постарались нормализовать отношения и с Джакартой.

В августе 1978 года индонезийское правительство объявило об установлении дипломатических отношений с Демократической Кампучией. В октябре 1978 года Йенг Сари посетил Индонезию, с руководством которой обсуждал меры по противодействию вьетнамской экспансии в Юго-Восточной Азии. В том же месяце пять человек из МИДа Индонезии и индонезийской разведки БАКИН съездили в Кампучию с целью ознакомления с положением в стране и проведения переговоров об открытии индонезийского посольства в Пномпене. Индонезийцев принял Йенг Сари, пообещавший в сжатые сроки решить этот вопрос. Но вьетнамское наступление началось раньше, чем в Пномпене появился индонезийский дипломатический персонал.

Во второй половине 1970-х годов военный режим Бирмы переживал не самые лучшие времена. Коммунистическое движение превратилось в серьезный фактор дестабилизации внутриполитического положения в стране. Руководство Бирмы решило обуздать коммунистических партизан путем договоренностей с их зарубежными покровителями в Пекине, Пхеньяне и Пномпене.

Президент Бирмы генерал Не Вин стал первым главой государства, посетившим Демократическую Кампучию с официальным дружественным визитом 26-28 ноября 1977 года. Выступая в Пномпене, Не Вин сказал: «Мы счастливы, что кампучийский народ одержал решительную победу в борьбе за независимость. Кампучия обрела независимость совсем недавно. Но даже за этот короткий период стало ясно, что народ Кампучии в духе уверенности в собственных силах добился замечательных достижений в борьбе за национальную реконструкцию страны».

Визит Не Вина удался. «Красные кхмеры» обещали свернуть поддержку Коммунистической партии Бирмы. Со своей стороны, в ноябре 1978 года правительство Бирмы разрешило Китаю использовать аэропорт Рангуна для переброски «красным кхмерам» вооружения, необходимого для отражения вьетнамского наступления.

Наиболее интенсивно развивались отношения Демократической Кампучии с Таиландом.

Исторический антагонизм между двумя странами не мог не повлиять на отношение «красных кхмеров» к западному соседу. Ведь именно под ударами тайцев рухнула Ангкорская империя. Видимо, поэтому в документах МИД ДК однозначно указывалось: «Таиланд — стратегический и антагонистический враг».

Поначалу «красные кхмеры» заняли жесткую позицию в отношении Таиланда. Например, они расстреляли несколько десятков тайских рыбаков, захваченных в территориальных водах Кампучии, обвинив их в шпионаже.

В первые месяцы после прихода «красных кхмеров» к власти тысячи тайцев, постоянных жителей западных провинций Камбоджи, бежали в Таиланд. Эти люди проживали в районах, которые в течение нескольких предыдущих лет контролировали отряды «красных кхмеров», командирами которых были местные тайцы.

В мае 1975 года по приказу центрального руководства «красных кхмеров» предпринимались попытки вооруженным путем ликвидировать т.н. автономный район в провинции Кохконг, но неудачно. Невероятно, но все годы правления Пол Пота в провинции Кохконг, вдоль границы с Таиландом, существовало пять коммунистических партизанских баз, неподконтрольных Пномненю. Руководил этими базами коммунист со стажем, таец по национальности Сай Бутхонг, который в 1978 году наладил прямой контакт с вьетнамцами, готовившими военное вторжение в Кампучию. Впоследствии Сай Бутхонг занимал видное положение в руководстве провьетнамского режима, установленного в Кампучии в 1979 году.

На местном уровне кампучийско-тайские отношения складывались нормально.

«Красные кхмеры» заняли город Пойпет, расположенный на границе с Таиландом, 19 апреля 1975 года. Через пять дней они вывели гражданское население из города под предлогом гипотетической атаки на Пойпет тайских войск. Но уже на следующий день местные функционеры «красных кхмеров» направили делегацию для переговоров с официальны-

ми тайскими представителями об условиях приграничной торговли.

Местные «красные кхмеры» вели себя с тайцами довольно либерально. Возможно, это объяснялось удаленностью от Пномпеня. А возможно и некоторыми политическими расхождениями между местными и центральными руководителями «красных кхмеров». Местные кампучийские функционеры даже приглашали тайских официальных лиц на празднование освобождения Пойпета, которое проходило 7—9 мая 1975 года.

Приграничная торговля шла полным ходом. Из Таиланда в Кампучию везли, в основном, бензин, рис, медикаменты, соль и одежду. «Красные кхмеры» расплачивались щедро, американскими долларами, иногда изделиями из золота.

В сентябре 1975 года Эррол да Силва, ставший впоследствии известным киносценаристом, был первым зарубежным журналистом, посетившим Кампучию после прихода к власти «красных кхмеров». В то время он писал статьи для различных изданий в странах Азии. Эррол да Силва приехал сначала в Пойпет, а затем в Баттамбанг, где взял интервью у одного из местных руководителей «красных кхмеров» по имени Пувонг, который благожелательно отзывался о СССР, отдавая ему предпочтение перед Китаем, довольно критично говорил о центральном руководстве в Пномпене, по политическим вопросам высказывался спокойно, не проявлял никакой враждебности к Вьетнаму. Репортажи Эррола да Силва о поездке в Пойпет и Баттамбанг были опубликованы в тайских газетах «Бангкок Пост» и «Нейшн».

До конца 1975 года как простые кхмеры и тайцы, так и официальные представители местных властей двух стран довольно свободно пересекали кхмерско-таиландскую границу. Тайские пограничники и «красные кхмеры» не препятствовали приграничной торговле. Более того, таиландские бизнесмены из города Араньяпратета предоставили местным руководителям «красных кхмеров» в Пойпете кредит в размере 20 миллионов батов.

Неплохо складывались отношения и на межправительственном уровне. В ходе официального визита в Бангкок мини-

стра иностранных дел ДК Йенг Сари, в октябре 1975 года было подписано совместное коммюнике, в котором выражалось намерение обменяться послами и создать смешанные группы связи на границе. Кроме того, стороны декларировали уважение существующих границ и брали на себя обязательства не предоставлять кому бы то ни было территорий своих стран для проведения враждебных акций друг против друга.

На этих же переговорах обсуждалось и развитие двусторонней торговли. «Красные кхмеры» намеревались закупать в Таиланде сахар, рафинированное масло и очень много соли. Таиланд должен был стать главным поставщиком соли для кампучийских рыбоперерабатывающих предприятий. Со своей стороны, «красные кхмеры» намеревались поставлять в Таиланд древесину и копченую рыбу.

Созданный в ноябре 1975 года комитет связи по пограничным вопросам занялся демаркацией таиландско-кампучийской границы. Правда, в конце года работы по демаркации границы были приостановлены.

В качестве жеста доброй воли Бангкок предпринял ряд мер, которые понравились «красным кхмерам». В ноябре 1975 года премьер-министр Таиланда Кукрит официально осудил деятельность на тайской территории организации Кхмер Серей («свободные кхмеры»), созданной бывшими лонноловцами. Деятельность Кхмер Серей существенно осложняла отношения между двумя странами. Наиболее серьезный инцидент произошел в декабре 1975 года, когда подразделения «красных кхмеров», преследуя вооруженные отряды бывших лонноловцев, углубились на тайскую территорию, где военной полицией Таиланда пришлось вступить в бой с нарушителями границы.

В том же месяце, в соответствии с предписанием тайских властей, один из бывших премьер-министров лонноловского правительства Ин Там и другие руководители Кхмер Серей уехали из Таиланда в Западную Европу. Тогда же тайские военные разоружили отряды и других военизированных кхмерских организаций, пытавшихся начать вооруженную борьбу против «красных кхмеров» с таиландской территории.

Кроме того, премьер-министр Таиланда завил о намерении вернуть в Кампучию кхмерских беженцев. С начала

1976 года тайские пограничники задерживали беглецов из Кампучии и возвращали их обратно.

Дополнительный импульс кампучийско-таиландской торговле придали торговые соглашения между Таиландом и ДК, подписанные в июне и августе 1976 года. Товары из Таиланда пошли напрямую в Пномпень железнодорожными составами и на большегрузных автомобилях. Из Таиланда в ДК поступали сахар, мука, картофель, морковь, соевые бобы, салат-латук, редис, арахис, семена капусты и салата, соль, одежда, плащи, ножи, оси, серпы, древесный уголь, пенициллин, хинин, витамины, нефтепродукты, серная кислота, механическое оборудование, запчасти, краски, ткани, нейлоновые мешки и другие товары. «Красные кхмеры» экспортировали в Таиланд рис и каучук.

В августе 1976 года правительство Таиланда вплотную занялось подготовкой к открытию тайского посольства в Пномпене. Отношения между Таиландом и Демократической Кампучией улучшились настолько, что в сентябре 1976 года министр иностранных дел Таиланда Пхичай Раттакул обсуждал с руководством ДК вопрос о выдаче «красным кхмерам» высокопоставленных лонноловских чиновников, укрывавшихся в Таиланде.

Но в октябре 1976 года в Таиланде произошел правый государственный переворот. Новое тайское руководство провело кардинальную ревизию внешней политики страны, в результате которой резко ухудшились отношения с Демократической Кампучией.

Тайцы стали оказывать жесткое военное давление на «красных кхмеров» вдоль таиландско-кампучийской границы. Власти вооружали тайских крестьян, проживавших в приграничных районах, усилили пограничные военные патрули и т.п. Самолеты таиландских ВВС бомбили лагеря Компартии Таиланда, созданные на территории Кампучии. Рост напряженности привел к увеличению количества пограничных инцидентов, которые временами переходили в масштабные вооруженные столкновения между «красными кхмерами» и подразделениями таиландской армии. За 1977 год произошло более четырехсот вооруженных столкновений между Таи-

ландом и ДК, в которых иногда принимало участие до шестисот-восьмисот солдат с обеих сторон.

В феврале 1977 года правое правительство Таиланда наложило строжайший запрет на любые торговые связи с Демократической Кампучией. Фактически Бангкок ввел экономическое эмбарго против «красных кхмеров».

Политический диалог между Таиландом и Кампучией возобновился через год, с октября 1977 года, после очередной смены власти в Бангкоке. Новый премьер-министр Таиланда Крианг сак вернулся к прежнему внешнеполитическому курсу, ориентированному на добрососедские отношения с Кампучией.

12 октября 1977 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке состоялась встреча между Йенг Сари и новым министром иностранных дел Таиланда Уппадит Патрингкуном, которые договорились о прекращении конфронтации и налаживании сотрудничества во имя мира в Индокитае.

В январе 1978 года Уппадит посетил Пномпень, где обсуждал с руководством «красных кхмеров» перспективы развития политических и торговых отношений между двумя странами, вопросы об обмене послами, открытии рыбного рынка на одном из прибрежных островов и контрольно-пропускного пункта на границе. Уппадит передал Пол Поту личное послание тайского премьера Крианг сака с уверениями в стремлении Таиланда к дружественным отношениям с Демократической Кампучией. Недавние столкновения на тайско-кампучийской границе списали на некую третью силу.

В 1978 году отношения между Кампучией и Таиландом заметно улучшились. В июле 1978 года Йенг Сари посетил Бангкок с очередным дружественным визитом, в ходе которого был удостоен аудиенции у короля и крон-принцессы Таиланда. По завершении визита было провозглашено наступление эры дружбы между двумя странами. Подписанные соглашения предусматривали открытие посольств, дальнейшее развитие торговли, совместную эксплуатацию ресурсов в 200-мильной экономической зоне в Сиамском заливе, налаживание сотрудничества в научно-технической сфере, введение прямой кабельной телеграфной связи между Пномпенем и

Бангкоком, открытие пассажирских авиалиний между Бангкоком и Пномпенем, а также между Бангкоком и Сиемреапом.

В ноябре 1978 года «красные кхмеры» разрешили одному из таиландских туристических агентств организовывать поездки иностранных туристов в Ангкор. Апофеозом добрососедских отношений между Таиландом и «красными кхмерами» стало участие спортивной делегации Демократической Кампучии в восьмых Азиатских олимпийских играх, проходивших с 6 по 13 декабря 1978 года в Бангкоке.

Однако нагнетание напряженности в кампучийско-вьетнамских отношениях не оставляло времени для развертывания сотрудничества между Таиландом и Демократической Кампучией. «Красным кхмерам» и тайцам впору было договариваться о совместном противодействии приближавшемуся вьетнамскому наступлению. Поэтому правительство Таиланда и разрешило Китаю использовать аэропорт Бангкока для снабжения «красных кхмеров» оружием и боеприпасами.

Накануне вьетнамского наступления в декабре 1978 года Пол Пот рассчитывал втянуть страны АСЕАН в войну с Вьетнамом на стороне Демократической Кампучии: «Превратившись в сателлита Вьетнама, Кампучия будет представлять угрозу для Юго-Восточной Азии и всего мира. <...> Вьетнам — сателлит Советского Союза — выполняет советскую стратегию в Юго-Восточной Азии. <...> Вьетнам и Советский Союз совершают преступные действия против Кампучии, Юго-Восточной Азии и всего мира». «Красные кхмеры» убеждали руководителей государств Юго-Восточной Азии, что вьетнамская армия не остановится в Кампучии, а прямым маршем двинется в Таиланд, Малайзию и Сингапур.

Однако страны АСЕАН не видели никакой разумной причины вмешиваться во вьетнамо-кампучийский конфликт, поэтому заняли выжидательную позицию.

НЕПРИСОЕДИНИМЫЕ

Движение неприсоединения (ДН) возникло в 1950-е годы как реакция стран Азии, Африки и Латинской Америки на раздел мира на два военно-политических блока: капиталистический Запад и социалистический Восток. По замыслу его инициаторов, ДН должно было стать третьим центром силы в системе международных отношений.

Во время второй индокитайской войны конференция на высшем уровне Движения неприсоединения, проходившая в 1973 году в Алжире, поддержала борьбу кампучийского народа против проамериканского режима Лон Нола. После этого «красные кхмеры» стали последовательными поклонниками ДН.

В конституции Демократической Кампучии указывалось: «Демократическая Кампучия решительно относит себя к великой семье неприсоединившихся стран. Демократическая Кампучия прилагает все усилия в целях развития солидарности с народами третьего мира в Азии, Африке и Латинской Америке и со всеми народами, стремящимися к миру и справедливости во всем мире, в целях активной взаимной помощи и поддержки в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма, за подлинные независимость, мир, дружбу, демократию, справедливость и прогресс во всем мире».

В документах министерства иностранных дел Демократической Кампучии развитие отношений с неприсоединившимися странами относилось к приоритетному направлению внешнеполитической деятельности «красных кхмеров», которые рассматривали третий мир как поле ожесточенной битвы между империалистами во главе с США и социал-империалистами во главе с СССР. «Красные кхмеры» намеревались увлечь Движение неприсоединения собственной стратегией борьбы за национальную независимость, надеясь, что

кампучийская революция станет для третьего мира образцом для подражания.

До конца августа 1975 года дипломаты «красных кхмеров» действовали на международной арене под эгидой Королевского правительства национального единства Камбоджи (КПНЕК). Летом 1975 года министр иностранных дел КПНЕК Сарин Чак посетил ряд стран Азии и Африки, где выразил благодарность за поддержку борьбы кампучийского народа против США. Это был удачный тактический ход. КПНЕК ассоциировалось с личностью Сианука, который в 1960-е годы являлся одним из наиболее активных и авторитетных деятелей Движения неприсоединения. Таким образом, под прикрытием КПНЕК «красные кхмеры» как бы становились преемниками сианукoвской Камбоджи, которая традиционно занимала почетное место в ДН.

На конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран, проходившей 25-29 августа 1975 года в столице Перу Лиме, полномочного представителя «красных кхмеров» Йенг Сари приняли с восторгом. Выступая на пленарном заседании лимской конференции, Йенг Сари оповестил мир о задачах кампучийской революции: «Наша цель — создание современной экономики путем превращения традиционных секторов экономики в современные сельское хозяйство и промышленность».

Успех Йенг Сари на лимской конференции был подкреплен плодотворной деятельностью его ближайшего помощника Тхиун Прасита, участвовавшего в специализированных конференциях ДН, проходивших в начале 1976 года в Малайзии и Алжире. Заявления «красных кхмеров» о непреклонной приверженности идеям независимости и самостоятельности нашли доброжелательный отклик среди многих неприсоединившихся стран, которых явно заинтриговали власти новой Кампучии.

В феврале 1976 года Кампучию посетили главы дипломатических миссий Замбии, Туниса, Афганистана, Египта и Организации Освобождения Палестины, аккредитованные в Пекине. Интересы Движения неприсоединения в Демократической Кампучии представлял Египет, открывший свое по-

сольство в Пномпене. Кроме того, работавшие во Вьетнаме мексиканские дипломаты поддерживали близкие отношения с персоналом кампучийского посольства в Ханое.

Большим успехом «красных кхмеров» стало участие делегации Демократической Кампучии в конференции на высшем уровне Движения неприсоединения в Коломбо, столице Шри Ланка, в августе 1976 года.

Вы,ступая на конференции, председатель Государственного президиума ДК Кхиеу Самфан обрушился с критикой на развитые страны: «Наше движение объединяет очень бедные и слабые страны. Но мы хотим быть хозяевами своей судьбы. Мы не хотим, чтобы кто-либо вмешивался в наши внутренние дела, совершал агрессию против нас, попирал наш суверенитет и нарушал нашу территориальную целостность. Поэтому мы должны проявить солидарность и собрать воедино все силы для защиты независимости, суверенитета и территориальной целостности наших стран. Это священное право неприсоединившихся стран. <...> Действительно, наша великая семья неприсоединившихся стран ощущает нехватку денег и оружия для того, чтобы помогать борьбе братских народов третьего мира против несправедливости и агрессии. <...> Но солидарность нашей великой семьи сильно укрепляет дух народов всех стран, которые борются за независимость и суверенитет, и становится материальной силой, вдребезги разбивающей силы агрессии и вмешательства, нанося им последовательные поражения. ... Хотя империалистам, колониалистам и реакционерам из богатых стран и удалось создать мировой порядок по их желанию, но они должны считаться с нашей великой неприсоединившейся семьей. Малые бедные страны, благодаря силе нашей солидарности, завоевали равноправные позиции на международной арене. ... Наше движение руководит благородной борьбой бедных стран против гегемонизма и агрессии со стороны богатых супердержав. ... Великая семья неприсоединившихся стран — это наша великая семья. У нас нет иного места. Мы [«красные кхмеры»] всей душой любим эту семью».

Провозглашенный Кхиеу Самфаном лозунг - «Истинное неприсоединение!» - нашел восторженный прием среди уча-

стников конференции. Тем более что слова «красных кхмеров» не расходились с их делами. На саммите в Коломбо Кхиеу Самфан вычеркнул Демократическую Кампучию из списка стран, нуждавшихся в зарубежной экономической помощи. А год спустя, когда в 1977 году Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК) выделила Кампучии безвозмездную финансовую помощь в размере 3,3 миллиона долларов, то «красные кхмеры» отказались и от этих денег.

На торжественной церемонии закрытия конференции в Коломбо демонстрировался документальный фильм, показавший идиллические картинки сельской жизни в Демократической Кампучии. После завершения саммита Кхиеу Самфана в аэропорту Коломбо провожал президент Шри Ланки Джуниус Джаявардене. Только глава делегации «красных кхмеров» удостоился подобной чести. Другие делегации провожал ланкийский премьер-министр.

В сентябре 1976 года Йенг Сари вылетел в Мексику на конференцию министров иностранных дел неприсоединившихся стран. В Мехико Йенг Сари участвовал в торжественном открытии Центра экономических и социальных исследований стран третьего мира, научные сотрудники которого обосновывали необходимость установления нового международного экономического порядка с целью прекращения эксплуатации бедных стран Азии, Африки и Латинской Америки богатыми государствами Европы и Северной Америки. Из Мехико Йенг Сари отправился в Нью-Йорк, где в своем выступлении на Генеральной ассамблее ООН призвал бедные страны покончить с правлением богатого меньшинства в этой международной организации.

«Красные кхмеры» налаживали связи со многими азиатскими странами.

Еще в апреле 1974 года Кхиеу Самфан, в качестве вице-председателя НЕФК, совершил дипломатический тур по арабским странам Северной Африки и Ближнего Востока, которые поддержали борьбу «красных кхмеров» против Лон Нола. Руководители ДК рассматривали арабский регион как один из важнейших фронтов борьбы неприсоединившихся стран с богатыми державами. Выступая на саммите ДН в Колом-

бо, Кхиеу Самфан сказал: «Мужественные арабские народы упорно ведут бескомпромиссную борьбу против сионизма Израиля и других видов агрессии. ... Мы [«красные кхмеры»] решительно поддерживаем борьбу арабских стран за возвращение своих территорий, которые израильский сионизм удерживает с 1967 года. Мы верим, что священная и справедливая борьба арабских народов завершится полной и окончательной победой».

В феврале 1976 года группа послов из арабских стран, аккредитованных в Пекине, посетила Пномпень, где вручила Кхиеу Самфану верительные грамоты. Обращает на себя внимание приезд в Демократическую Кампучию в январе 1978 года посла Ирака во Вьетнаме, который встречался с Кхиеу Самфаном и Йенг Сари, а после завершения визита благосклонно отзывался о политике «красных кхмеров».

«Красные кхмеры» старались наладить отношения и с государствами Южной Азии, в первую очередь, с самым крупным и влиятельным среди них — Индией. Кхиеу Самфан закладывал предпосылки для кампучийско-индийского сближения на саммите ДН в Коломбо, подчеркнув в своем выступлении: «Мы [«красные кхмеры»] хотим, чтобы регион Индийского океана стал мирным регионом, чтобы там не было военных баз и любой военной активности, которые создают напряженное положение». Однако Дели сдержанно относился к Демократической Кампучии, предпочитая развивать партнерские отношения с СССР и Вьетнамом.

Большего успеха «красные кхмеры» добились во взаимоотношениях с Пакистаном, который Йенг Сари посетил в 1977 году. В пакистанской прессе печатались статьи, позитивно описывавшие внутриполитические преобразования «красных кхмеров». После поездки по Кампучии посол Исламской Республики Пакистан в Демократической Кампучии направил Йенг Сари послание, в котором отмечал «огромный прогресс, достигнутый Демократической Кампучией в сельскохозяйственной сфере». Неожиданный интерес к «красным кхмерам» проявило и Королевство Непал, посол которого после посещения ДК заявил: «У меня сложилось глубокое убеждение, что у Кампучии светлое и процветающее будущее». Рези-

денции обоих послов — Пакистана и Непала — находились в Пекине.

«Красные кхмеры» проявляли заметный интерес к Африке. На конференции Движения неприсоединения в Коломбо делегация Демократической Кампучии, в соответствии с решением постоянного бюро ЦК ПКК, намеревалась установить тесные контакты с делегациями Сенегала, Танзании, Мадагаскара, Мали, Мавритании, Того, Габона, Верхней Вольты, Центрально-Африканской Республики, Нигера, Гвинеи-Бисау, Мозамбика, Островов Зеленого мыса, Сан-Томе и Принсипи, Коморских островов, Анголы и Сейшельских островов. Послы некоторых из вышеперечисленных государств, аккредитованные в Пекине, посещали Кампучию, позитивно оценивая политику «красных кхмеров». Именно эти страны руководство ДК считало наиболее удобными партнерами для развертывания революционной борьбы с империализмом и неоколониализмом на африканском континенте.

Конкретно эта борьба должна была проявиться в войне «черной Африки с белыми расистами, окопавшимися на юге континента». «Радио Пномпеня» регулярно передавало комментарии в поддержку борьбы «черного населения против белых правительств Африки». Развивая эту тему на саммите ДН в Коломбо, Кхиеу Самфан сказал: «Мы [«красные кхмеры»] поддерживаем борьбу народа Зимбабве против белого расизма Яна Смита. Мы поддерживаем борьбу народа Намибии под руководством СВАПО за независимость, единство и территориальную целостность Намибии против интервенции расистов Южной Африки. ... Мы верим, что народы Зимбабве и Намибии добьются полной и решительной победы. ... Мы поддерживаем все дружественные страны в регионе Южной Африки, которые прилагают материальные и моральные силы для поддержки борьбы народов Зимбабве и Намибии. Мы поддерживаем решение Организации африканского единства наращивать борьбу за скорейшее освобождение Южной Африки».

«Красные кхмеры» рассматривали Африку не только как перспективный континент для революционной борьбы, но и как важный рынок сбыта риса. Поставки в Африку кампучий-

ского риса, подлежавшего оплате в свободно конвертируемой валюте, начались в 1977 году. «Красные кхмеры» успели продать только первую партию, отправленную на Мадагаскар.

К октябрю 1977 года Демократическая Кампучия установила дипломатические отношения со всеми странами, входившими в ДН.

В 1978 году Движение неприсоединения косвенно было втянуто в конфликт между двумя своими членами — Вьетнамом и Кампучией. Выступая на пресс-конференции в Ханое в феврале 1978 года, министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхать, коснувшись вопроса содействия других стран в урегулировании вьетнамо-кампучийского конфликта, заявил: «Вьетнам готов рассмотреть все формы международного посредничества, в том числе в рамках Движения неприсоединения».

В ответ летом 1978 года на конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран Йенг Сари предложил «исключить Вьетнам из Движения неприсоединения, поскольку Вьетнам определенно стал присоединившейся страной». Йенг Сари аргументировал свое предложение тем, что Вьетнам, вступив 29 июня 1978 года в Совет экономической взаимопомощи, фактически становился членом советского блока. Аналогичную попытку «красные кхмеры» повторили 2 декабря 1978 года, когда МИД Демократической Кампучии разослал письма министрам иностранных дел неприсоединившихся стран с разоблачением Вьетнама, поправшего принципы неприсоединения. Теперь у «красных кхмеров» появился дополнительный аргумент в пользу исключения Вьетнама из Движения неприсоединения — подписание 3 ноября 1978 года договора о дружбе и сотрудничестве с СССР.

После ликвидации вьетнамцами Демократической Кампучии Движение неприсоединения стало местом борьбы «красных кхмеров» с новым режимом, установленным вьетнамцами в Кампучии.

На заседании координационного бюро ДН в Коломбо, в июне 1979 года, большинство делегаций отклонило предложение Вьетнама допустить на заседание министра иностранных дел провьетнамской Народной Республики Кампучии

Хун Сена. Кампучийское место в зале заседаний занял Йенг Сари, которому, правда, не разрешалось выступать.

На саммите Движения неприсоединения, проходившем в сентябре 1979 года в Гаване, место Кампучии в ДН объявили вакантным. Здесь уж постарался друг Вьетнама кубинский президент Фидель Кастро, который лично встречал в гаванском аэропорту главу провьетнамского режима Кампучии Хенг Самрина, разместив его на своей представительской вилле. А в это время лидер «красных кхмеров» Кхиеу Самфан проходил обычные пограничные и таможенные формальности и добирался из аэропорта в город на рейсовом автобусе. Кроме того, ему выделили место в гостинице, расположенной в нескольких десятках километров от места проведения заседаний конференции.

ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Особую симпатию «красные кхмеры» испытывали к группе стран — Северная Корея, Албания, Румыния, Югославия, Куба, — строивших свои специфические социализмы. Демократическая Кампучия логически вписывалась в это неформальное сообщество подлинно социалистических государств.

В середине 1960-х годов Пол Пот несколько раз заезжал в Пхеньян, столицу Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Это были, своего рода, экскурсии в одну из ортодоксально-коммунистических стран, которая стала для «красных кхмеров» образцом для подражания.

После государственного переворота 18 марта 1970 года правительство КНДР больше заботила судьба свергнутого Сианука, а не политическое будущее «красных кхмеров». Северокорейского диктатора Ким Ир Сена и кхмерского монарха Сианука связывала трогательная дружба, зародившаяся в 1965 году на праздновании десятой годовщины Движения неприсоединения.

В 1974 году Ким Ир Сен построил в Пхеньяне специально для Сианука дворец на сорок помещений и предоставил сто человек обслуживающего персонала из корейцев. Все расходы по пребыванию семьи Сианука в Северной Корее, а также большую часть расходов, связанных с зарубежными поездками Сианука, покрывало правительство КНДР.

В начале 1975 года Ким Ир Сен лично вел переговоры с «красными кхмерами» о возвращении Сианука в Камбоджу в качестве реального, а не номинального главы государства. Озабоченность Пхеньяна политическим будущим Сианука не нравилась «красным кхмерам».

Зато им нравилась северокорейская модель государственного устройства, которая характеризовалась жестким контролем над населением и внешнеполитической независи-

мостью. Портреты Ким Ир Сена висели во многих госучреждениях Демократической Кампучии и в общественных столовых сельскохозяйственных коммун.

«Красных кхмеров» привлекала приверженность северокорейских руководителей идее самостоятельности и самообеспечения страны. В совместном коммюнике, выпущенном по итогам официального визита Пол Пота в КНДР в октябре 1977 года, подчеркивалось: «Победы можно достичь только тогда, когда коммунистические и рабочие партии в теории и в политике руководствуются специфическими реалиями их собственных стран и совершают независимые революции».

В то же время, между Пномпенем и Пхеньяном наблюдались некоторые политико-идеологические расхождения. В четырехлетнем плане ЦК ПКК построения социализма в Кампучии указывалось, что Северная Корея еще полностью не освободилась от капиталистических явлений, под которыми подразумевалась, например, приватность семейной жизни. Северокорейцам также вменялись в недостаток медленные темпы социалистического строительства: «Возьмем пример Кореи, освобожденной в 1945 году. Только в 1958 году они начали создавать кооперативы. ... После освобождения им потребовалось длительное время для достижения социализма».

«Красные кхмеры» также критиковали международную пассивность руководителей КНДР. В этом отношении весьма показательно высказывание Кхиеу Самфана о руководящей прослойке Северной Кореи: «Эти люди сковали себя довольством своей новой жизни, так называемой коммунистической. И поэтому они более не осмеливаются начать новую войну за освобождение юга своей корейской родины».

В некотором смысле «красные кхмеры» подстрекали северокорейцев к более решительным действиям. Выступая на саммите Движения неприсоединения в Коломбо, председатель Государственного президиума Демократической Кампучии Кхиеу Самфан сказал: «Американский империализм продолжает попытки еще большего закабаления южной части Кореи, укрепляет свои военные базы и вынашивает агрессивные замыслы против Корейской Народно-Демократической Республики. Американцы увеличивают численность своей агрес-

сивной армии в Южной Корее и завозят туда много современного вооружения. Американский империализм должен вывести все свои войска и ликвидировать все свои военные базы в Южной Корее. ... Американский империализм должен дать возможность корейскому народу объединить свою родину».

Руководители КНДР не скрывали своего восхищения революционным радикализмом «красных кхмеров». В 1977 году Ким Ир Сен направил Кхиеу Самфану персональное послание с поздравлениями по поводу революционных достижений Демократической Кампучии, в котором указывалось, что «корейская революция развивается со скоростью мчащейся лошади, а кампучийская — быстрее, чем ветер». В то же время ни высшее руководство Северной Кореи, ни северокорейские советники, работавшие в ДК, подчеркнуто демонстративно не вмешивались во внутренние дела «красных кхмеров».

В мае 1975 года Пол Пот посетил Пхеньян, получив там обещание безвозмездной экономической помощи.

В 1975-76 годах КНДР безвозмездно отправила в Кампучию одежду, медикаменты, тракторы и другую сельскохозяйственную технику, а также гидроэлектрогенераторы, насосы и прочее оборудование, необходимое для проведения ирригационных работ. В Кампучию командировались многочисленные северокорейские советники, специалисты и техники, которые построили рыбообрабатывающий завод в Компонгсаоме, восстановили электростанцию, тракторосборочный завод и некоторые другие промышленные объекты. Северокорейские специалисты обучали кампучийских пилотов и диспетчеров пномпеньского аэропорта.

24 ноября 1977 года Демократическая Кампучия и КНДР подписали торговый договор, предусматривавший взаиморасчеты в фунтах стерлингов и эквивалентный товарообмен по пять миллионов фунтов стерлингов с каждой стороны. «Красные кхмеры» экспортировали в КНДР креп, каучук, белый сезам и сою, а импортировали из Северной Кореи продукцию сталелитейной, машиностроительной, химической и текстильной промышленности, минеральные ископаемые, токарные станки, сверла и всевозможные инструменты.

Демократическая Кампучия и КНДР регулярно обменивались правительственными, торгово-экономическими и общественными делегациями.

В Кампучию приезжали артистические коллективы из Северной Кореи. Например, в ноябре 1976 года ансамбль песни и пляски корейской народной армии. Выступая по этому поводу по «Радио Пномпеня», министр информации ДК Ху Ним сказал: «Кампучийцы были сильно впечатлены идеологической и артистической ценностью песен и прогрессивным новым искусством Корейской Народно-Демократической Республики».

В 1977 году северокорейские кинематографисты сняли самый красочный и известный документальный фильм о революции «красных кхмеров» и их достижениях в коммунистическом строительстве.

Апофеозом дружественных отношений между «красными кхмерами» и Северной Кореей стал помпезный визит правительственной делегации Демократической Кампучии в КНДР в октябре 1977 года. В ходе визита Ким Ир Сен лично вручил Пол Поту золотую звезду «Героя КНДР».

В 1978 году, в связи с нагнетанием напряженности между Кампучией и Вьетнамом, «красные кхмеры» попробовали заручиться более существенной поддержкой северокорейцев. В июле 1978 года заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Хенг Рен посетил Пномпень, где выразил «красным кхмерам» полную поддержку. Этим, собственно говоря, все и ограничилось. Северокорейцы не хотели влезать в международный конфликт с непредсказуемыми последствиями.

«Красные кхмеры» испытывали к Албании не меньшую симпатию, чем к Северной Корее.

В начале 1970-х годов руководство «красных кхмеров» среди своих друзей на первое место ставило Албанию, за которой следовал Китай. Вероятнее всего, во время войны с режимом Лон Нола именно Тирана оказывала наибольшее политическое влияние в целом на движение «красных кхмеров».

Однако после победы в апреле 1975 года у «красных кхмеров» с самого начала что-то не заладилось с албанскими товарищами. Председатель правительства Албании Мехмед

Шеху публично раскритиковал «красных кхмеров» за восстановление дипломатических отношений с Таиландом — сообщником американского империализма, напомнив, что Бангкок предоставлял ВВС США аэродромы, с которых американские самолеты бомбили Камбоджу. Таким образом, по мнению албанского руководства, Таиланд нес ответственность за преступления против кампучийского народа, а «красные кхмеры» почему-то об этом забыли.

Здесь, вероятно, проявилось стремление Тираны поучать кампучийских революционеров. Это не понравилось «красным кхмерам», которые сами были готовы кого угодно научить, как делать революцию.

Тем не менее, в официальных документах МИД Демократической Кампучии Албания относилась к числу самых близких и лояльных друзей. Такой же чести удостоились еще только Китай и Северная Корея.

Пол Пот высоко ценил исторический опыт Албании, которая, «несмотря на сложные проблемы с Востоком и Западом, все же сохранила свою независимость, хотя географически находилась в советской ватаге». Пол Пот восхищался стойкостью албанцев, с которыми «СССР ничего не может сделать».

В 1975 году Албания одной из первых открыла посольство в Пномпене. Правда, в начале 1976 года албанское правительство отозвало посла из Демократической Кампучии, вместо которого остался Временный поверенный в делах Албании в ДК. Понизив уровень дипломатического представительства, албанское руководство продемонстрировало свое недовольство нежеланием «красных кхмеров» прислушиваться к советам более опытных албанских товарищей.

Кампучийско-албанские отношения развивались вяло. По сути, все ограничилось приездами в Албанию торгово-экономических делегаций Демократической Кампучии. «Красные кхмеры» экспортировали в Албанию каучук, кокосовые орехи и ценные породы тропической древесины, а импортировали — тракторы и художественные фильмы албанского производства. При содействии албанских специалистов в пригороде Пномпеня был построен завод по ремонту сельскохозяйственной техники.

К началу 1978 года албанско-кампучийские отношения охладели настолько, что Тирана вообще закрыла посольство Албании в Пномпене, фактически прервав дипотношения с Демократической Кампучией. В январе 1978 года Тирана обвинила Китай в великодержавном шовинизме, разжигании войны и «провоцировании кровавого конфликта между двумя братскими соседними странами — Кампучией и Вьетнамом».

Президент Албании Энвер Ходжа впал в бешенство, узнав о начале вооруженного конфликта между «красными кхмерами» и вьетнамцами. Он не понимал, почему недавние союзники в борьбе против американского империализма вдруг превратились в заклятых врагов. Руководство Албании запуталось в сложных взаимоотношениях между Вьетнамом и «красными кхмерами».

После свержения режима «красных кхмеров» Албания признала провьетнамское правительство Народной Республики Кампучии.

Большего взаимопонимания Демократическая Кампучия достигла с другой европейской страной ортодоксального социализма — Румынией, которую «красные кхмеры» причисляли к нормальным друзьям.

Выступая на заседании постоянного бюро ЦК ПКК 14 мая 1976 года, Пол Пот провел параллели между Демократической Кампучией и Румынией с той лишь разницей, что Пномпень противостоял Вьетнаму, а Бухарест — СССР. В октябре 1976 года в Пномпене появилось румынское посольство.

Торгово-экономические связи между двумя странами не успели перерасти в полномасштабное сотрудничество. Румыны почти ничего не покупали в Кампучии, а продавали «красным кхмерам» рыбные консервы. Румыны планировали построить в Кампучии рыбоконсервный завод по переработке рыбы, выловленной румынскими рыболовецкими судами у кампучийского побережья.

В конце 1978 года Кампучию посетила делегация Управления гражданской авиации Румынии. Обсуждалась возможность открытия пассажирской авиалинии Пномпень — Бу-

харест, которую обслуживали бы самолеты румынской авиакомпании «Таром».

Политические отношения между «красными кхмерами» и Румынией активизировались после того, как 30 сентября 1977 года Пол Пот официально объявил о существовании Коммунистической партии Кампучии. Президент Румынии и председатель Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску моментально поздравил Пол Пота с этим событием. Бухарест явно заинтересовался кампучийской компартией. Вероятно, румыны намеревались развивать с «красными кхмерами» именно межпартийное сотрудничество.

Фундамент предполагавшегося взаимодействия был заложен 28-30 мая 1978 года в ходе официального дружественного визита в Кампучию Николае Чаушеску, по итогам которого между Демократической Кампучией и Румынией был подписан договор о дружбе и сотрудничестве.

После свержения режима «красных кхмеров» Румыния не признала новое провьетнамское правительство Кампучии. Чаушеску пытался выступать в роли посредника в налаживании отношений между вьетнамцами и «красными кхмерами» вплоть до конца 1980-х годов.

Как и Румынию, «красные кхмеры» причисляли к нормальным друзьям Югославию.

Пол Пот советовал руководящим кадрам ДК брать пример с Югославии, которая, «несмотря на географическую близость к России и славянский состав ее населения, успешно противостоит давлению СССР». «Красных кхмеров» привлекала не только внешнеполитическая независимость югославских коммунистов. Югославия с ее неразвитой промышленностью, превалированием крестьянства в обществе и победившей крестьянской революцией представляла специфический интерес для «красных кхмеров», которые перенимали кое-какие аспекты теоретического и практического опыта югославских коммунистов.

Первый контакт между высшим руководством Югославии и Демократической Кампучии состоялся в августе 1976 года на саммите Движения неприсоединения в столице Шри Ланки Коломбо. Президент СФРЮ Иосип Броз Тито и председа-

тель Государственного президиума ДК Кхиеу Самфан встречались и беседовали наедине, договариваясь о развитии двустороннего сотрудничества и открытии посольства Югославии в Пномпене.

В сентябре 1976 года Югославию посетила торгово-экономическая делегация Демократической Кампучии, а в октябре того же года — министр иностранных дел ДК Йенг Сари. Югославские руководители обещали предоставить «красным кхмерам» экономическую помощь на сумму в два миллиарда долларов.

В декабре 1976 года первое югославское судно прибыло в Кампучию с грузом тракторов и другого промышленного оборудования на сумму в три миллиона долларов. В феврале 1977 года по итогам визита в Демократическую Кампучию торгово-экономической делегации Югославии был подписан договор о торговом и экономическом сотрудничестве. «Красные кхмеры» импортировали из Югославии ткани, а продавали югославам рис. Югославский Красный Крест безвозмездно направлял в Кампучию медикаменты.

В первой половине 1977 года на международной арене циркулировали слухи о возможном визите в Демократическую Кампучию президента Югославии Иосипа Броз Тито. Однако этого не произошло.

Возможно, из-за Сианука, которого «красные кхмеры» держали в Пномпене под домашним арестом. Тито очень беспокоился о судьбе и здоровье своего старого друга, с которым они вместе стояли у истоков Движения неприсоединения. По поручению Белграда, югославский посол постоянно просил «красных кхмеров» организовать ему встречу с Сиануком, но неизменно получал вежливый отказ. Тогда Тито прислал в Пномпень своего специального представителя, чтобы тот воочию убедился в том, что Сианук и члены его семьи живы и находятся в добром здравии. Но и личного эмиссара Тито «красные кхмеры» не пустили к Сиануку, сославшись на то, что бывший глава Камбоджи «никого не хочет видеть, поскольку очень занят написанием мемуаров».

«Красные кхмеры» воспринимали настойчивые попытки югославов встретиться с Сиануком как вмешательство во

внутренние дела Демократической Кампучии. Но и ссориться с югославами из-за Сианука они тоже не хотели. Поэтому однажды «красные кхмеры» отвезли югославского посла к королевскому дворцу, чтобы тот из-за ограды смог увидеть, как Сианук работает в саду.

В марте 1978 года в Кампучию приехала группа югославских журналистов и телевизионщиков. Югославы стали первыми и последними европейцами, заснявшими на кинопленку революцию «красных кхмеров». Пол Пот дал первое в своей жизни телевизионное интервью, надеясь, что югославы напишут хорошие статьи и снимут привлекательный документальный фильм о строительстве коммунизма в Кампучии. Но вышла промашка.

Две недели югославы снимали только то, что им показывали «красные кхмеры». Но то, что для них было нормой, европейского зрителя повергло в шок. Именно это произошло после того, как осенью 1978 года югославский фильм показали почти все крупные телевизионные каналы Западной Европы. Многие европейцы помнили Камбоджу маленьким уютным и приятным королевством. А теперь перед ними предстала страна, завзято строившая коммунизм в самых крайних формах его проявления. Статьи югославских журналистов перепечатали или процитировали ведущие европейские издания.

В 1978 году Белград оказывал Демократической Кампучии активную дипломатическую поддержку. Югославам очень не хотелось, чтобы вьетнамская армия разгромила «красных кхмеров».

Весной 1978 года Пномпень посетил председатель Союзного исполнительного веча (парламента) СФРЮ, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ Милош Минич, который до этого побывал в Ханое. Югославский министр иностранных дел убедился, что «между двумя странами существует глубокое недоверие». Но Югославия все же оставалась «уверенной в возможности нахождения приемлемого решения проблемы кампучийско-вьетнамских отношений на основе принципов взаимоуважения, сохранения суверенитета и территориальной целостности каждой из стран, невмешательства во внутренние дела и равноправия». Югославы на

стойчиво предлагали свое посредничество, в том числе и в рамках Движения неприсоединения. Однако усилия Югославии не смогли предотвратить свержение вьетнамцами режима «красных кхмеров».

В последующие годы Белград поддерживал «красных кхмеров» в их борьбе против вьетнамской оккупации Кампучии.

Противоречивые отношения у «красных кхмеров» складывались с Кубой.

Формально кубинцы были преданными и послушными союзниками СССР в Латинской Америке. В действительности же, Фиделю Кастро всегда хотелось встрять в какую-нибудь революционную заварушку. Поэтому он с радостью отправлял кубинских добровольцев на войну в Анголу и Эфиопию.

Кубинцы давненько присматривались к «красным кхмерам», с которыми они активно общались с 1970 года. В отличие от других стран социалистического содружества, подконтрольных Москве, Куба сразу и однозначно признала силы кампучийского сопротивления, боровшегося с Лон Нолом. Кубинцы дружески контактировали с «красными кхмерами» на всех международных общественных форумах по Индокитаю, тепло и сердечно принимали их в Гаване.

«Красные кхмеры» надеялись при помощи Кубы распространить свой революционный опыт на страны Латинской Америки. Поэтому вначале между Демократической Кампучией и Кубой зарождались партнерские отношения. Подход «красных кхмеров» к проблемам американского континента Кхиеу Самфан огласил на саммите ДН в Коломбо в августе 1976 года: «Мы [«красные кхмеры»] поддерживаем борьбу народа Пуэрто-Рико против американского колониализма за свою независимость. Мы солидарны с борьбой Кубы за избавление от американской военной базы в Гуантанамо. Мы поддерживаем народ и правительство Панамы в требовании суверенитета над районом Панамского канала. Мы поддерживаем право народа Белиза на независимость и сохранение своей территориальной целостности. <...> Мы поддерживаем борьбу народов Латинской Америки за избавление от иностранных прихвостней и иностранного закабаления».

Куба открыла свое посольство в Пномпене почти сразу после победы «красных кхмеров». Казалось, что кубинцам удастся сохранить с «красными кхмерами» нормальные отношения. В 1976 году успешно прошел визит в Демократическую Кампучию кубинской правительственной делегации во главе с членом политбюро ЦК Компартии Кубы, членом Госсовета Республики Кубы, министром внутренних дел Серхио дель Валье Хеменесом.

Но отношения между Кубой и Демократической Кампучией охладели после того, как «красные кхмеры» начали нападать на вьетнамцев — давних друзей кубинской революции.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

В Демократической Кампучии внешнеполитическая деятельность государства тесно увязывалась с международными связями Коммунистической партии Кампучии. Вице-премьер и министр иностранных дел ДК Йенг Сари был ответственным и за международные отношения партии.

Осенью 1977 года генеральный секретарь ЦК ПКК Пол Пот публично объявил о существовании кампучийской компартии. По этому поводу в партийных документах указывалось: «Дружественные партии просили нашу партию легализоваться. ... Мы должны иметь иностранных друзей, особенно в сфере политики и идеологии».

Притягательность «красных кхмеров» для зарубежных радикальных коммунистических группировок обусловливалась нестандартностью их мышления и действий. В «Кратких уроках кампучийского революционного движения», изданных ЦК Коммунистической партии Кампучии, излагались идеологические основы национального коммунизма «красных кхмеров». Прежде всего, констатировалось: «Силы рабочих [в Кампучии] не стали авангардом. Это были только крестьяне». Отрицание авангардной роли рабочего класса «красные кхмеры» считали новым словом в марксизме-ленинизме, важным вкладом в анализ мирового революционного движения.

Еще одним вкладом «красных кхмеров» в усовершенствование марксизма являлся принцип секретности как важнейшей составляющей революционной деятельности. Наиболее развернуто этот принцип изложил заместитель генерального секретаря ЦК ПКК Нуон Чеа на встрече с делегацией Коммунистической рабочей партии Дании: «Руководящий аппарат партии должен быть защищен любой ценой. Без руководства партия не может вести революционную борьбу. Пока руководство на месте — партия не умрет. Если мы теряем рядо-

вых членов, но сохраняем руководителей, мы будем одерживать победы. Не может быть никакого сравнения между потерей двух или трех руководящих кадров и двухсот-трехсот членов. Требуется десять-двадцать лет, чтобы воспитать хороших руководителей-коммунистов. ... Секретная работа — фундамент всей нашей деятельности. Например, выборы товарищей на руководящую работу, места их проживания являются секретными. Секретная работа включает неожиданное перемещение по различным местам, использование посыльных, проживание под охраной, проверка продовольствия на наличие яда и так далее. Пока есть классовая борьба или империализм, секретная работа останется главной. Только через секретность мы можем контролировать ситуацию и достичь победы над врагом, который не узнает, кто есть кто».

Важнейшим своим достижением «красные кхмеры» считали ликвидацию «буржуазного административно-бюрократического аппарата, на смену которому пришла партийная диктатура трудящегося крестьянства». Лидеры «красных кхмеров» верили, что именно по такому сценарию будут проходить подлинные коммунистические революции во всех странах мира.

В документах ЦК ПКК указывалось: «Революция Демократической Кампучии — это новый опыт, важный для всего мира, потому что мы не действуем, как другие. Мы стремительно строим социализм. Мы не нуждаемся в длительном периоде времени для преобразований. <...> Мы опережаем революции в Китае, Корее и Вьетнаме на тридцать лет».

Говоря о несравнимости кампучийской революции, Пол Пот выражал уверенность, что другие народы будут перенимать революционный опыт «красных кхмеров»: «Наша победа [над американским империализмом] имеет чрезвычайно большое международное значение. Никогда прежде не было такого события во всемирной летописи революционных войн. <...> Мы должны сконцентрировать усилия народа на строительстве Демократической Кампучии, которая в сжатые сроки должна стать процветающей страной с развитыми сельским хозяйством и промышленностью, обеспечивающими высокий уровень жизни нашего народа».

Выступая 22 июля 1975 года в Пномпене на трехтысячном митинге представителей революционной армии, Пол Пот сказал: « Мы одержали полную, окончательную и безоговорочную победу над американским империализмом без какого бы то ни было иностранного вмешательства. ... Во всем мире, начиная с появления революционных войн, и с момента зарождения империализма Соединенных Штатов, ни одна страна, ни один народ и ни одна армия не были способны изгнать империалистов до последнего человека и одержать полную победу над ними так, как это сделали мы. ... Эта победа стала ценным образцом для народов всего мира».

По планам «красных кхмеров», уже к 1990 году Кампучия должна была превратиться в подлинно коммунистическое государство, «чудо двадцатого столетия». И тогда, как заявил Кхиеу Самфана, «название нашей страны — Кампучии будет вписано золотыми буквами в мировую историю». Примечательно, что Кхиеу Самфан говорил именно о стране, а не о государстве. Дело в том, что в документах ЦК ПКК указывалось: «В соответствии с системой марксизма-ленинизма, государство постепенно должны быть упразднено, оно не должно усиливаться. ... Высшие государственные структуры исчезнут. Мы должны сокращать их».

«Красные кхмеры» не отделяли себя от мировой революции. В документах МИД Демократической Кампучии указывалось: «Компартия Кампучии выполняет задачи национальной и мировой революции на принципах революционного интернационализма. <...> Революционный интернационализм — это помощь странам, подвергающимся эксплуатации и давлению. ... Кампучийская революция не может быть отделена от мировой революции, являясь неотъемлемой частью международного революционного движения».

В партийных документах «красных кхмеров» внешнеполитическая линия ПКК конкретизировалась следующим образом: «Сконцентрироваться на революционных силах в Юго-Восточной Азии, на прогрессивных силах в неприсоединившихся странах и в третьем мире, а также на силах справедливости во всем мире. <...> Уделять внимание тесной солидарности и взаимной помощи с прогрессивными силами

справедливости в нейтральных странах и с подлинными марксистско-ленинскими силами в капиталистических странах».

Международная активность кампучийских коммунистов характеризовалась как «полуоткрытая и полусекретная». Своими партнерами по революционной борьбе на международной арене «красные кхмеры» считали «нейтральные движения, мировые революционные силы, движения рабочих и трудящихся, революционные движения в Юго-Восточной Азии».

Еще в 1967 году на политзанятиях с кадрами «красных кхмеров» Пол Пот говорил, что у Компартии Кампучии есть друзья в Таиланде, Бирме, Малайзии и на Филиппинах. После 1975 года «красные кхмеры» создали в Демократической Кампучии специальное бюро по координации деятельности с повстанческими коммунистическими движениями в странах ЮВА.

29 сентября 1977 года, на встрече с руководством КНР Пол Пот сказал: «Мы обменялись мнениями и пришли к согласию с бирманскими, малазийскими, индонезийскими и таиландскими друзьями. Это большое политическое достижение. Конкретизация договоренностей пока еще, разумеется, является сложным делом, особенно, когда входишь в детали. Но в Юго-Восточной Азии существует единодушие, и это стратегический момент, который нас очень вдохновляет. <...> Мы стремимся к тому, чтобы собрать воедино все силы в Юго-Восточной Азии, рассматривая это в качестве важного условия окончательной победы. <...> Революция в Юго-Восточной Азии будет иметь прекрасное будущее».

Собирать воедино все революционно-коммунистические силы в ЮВА «красные кхмеры» начали с Таиланда. Тем более что для этого имелись благоприятные исторические предпосылки.

Один из лидеров Кхмерской народно-революционной партии — предшественницы Компартии Кампучии — Сиеу Хенг изначально был членом Коммунистической партии Таиланда. Он привлек к революционной деятельности своего двоюродного брата Ло Бен Кона, который под именем Лонг Руот окончил в Бангкоке основную школу и юридический факультет бангкокского Университета Тхаммасат, после чего работал клерком в министерстве иностранных дел Таиланда.

В 1948 году Лонг Руот вступил в Коммунистическую партию Таиланда, а вскоре после этого вернулся в Камбоджу и перешел в Коммунистическую партию Индокитая. В 1960 (или 1962) году Лонг Руот, принявший революционный псевдоним Нуон Чеа, стал заместителем генерального секретаря Кхмерской народно-революционной партии, переименованной впоследствии в Коммунистическую партию Кампучии.

Еще один член постоянного бюро ПКК Муол Самбат также ранее был членом Компартии Таиланда. В середине 1960-х годов тайские коммунисты перешли к вооруженно-партизанской борьбе с правительством Таиланда. Некоторые базы тайских коммунистических повстанцев находились в джунглях на территории Камбоджи. В этот период Нуон Чеа, скрывавшийся в Кардамоновых горах вблизи тайской границы, контактировал с командирами и бойцами партизанских отрядов Компартии Таиланда.

В период гражданской войны 1970-75 годов все руководство вооруженных формирований «красных кхмеров» в провинции Кохконг, граничащей с Таиландом, состояло из этнических тайцев. Некоторые из них проходили политическое обучение в Китае и Вьетнаме. Правда, в 1974 году многие из них были объявлены тайскими шпионами и ликвидированы по приказу центрального руководства «красных кхмеров».

Логическим следствием многолетних связей «красных кхмеров» с тайскими коммунистами стало заключение в декабре 1977 года секретного договора между представителями северо-восточного комитета Коммунистической партии Таиланда (КПТ) и секретарем ПКК северо-западной зоны Демократической Кампучии Муол Самбатом. Договор предусматривал создание смешанных отрядов КПТ и ПКК для действий в северо-восточной части Таиланда, а также, при благоприятных условиях, вторжение в Таиланд из Кампучии вооруженных формирований «красных кхмеров» для поддержки КПТ. Почти все бойцы партизанских отрядов КПТ в северо-восточном Таиланде были местными кхмерами.

Активизации сотрудничества между «красными кхмерами» и тайскими коммунистами способствовали бурные внутриполитические события в Таиланде, где в октябре 1976 года

произошел правый государственный переворот, поставивший страну на грань гражданской войны. В это время возросла террористически-подрывная активность КПТ, сопровождавшаяся ростом ее популярности и численности членов. Тысячи тайских студентов и интеллектуалов присоединились к компартии. Ситуация в Таиланде во многом напоминала положение в Камбодже после правого государственного переворота в марте 1970 года. Руководство «красных кхмеров» оценивало события в Таиланде как революционную ситуацию и надеялось, что тайским коммунистам удастся добиться такой же блестящей победы, как и «красным кхмерам».

На кампучийской территории появилось двенадцать баз и цéнтров обучения для бойцов КПТ. Это были различные специализированные школы: военно-политическая, медицинская, разведывательная, диверсионная и т.д. Специально для тайских студентов, членов КПТ, была организована школа имени «Шестого октября», в память о захвате коммунистическими студентами здания Университета Тхаммасат в Бангкоке в октябре 1976 года. Специальная школа для женщин, членов КПТ, носила имя «Восьмое марта». Слушательницы этой школы учились делать бомбы и мины из подручных материалов.

Северо-восточный комитет Компартии Таиланда использовал закодированное наименование для своей организации — «Онгка Сиам» («Организация Сиам»). Тайские коммунисты копировали «красных кхмеров», которые в целях конспирации называли ПКК просто «Онгка» («Организация»). «Онгка Сиам» находилась под контролем «красных кхмеров», что вызывало определенное беспокойство у центрального руководства Компартии Таиланда.

Руководители Компартии Таиланда рассчитывали на окончательную победу в борьбе против военного режима Бангкока, поскольку в то время партизанские отряды КПТ действовали в большинстве провинций Таиланда. Тайские коммунистические лидеры опасались, что после их победы «красные кхмеры» могут подчинить себе власти социалистического Таиланда, используя своих подручных из «Онгка Сиам». Поэтому в середине 1978 года ЦК КПТ принял меры по ограничению деятельности «Онгка Сиам».

Сближению между «красными кхмерами» и Компартией Таиланда способствовало и то обстоятельство, что в середине 1977 года Ханой, стремившийся к нормализации отношений с официальным Бангкоком, разорвал все связи с КПТ. В октябре 1978 года, в ходе визита в Бангкок, премьер-министр Вьетнама Фам Ван Донг подписал совместное таиландско-вьетнамское коммюнике, в котором вьетнамская сторона отказывалась от предоставления помощи Компартии Таиланда в проведении прямой или косвенной подрывной деятельности.

Вскоре примеру вьетнамцев последовали и лаосцы, которые, по согласованию с Ханоем, ликвидировали все базы КПТ, находившиеся на территории Лаоса. Для Компартии Таиланда это были тяжелые удары. Тем более, после договоренностей, достигнутых тайскими коммунистами с вьетнамскими и лаосскими коллегами в конце 1976 года.

В декабре 1976 года делегация КПТ присутствовала на четвертом съезде вьетнамской компартии. С членами тайской делегации лично беседовал генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан. Вьетнамцы подняли вопрос о направлении на территорию Таиланда двух-трех дивизий лаосской армии для наращивания боевой активности партизанских отрядов КПТ. Поскольку тайцы и лаосцы очень похожи внешне и говорят фактически на одном языке, то вторжение в Таиланд нескольких дивизий лаосской армии могло остаться незамеченным. Лаосских солдат вполне могли бы принять за бойцов партизанских отрядов КПТ. Прямая военная поддержка со стороны Вьетнама и Лаоса сделала бы победу Компартии Таиланда более вероятной.

Но лишившись благосклонности Ханоя и Вьентьяня, тайские коммунисты могли рассчитывать только на «красных кхмеров». Однако руководство Демократической Кампучии, готовясь к большой войне с Вьетнамом, стремилось обезопасить свои западные рубежи путем улучшения отношений с правительством Таиланда. Поэтому «красные кхмеры» не могли оказать таиландской компартии массированную военную поддержку.

В 1977—78 годах таиландская армия подавила практически все очаги партизанского сопротивления КПТ. Обескура-

женные военными поражениями, руководители КПТ пошли на политическое примирение с правительством Таиланда и прекратили вооруженную борьбу.

После свержения вьетнамцами режима «красных кхмеров» в 1979 году последние отряды КПТ оставили свои базы в районе таиландско-кампучийской границы. В конце 1979 года ЦК Коммунистической партии Таиланда принял закрытое постановление с жесткой критикой «политических ошибок режима Пол Пота».

Геополитические расчеты китайцев помешали «красным кхмерам» наладить взаимодействие с Коммунистической партией Бирмы.

К началу 1970-х годов партизанские отряды Компартии Бирмы создали на северо-востоке страны огромную освобожденную зону в двадцать тысяч квадратных километров. В 1970-е годы в столицу бирманских коммунистов город Пангсанг съезжались посланцы подпольных компартий со всего мира. Дело дошло до того, что Компартия Бирмы открыла свой офис в дипломатическом квартале Пекина.

Пномпень и Пангсанг превращались в центры мирового революционного движения. «Красные кхмеры» и руководители бирманских коммунистов разрабатывали планы свержения «реакционных правительств» в Бирме и Таиланде. В случае их реализации появилось бы мощное сообщество сопредельных стран в составе Кампучии, Таиланда и Бирмы с ультракоммунистическими режимами.

Но эти грандиозные замыслы рухнули 16 декабря 1975 года, когда в Пекине скончался Канг Шенг, который в течение нескольких десятилетий координировал деятельность китайских спецслужб по всему миру. Канг Шенг не только искренне верил в мировую коммунистическую революцию, но и упорно работал над ее осуществлением.

Политический противник Канг Шенга, прагматик Дэн Сяопин считал идею мировой революции неосуществимой и даже вредной для стратегических интересов Китая. Поэтому бирманские коммунисты с восторгом восприняли сообщение о смещении Дэн Сяопина со всех занимаемых постов в апреле 1976 года бандой четырех. В поздравительном послании

Компартии Бирмы, отправленном в Пекин в июне 1976 года по случаю 55-й годовщины КПК, подчеркивалось: «Меры, предпринятые ЦК КПК против правого вождя Дэн Сяопина, находятся в полном соответствии с марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна». Отправка этой телеграммы стала роковой ошибой бирманских коммунистов.

В июле 1977 года Дэн Сяопин вернулся на всевластные позиции в руководстве КНР. Вскоре Китай прекратил поддержку Компартии Бирмы. В соответствии с новой внешнеполитической стратегией, Пекин приступил к нормализации отношений с правительством Бирмы во главе с генералом Не Вином.

Под китайским давлением «красные кхмеры» вынуждены были принять Не Вина, посетившего Демократическую Кампучию с официальным дружественным визитом в ноябре 1977 года, и пообещать ему прекратить оказание помощи Компартии Бирмы. Тайно, вплоть до апреля 1995 года, «красные кхмеры» все же посылали оружие бирманским коммунистам, которые так и не отказались от революционной борьбы во имя мировой революции.

«Красные кхмеры», как могли, помогали возрождению Коммунистической партии Индонезии, которая в 1960-е годы считалась самой перспективной в Юго-Восточной Азии. Но в 1965 году индонезийское правительство устроило резню, физически уничтожив десятки тысяч членов Компартии Индонезии, которая потеряла до 90% своего состава. Выжившие индонезийские коммунисты бежали в Китай и к бирманским коммунистам в Пангсанг.

После победы «красных кхмеров» некоторые члены Компартии Индонезии перебрались в Демократическую Кампучию, где изучали опыт кампучийской революции. В апреле 1978 года был издан специальный выпуск «Слава победоносной и героической Кампучии» — журнала Компартии Индонезии «Голос индонезийского народа», в котором описывались достижения «красных кхмеров» в построении коммунизма.

Но Коммунистическая партия Индонезии так и не смогла оправиться после нанесенного ей в 1965 году сокрушительного удара.

Большего успеха «красные кхмеры» добились в сотрудничестве с революционными силами Восточного Тимора.

В 1975 году, после ухода португальцев из своей бывшей колонии на острове Тимор, была провозглашена Демократическая Республика Восточного Тимора, которую сразу же признала Демократическая Кампучия. С 23 июля по 6 августа 1976 года делегация Демократической Республики Восточного Тимора посетила Кампучию с официальным дружественным визитом. Руководители нового государства в Восточном Тиморе заявили о намерении создать радикальную коммунистическую республику. Именно поэтому, с молчаливого одобрения международного сообщества, Индонезия ввела войска в Восточный Тимор, ликвидировав коммунистическое государство тиморских революционеров.

После этого правительство Демократической Кампучии выпустило специальное коммюнике с требованием вывести индонезийские войска из Восточного Тимора и с выражением поддержки борьбе прокоммунистического фронта ФРЕТИЛИН за независимость и демократию. Выступая на саммите ДН в Коломбо в августе 1976 года, Кхиеу Самфан сказал: «Мы решительно и полностью солидарны со справедливой борьбой народа и правительства Демократической Республики Восточного Тимора под руководством Революционного фронта за независимость Восточного Тимора ФРЕТИЛИН против агрессии и коварных замыслов поглощения территории извне. Народ Восточного Тимора должен стать хозяином на своей земле».

Лидеры тиморских революционеров во главе с главнокомандующим революционной армией Восточного Тимора Розерио Лобато, бежали в Кампучию. «Красные кхмеры» организовали специальные лагеря подготовки боевиков ФРЕТИЛИН методам ведения партизанской войны. В письме министру иностранных дел ДК Йенг Сари, отправленном 21 декабря 1977 года, Лобато поблагодарил «красных кхмеров» за «полезные знания, которые имеют большое значение для революционного сопротивления в Восточном Тиморе».

Много лет спустя, в 2002 году, борьба тиморских революционеров завершилась восстановлением независимости

Восточного Тимора. Правда, бывшим союзникам «красных кхмеров» пришлось отречься от своих коммунистических убеждений, чтобы завоевать симпатии и поддержку мирового сообщества.

«Красные кхмеры» активно контактировали с Организацией освобождения Палестины (ООП). Министр иностранных дел Демократической Кампучии Йенг Сари регулярно встречался с представителем ООП в Пекине. Доверенным лицом «красных кхмеров» среди палестинцев был представитель ООП в Пхеньяне, женатый на кхмерке.

В феврале 1976 года представитель ООП в Пекине Хамад Абдул Азиз аль Айяди посетил Кампучию, где его тепло приняли Кхиеу Самфан и Йенг Сари. Совершив двухнедельное турне по Кампучии, палестинский гость опубликовал свои впечатления: «Революционные лидеры Кампучии эвакуировали городских жителей в сельскую местность, распределяя среди них рис. Поэтому никто не умер от голода, несмотря на множество серьезных трудностей. <...> Правительство Кампучии смогло обеспечить продовольствием каждого жителя страны. ... Возросла вера крестьян [в «красных кхмеров»], как и их трудовой энтузиазм. ... Прежние богатые городские жители ворчат. <...> [«Красные кхмеры»] говорят, что они могут вернуться в свои роскошные виллы, где они жили в прошлом, но в этом случае они не получат риса. <...> Руководители Демократической Кампучии считают, что безопасность их экономических и социальных планов требует отсутствия местной валюты. Поэтому в стране не используется ни местная, ни иностранная валюта. Это действительно уникально для сегодняшнего мира, даже для социалистических стран. Это звучит невероятно, но я удовлетворен этим, особенно когда вспоминаю многочисленные недуги, поразившие современное мировое общество в результате гонки за банкнотами. Я был впечатлен жизнью без денег, которой я наслаждался вместе с кампучийцами. ... Государство, беспокоясь об улучшении условий жизни народа, не ослабляет усилий по устранению остатков старой экономической системы».

«Красные кхмеры» полностью поддерживали вооруженную борьбу палестинцев против Израиля. Выступая на сам-

мите ДН в Коломбо, Кхиеу Самфан сказал: «Кампучия поддерживает справедливую борьбу палестинского народа против сионизма Израиля за то, чтобы палестинский народ обрел свое священное национальное право вернуться жить на свою родину, право самому решать свою судьбу и право создать палестинское государство на палестинской земле. <...> Героический палестинский народ имеет большой опыт ведения длительной мужественной борьбы под руководством Организации Освобождения Палестины. <...> Борьба палестинского народа против сионизма и агрессивного экспансионизма Израиля неуклонно нарастает. Все страны третьего мира на стороне палестинского народа, справедливая борьба которого завершится полной и окончательной победой».

Не обнаружено достоверной информации о связях «красных кхмеров» с радикально-коммунистическими организациями в других странах Азии. Хотя, исходя из идентичности политико-идеологических постулатов и практики партизанско-революционной борьбы, для лидеров «красных кхмеров» наверняка представляли интерес такие организации, как Коммунистическая (марксистско-ленинская) партия Индии или Фронт народного освобождения Шри Ланки, пик революционной активности которых пришелся на 1970-е годы.

Покровом непроницаемой тайны окутаны связи «красных кхмеров» с африканскими организациями, боровшимися с расистскими режимами на юге Африки — в Родезии, Намибии и ЮАР. Известно только, что в сентябре-октябре 1978 года группа из приблизительно двадцати англоговорящих чернокожих африканцев, возможно, из Южной Африки, находилась в Кампучии на одной из вилл в центре Пномпеня возле олимпийского стадиона. «Красные кхмеры» проводили с африканцами занятия по боевой и политической подготовке.

Известно также, что на виллах в этом районе Пномпеня размещались революционеры из разных стран мира. В этой связи обращают на себя внимание неподтвержденные данные о посещении в 1978 году Кампучии «дипломатами из Восточной Германии». Здесь уместны интересные спекуляции с учетом того, что разведывательная служба «Штази» Германской Демократической Республики специализировалась на

поддержке борьбы Африканского национального конгресса с режимом апартеида в Южно-Африканской Республике.

Также пока нет достоверной информации о связях «красных кхмеров» с лидерами радикально-коммунистических, революционно-повстанческих движений в Сальвадоре и Перу. Хотя, по косвенным признакам, можно предположить, что идеолог перуанского ультракоммунистического движения «Сендеро Луминосо» («Светлый путь») Карлос Иван де Грегори был знаком как с теорией, так и с практикой «красных кхмеров».

Межпартийные связи «красных кхмеров» не ограничивались только компартиями и революционными организациями в странах третьего мира.

15 декабря 1978 года Пол Пот принял делегацию Коммунистической рабочей партии Японии во главе с ее генеральным секретарем Сиосаку Итаи, которого в 1966 году исключили из Компартии Японии за «подрывную деятельность против КПЯ и поддержку великодержавного курса Мао Цзэдуна и его окружения». Беседуя с Пол Потом Итаи заявил: «Сплочение нашей партии, созданной в сентябре 1975 года, и кампучийской компартии имеет важное значение для совместной борьбы против Вьетнама и Советского Союза».

В том же месяце в Токио было обнародовано совместное заявление Коммунистической рабочей партии Японии и Коммунистической (марксистско-ленинской) партии Соединенных Штатов в «поддержку справедливой борьбы кампучийского народа по защите своей независимости, суверенитета, территориальной целостности и достижений революции против варварской агрессии Вьетнама и его хозяина — советского международного экспансионизма». Две партии также призвали народы всего мира «объединить революционные силы в едином великом международном фронте борьбы с советским экспансионизмом».

История отношений «красных кхмеров» с американскими революционерами началась самым неожиданным образом 13 марта 1970 года. В этот день в Сиамском заливе, вблизи камбоджийского побережья, было захвачено американское торговое судно «Колумбийский орел», которое с грузом

оружия и боеприпасов следовало в Таиланд. Захватчиками оказались члены американской молодежной антивоенной радикальной организации, которая выступала против войны США в Индокитае.

Камбоджийские власти вернули захваченный корабль официальным представителям США. Некоторые участники акции сразу же раскаялись. Другие безуспешно пытались получить политическое убежище в посольствах восточноевропейских социалистических стран, Кубы и Швеции в Пномпене, а затем явились с повинной в посольство США. Но организаторы акции — некие Маккей и Хамфри — решили не сдаваться и исчезли. Как утверждали их товарищи, они «намеревались присоединиться к коммунистическим силам, действовавшим в Камбодже, и поэтому направились на север [Камбоджи] к городу Сиемреап». Дальнейшая судьба беглецов не известна.

Антивоенное движение в США породило как минимум шесть коммунистических партий, из которых в конечном итоге осталось только три: Революционная коммунистическая партия, Коммунистическая рабочая партия и Коммунистическая (марксистско-ленинская) партия. Все три организации выступали за тотальное революционное преобразование Соединенных Штатов. Варианты предлагались разные — по образцу Албании, рецептам «революционного романтика» Мао Цзэдуна или «расчетливого прагматика» Дэн Сяопина.

В апреле 1978 года делегация Коммунистической (марксистско-ленинской) партии Соединенных Штатов посетила Демократическую Кампучию, где была принята Йенг Сари. Руководитель делегации Даниэль Берстейн пришел в восторг и от Йенг Сари, и от успехов кампучийской революции.

Вернувшись в США, Берстейн с жаром разоблачал рассказы кампучийских беженцев о «трудовых концентрационных лагерях и массовых убийствах кампучийцев». В своей статье, опубликованной в «Нью-Йорк Таймс», Берстейн утверждал, что «миф о геноциде [«красных кхмеров»] сфабрикован специальными людьми в Таиланде, которые платят по пятьдесят долларов каждому беженцу за то, чтобы тот сочинил хороший роман ужасов для иностранцев о жизни в Демократической Кампучии».

Член делегации Роберт Браун в 1979 году издал книгу «Новое лицо Кампучии», в которой воспел революцию «красных кхмеров». А в газете «Зов», органе Коммунистической (марксистско-ленинской) партии США, в номере от 5 марта 1979 года, то есть уже после свержения вьетнамцами режима «красных кхмеров», была напечатана статья, в которой утверждалось, что в 1959 году Хенг Самрин, возглавивший провьетнамский режим в Кампучии, был «инфильтрирован вьетнамцами в ряды кампучийских революционеров и на протяжении многих последующих лет передавал вьетнамцам все секретные документы кампучийской коммунистической партии, а когда стало невозможно продолжать такую деятельность, то он сбежал во Вьетнам, как Ким Филби сбежал в СССР».

Вероятно, под влиянием этих произведений в 1980 году группа молодых американских поклонников кампучийской революции тайно посещали базы «красных кхмеров» на территории Кампучии.

29 декабря 1978 года Пол Пот принял еще одну марксистско-ленинскую делегацию с американского континента, на этот раз — из Канады. Партийная принадлежность членов делегации остается неизвестной. Известно только, что в течение трех часов канадские коммунисты обсуждали с Пол Потом перспективы мировой революции. Также ничего неизвестно о делегации «марксистско-ленинской, антисоветской партии из Австралии», приезжавшей к «красным кхмерам» набираться опыта.

Зато в 1978 году в Пномпень к Пол Поту на переговоры открыто приезжала норвежская партийная делегация во главе с Палом Стейганом, руководителем Рабочей коммунистической партии Норвегии, созданной в 1973 году. Подробный отчет о поездке норвежских коммунистов в Демократическую Кампучию и о беседах с Пол Потом публиковался в газете «Красный флаг», органе Рабочей коммунистической партии Норвегии, прекратившей свою деятельность в 2007 году.

Учитывая исторические связи «красных кхмеров» с Францией, стремление руководства Компартии Кампучии восстановить контакты с французскими коммунистами на принципиально новой основе выглядело абсолютно логичным.

В сентябре 1976 года на традиционном ежегодном празднике газеты «Юманите», органе Французской коммунистической партии, появился кампучийский стенд, представлявший достижения Демократической Кампучии в коммунистическом строительстве. Однако сотрудничество с ФКП не сложилось. «Красные кхмеры» нашли других партнеров во Франции.

С 9 по 16 сентября 1978 года в Кампучии находилась делегация Коммунистической марксистско-ленинской партии Франции во главе с политическим секретарем ЦК партии Жаком Жюрке, который беседовал с Пол Потом и Йенг Сари, а по возвращении во Францию благожелательно отзывался о положении в Демократической Кампучии. В 1978 году в Марселе издавался революционный политический журнал «Пролетариат», в котором печатались фвалебные по отношению к «красным кхмерам» статьи.

«Красные кхмеры» контактировали и с другими коммунистическими организациями из Западной Европы.

В июле 1978 года Пол Пот принял делегацию Объединенной коммунистической партии Италии, которая прибыла в Демократическую Кампучию специально для того, чтобы выразить поддержку «красным кхмерам». Несколько месяцев спустя, 11 ноября 1978 года, в газете «Пролетарская линия», органе Объединенной коммунистической партии Италии, появилось интервью Освальдо Песке, генерального секретаря ЦК партии, под названием «Народ, который с энтузиазмом защищает плоды социалистической революции». Естественно, речь шла о кампучийском народе.

Осудив экспансионистские амбиции Советского Союза в Юго-Восточной Азии и предсказав неизбежное поражение Вьетнама в агрессивной войне против Демократической Кампучии, Песке поделился впечатлениями о визите в Кампучию: «Всюду, где я был — в Пномпене и сельской местности — я видел кампучийцев, с энтузиазмом работавших на рисовых полях и строительстве каналов, создавая социализм. Я никогда не забуду солдат, возвращавшихся с фронта. Они были очень счастливы и горды своим вкладом в уничтожение вьетнамских агрессоров. <...> Все эти факты свидетельствуют о великой силе кампучийского народа, который

самоотверженно борется, защищая социализм. <...> Все победы кампучийского народа достигнуты благодаря правильной политической революционной линии Коммунистической партии Кампучии во главе с товарищем Пол Потом. Кампучийская революция обладает бесценным опытом, какого никогда не знала история».

Интервью Освальдо Песке перепечатала германская коммунистическая газета «Красное знамя». Может быть, под влиянием именно этой публикации в декабре 1978 года в Демократическую Кампучию на встречу с Пол Потом отправилась делегация Коммунистического союза Западной Германии.

В июле 1978 года в Кампучии находилась делегация Коммунистической рабочей партии Дании во главе с членом политбюро ЦК партии Петером Бишоффом. Визит был организован по инициативе датской партии с целью ознакомления с политикой Компартии Кампучии. Датскую делегацию принимал заместитель генерального секретаря ЦК ПКК Нуон Чеа. После отъезда датских коммунистов между центральными комитетами двух партий завязалась переписка по актуальным проблемам региональной и мировой политики.

Члены некоторых коммунистических группировок из стран Западной Европы приезжали в Демократическую Кампучию под прикрытием общественных организаций. Так, в августе 1978 года Пол Пот имел продолжительную беседу с членами делегации Общества Бельгия — Кампучия. Вскоре после этого в газете «Свет эксплуатируемого», органе Коммунистической (марксистско-ленинской) партии Бельгии, появилась статья с разоблачением агрессивной политики Вьетнама против Кампучии.

Многие аспекты сотрудничества «красных кхмеров» с зарубежными компартиями все еще остаются неизвестными.

ОСЬ СТОКГОЛЬМ — ТОКИО

Во время второй индокитайской войны Швеция на официальном уровне осуждала войну США в Индокитае. Более того, шведы фактически заняли сторону вьетнамцев в их противоборстве с американцами. Так, в Стокгольме открылось представительство Временного революционного правительства Южного Вьетнама, которое стало главным пропагандистским рупором вьетнамских коммунистов в Европе.

Премьер-министр Швеции Улоф Пальме проводил гибкую внешнеполитическую линию, балансируя на стыке глобальных интересов США и СССР в третьем мире. Шведы выступали защитниками интересов слаборазвитых стран, как в Вашингтоне, так и в Москве. Именно эта особенность внешней политики Швеции сделала Пальме почти неформальным лидером неприсоединившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Учитывая дружбу шведов с вьетнамцами, многие обозреватели подозревали Стокгольм в близких связях с «красными кхмерами». Поэтому в марте 1974 года американцы в неофициально попросили Пальме повлиять на «красных кхмеров», чтобы те прекратили беспорядочный артобстрел Пномпеня, от которого страдали гражданские жители камбоджийской столицы. Пальме обещал серьезно обдумать возможность соответствующих шагов. Но никаких практических последствий это обещание не имело. Может быть, у Стокгольма просто не было весомых рычагов влияния на «красных кхмеров».

По некоторым данным, сразу после победы «красных кхмеров» в апреле 1975 года официальные шведские представители посетили Кампучию с целью обсудить с новыми властями вопрос об установлении полноценных дипломатических отношений между двумя странами. Но тогда не удалось договориться. И не потому, что «красные кхмеры» не

любили шведов. В первый год своего правления они вообще не хотели видеть никаких зарубежных представительств в Кампучии.

«Красные кхмеры» симпатизировали нейтральной Швеции. В документах МИД Демократической Кампучии указывалось, что скандинавские страны «также хотят независимости». Поэтому среди основных направлений внешнеполитической деятельности ДК было «укрепление и развитие отношений с нейтральными странами, которые являются силой поддержки против вражеских происков».

В феврале—марте 1976 года посол Швеции в Китае Кай Бьорк совершил пятнадцатидневную ознакомительную поездку по Кампучии, в ходе которой встречался с Йенг Сари и Кхиеу Самфаном, обсуждая с ними актуальные проблемы мировой и региональной политики, а также перспективы развития отношений между Швецией и Демократической Кампучией.

Положение в Кампучии произвело на шведского дипломата неоднозначное впечатление. В публичных выступлениях после поездки Бьорк не хвалил, но и не осуждал «красных кхмеров», а лишь беспристрастно констатировал: «Кампучийская революция более радикальна, чем китайская или русская». Правда, при этом Бьорк добавил, что он не обнаружил никаких свидетельств, которые подтверждали бы рассказы кампучийских беженцев о нехватке продовольствия в стране.

Второй раз Кай Бьорк посетил Демократическую Кампучию в январе 1978 года. На этот раз Бьорк захватил с собой из Пекина послов Финляндии и Дании. Высокопоставленные дипломаты североевропейских стран встречались с Кхиеу Самфаном и Йенг Сари, а также с послами Югославии, Кубы, Египта в Демократической Кампучии. Как и положено дипломатам, их отзывы о ситуации в Кампучии были нейтральны: «Пномпень напоминает город-призрак, открыты только главные улицы. <...> В переулках и на тротуарах разбиты грядки, на которых растут овощи. <...> В городе только один магазин». Вероятно, имелся в виду т.н. дипломатический магазин, который «красные кхмеры» открыли специально для немногочисленных иностранцев, находившихся или приезжавших в Пномпень.

В ходе визита Кай Бьорк договорился с руководством «красных кхмеров» об открытии посольства Швеции в Кампучии. Может быть, поэтому он старался найти позитивные явления в Кампучии: «Пномпень самостоятельно обеспечивает себя продовольствием. ... В сельской местности больше обрабатываемых земель, чем в 1976 году. ... Следы войны меньше заметны».

В 1978 году сразу несколько шведских делегаций посетили Демократическую Кампучию.

В апреле 1978 года мог состояться визит министра иностранных дел Швеции Свена Андерссона. Для «красных кхмеров» это стало бы международным прорывом. Но в том же месяце Андерссон посетил Вьетнам. Вьетнамцы отговорили главу шведского МИДа ехать в Кампучию. Да и сами шведы понимали, что им вряд ли удастся помирить «красных кхмеров» с вьетнамцами. А в этом случае визит в Демократическую Кампучию члена правительства Швеции не имел смысла.

Шведы окончательно убедились в этом после того, как подослали к «красным кхмерам» в посольство ДК в Пекине журналиста по имени Бент Аллонс, который объяснил свое желание встретиться с кампучийскими представителями стремлением больше узнать о положении в Кампучии. Дипломаты «красных кхмеров» охотно объяснили шведскому гостю, что Вьетнам готовит военное вторжение в Кампучию, одновременно «дезориентируя своей пропагандой международное общественное мнение и запутывая вопрос кампучийско-вьетнамских отношений». Шведа особенно интересовало, собираются ли «красные кхмеры» отвоевывать бывшие кхмерские земли, которые составляют территорию Южного Вьетнама. Кампучийские дипломаты уклончиво ответили, что «правительство Демократической Кампучии в настоящее время не собирается рассматривать эту проблему, поскольку самое главное сейчас — защитить существующие границы Кампучии от вьетнамского нападения». Собеседники еще обсудили состояние экономики и особенно сельского хозяйства Кампучии. Шведский журналист сказал, что он «все понял, и обязательно проинформирует о содержании состоявшейся беседы делегацию, возглавляемую министром иностран

ных дел Швеции, которая направляется во Вьетнам, а также напишет в своей статье только правду, которую узнает шведский народ».

В августе 1978 года к «красным кхмерам» приезжал известный шведский писатель и журналист Ян Мюрдаль, прославившийся своими антиимпериалистическими публикациями. Мюрдаль хвалил почти все, что видел в Демократической Кампучии. Большое телевизионное интервью, которое Мюрдаль сделал с Пол Потом, прошло по одному из шведских телеканалов. Пол Пот говорил о полутора миллионах кампучийцах, убитых американскими империалистами и их пособниками, о том, что при «красных кхмерах» все кампучийцы наелись досыта, о развитии системы медицинского обслуживания населения и о полной ликвидации неграмотности по всей Кампучии. Но главным своим достижением Пол Пот считал следующее: «Последовательно разбиты схемы и действия агрессивного вмешательства во внутренние дела Демократической Кампучии, подрывная деятельность и попытки государственных переворотов, которые предпринимались врагами всех мастей». Интервью Пол Пота Яну Мюрдалю «красные кхмеры» издали отдельной брошюрой.

Так же в виде брошюры была отпечатана и беседа Пол Пота с делегацией Ассоциации шведско-кампучийской дружбы, посетившей Демократическую Кампучию осенью 1978 года. Эту делегацию возглавляла Марита Хуор, которой «красные кхмеры» устроили теплый прием. В Европе она собирала и отправляла в Кампучию деньги, медикаменты и другую гуманитарную помощь, одновременно опровергая сообщения о массовых репрессиях «красных кхмеров» против кампучийского населения. Возможно, «красные кхмеры» просто использовали или даже шантажировали Хуор. Ее муж, кхмер по национальности, уехал в Кампучию в апреле 1975 года. После чего от него не поступало никаких известий. Позже выяснилось, что его казнили в тюрьме Туолсленг в 1977 году. Марита Хуор узнала об этом только через несколько лет.

Премьер-министр Швеции Улоф Пальме просил руководителей Вьетнама постараться договориться с «красными кхмерами» полюбовно. Но не вышло. Официально Швеция

не поддержала вьетнамское вторжение в Демократическую Кампучию, но и не осудила его.

В последующие годы, после свержения вьетнамцами режима «красных кхмеров», Генеральная ассамблея ООН ежегодно принимала резолюции с требованием вывести вьетнамские войска из Кампучии, за которые голосовало большинство членов ООН. Социалистические и некоторые неприсоединившиеся страны были против. А Швеция, как и другие северо-европейские страны, воздерживалась.

При этом шведская дипломатия продолжала свою традиционную политику балансирования между различными позициями. Проявлением чего стали всевозможные конференции, которые «красные кхмеры» проводили в 1980-е годы в Стокгольме. Шведские журналисты по-прежнему брали интервью у Пол Пота, который убеждал их, что «число людей, умерших в результате совершенных нами ошибок, составляет всего несколько сотен».

В декабре 1986 года Швеция предлагала свои посреднические услуги для налаживания переговоров между провьетнамским правительством Народной Республики Кампучии и «красными кхмерами». Но эту инициативу отвергли обе стороны.

Среди стран Азии была одна, с которой у «красных кхмеров» складывались такие же неоднозначные отношения, как и со Швецией.

Казалось, что с Японией, капиталистическим и империалистическим государством, у «красных кхмеров» не могло быть ничего общего. Поэтому в апреле 1975 года представители «красных кхмеров» уведомили японского посла в Сайгоне о своем нежелании иметь дипломатические отношения с Японией в ближайшие двести лет. Но отношения с Токио все-таки были установлены самым необычным способом.

В апреле 1976 года японский журналист Наоки Мабучи нелегально пересек таиландско-кампучийскую границу с целью сбора материалов для статьи о положении в Демократической Кампучии. Но очень быстро «красные кхмеры» поймали Мабучи и продержали его несколько недель. А затем отпустили. Японский журналист написал статьи, в которых в

нейтрально-благожелательном тоне описывал кампучийскую действительность. Не исключено, что Мабучи проник на территорию Кампучии с какой-то тайной миссией.

В это же время японские власти фактически запретили деятельность «кхмерского правительства борьбы за освобождение», которое создали в конце 1975 года бывшие лонноловские офицеры, сбежавшие в Японию.

В первой половине 1976 года «красные кхмеры» среагировали на политические импульсы, исходившие из Токио в виде официальных посланий японского правительства с предложениями об установлении дипломатических отношений между двумя странами. 31 июля 1976 года в Пекине представители министерств иностранных дел Демократической Кампучии и Японии подписали совместное заявление о восстановлении дипломатических отношений. А 19 сентября 1976 года министерства иностранных дел двух стран обменялись нотами, в которых подтвердили обоюдное решение установить дипломатические отношения на уровне посольств. Но японское дипломатическое представительство в Пномпене так и не появилось, поскольку «красные кхмеры» опасались, что МИД Японии пришлет шпионов, которые выведают государственные тайны Демократической Кампучии.

В сентябре 1976 года министр иностранных дел ДК Йенг Сари провел в Токио переговоры со своим японским коллегой Киити Миядзавой, передав ему конфиденциальную просьбу кампучийской стороны об оказании экономической помощи. «Красных кхмеров» интересовали современные сельскохозяйственные технологии, позволявшие в сжатые сроки в несколько раз увеличить урожайность риса. После этого, вероятно, при поощрении правительства Японии, ряд японских компаний создали торговую ассоциацию для развития торгово-экономических связей с Демократической Кампучией.

В начале 1977 года одна из японских фирм поставила в Кампучию десять тысяч тонн изделий сталелитейной промышленности. Контракт подписали в Гонконге с кампучийской внешнеторговой фирмой «Рен Фунг», служащие которой сообщили о планах экспорта из Кампучии в Японию риса, каучука, креветок и пиломатериалов. А также о желании «крас-

ных кхмеров» закупать в Японии различное оборудование, изделия из стали и сырье для химической промышленности.

За первые четыре месяца 1977 года объем товарооборота между Японией и Демократической Кампучией составил семьсот миллиардов иен. Номенклатура кампучийского экспорта в Японию состояла из сельскохозяйственной продукции, текстильных изделий и детской одежды.

С января 1976 года до начала 1978 года объем двусторонней торговли между ДК и Японией достиг примерно пяти миллионов долларов. При этом общая стоимость японского экспорта в Кампучию в восемь раз превышала стоимость товаров, поставленных «красными кхмерами» в Японию.

В сентябре 1977 года, находясь с очередным визитом в Токио, Йенг Сари сообщил японским журналистам, что Демократическая Кампучия получает достаточно твердой валюты от продажи своих товаров, чтобы начать реализацию планов по модернизации сельского хозяйства страны. Судя по всему, «красные кхмеры» надеялись на помощь японцев в этом деле.

Летом 1978 года активизировалось политическое сотрудничество между двумя странами. В июне 1978 года, находясь с официальным визитом в Японии, Йенг Сари публично разоблачил «заговор ЦРУ и Вьетнама» с целью уничтожения Демократической Кампучии. Йенг Сари принимали премьер-министр Японии Такэо Фукуда, министр иностранных дел Сунао Сонода и другие высокопоставленные лица. В ходе переговоров стороны достигли договоренности о скорейшем открытии посольства Японии в ДК.

В сентябре 1978 года в Пномпень для вручения верительных грамот прибыл С.Сато, посол Японии в Китае и Вьетнаме, назначенный по совместительству и послом в Демократической Кампучии. В беседах с японским дипломатом Кхиеу Самфан и Йенг Сари пообещали ускорить ремонт здания японского посольства в Пномпене. Но «красные кхмеры» не успели. Вьетнамское наступление началось раньше.

В октябре 1978 года Демократическую Кампучию с двухнедельным визитом посетила японская делегация во главе с бывшим председателем Социалистической партии Японии Козо Сасаки. В составе делегации был журналист Сей Ито, который

позже подготовил ряд публикаций для японского информационного агентства «Киодо Ньюс Сервис», в которых с симпатией описывалась внутренняя политика «красных кхмеров».

Накануне вьетнамского вторжения влиятельные японские газеты, со ссылкой на неназванные источники в правительстве Японии, опубликовали сообщения о негативном отношении японского руководства к планам Вьетнама начать агрессию против Демократической Кампучии. Токио намеревался пересмотреть свою политическую позицию по отношению к Вьетнаму в случае его военного вторжения в Кампучию.

КАК ЗАПАД УШЕЛ С ДОРОГИ

17 апреля 1975 года, когда «красные кхмеры» вошли в Пномпень, в кампучийской столице оставалось немного иностранцев: журналисты, бизнесмены, представители религиозных организаций, дипломатические сотрудники некоторых стран. Всех иностранцев «красные кхмеры» сначала свезли на территорию посольства Франции, а затем отправили на грузовиках в Таиланд. Затворники французской дипломатической миссии стали первыми свидетелями эксцессов, происходивших в Пномпене.

Однако, ни одно государство, ни одна международная организация не выразили даже намека на какой-либо протест против действий «красных кхмеров». Более того, мировое сообщество постаралось объяснить или даже оправдать их жесткие акции.

В этом отношении весьма показательна статья многолетнего советника королевского правительства Камбоджи француза Шарля Мейера, опубликованная 16 мая 1975 года в газете «Нью-Йорк Таймс»: «Кхмерские крестьяне никогда не любили города, которые символизировали французскую колониальную власть. Их отношение стало еще более враждебным, когда города превратились в цитадели новых мандаринов, перенявших западный образ роскошной жизни, в то время как крестьяне продолжали жить в ужасающей бедности».

Кроме того, западная общественность прекрасно осознавала, что именно цивилизованные государства ввергли кампучийский народ в самую разрушительную войну в истории Кампучии. Чувство вины заставило Запад молчать и не осуждать «красных кхмеров» в первые годы их правления.

В затруднительном положении оказалась и Организация Объединенных Наций. Во время войны ООН не признавала кампучийское антиамериканское сопротивление. Благотво

рительные организации, действовавшие под эгидой ООН, не оказывали гуманитарной помощи населению освобожденных районов, контролировавшихся «красными кхмерами». Тогда ООН предоставляла огромную помощь жителям Пномпеня и других городов, которые удерживали войска правительства Лон Нола. Фактически все годы войны ООН работала против «красных кхмеров», косвенно помогая их врагам — лонноловцам.

Неудивительно поэтому, что «красные кхмеры» относились к ООН с недоверием. Эту позицию сформулировал Пол Пот: «Теоретически устав Организации Объединенных Наций правильный, но практически империалисты и гегемонисты часто используют его в своих интересах, прикрывая им свои агрессивные действия и вмешательство во внутренние дела бедных стран и народов».

Но «красные кхмеры» нуждались в легитимизации своего режима на международной арене. Осенью 1975 года они отправили на Генеральную ассамблею ООН Сианука, авторитет которого гарантировал признание мировым сообществом нового правительства Кампучии. Все прошло удачно. В своем выступлении на сессии ГА ООН Сианук заявил, что эвакуация населения Пномпеня в сельскую местность прошла без кровопролития, а сообщения беженцев об уничтожении военнослужащих лонноловского режима являются необоснованными.

Йенг Сари также успешно дебютировал на международной арене в качестве нового кампучийского министра иностранных дел. 5 сентября 1975 года он ознакомил Генеральную ассамблею ООН с планами «красных кхмеров» на будущее: «Экономическая политика Кампучии состоит в том, чтобы взять сельское хозяйство как базис и промышленность как доминирующий фактор. <...> Наша цель — сделать Кампучию современной сельскохозяйственной и индустриальной страной».

В последующие годы «красные кхмеры» использовали трибуну ООН для пропаганды своих достижений. Участвуя в ежегодных сессиях ГА ООН, Йенг Сари раздавал журналистам пропагандистские журналы «красных кхмеров» и организовывал сеансы китайских и северокорейских документальных

фильмов о коммунистическом строительстве в Демократической Кампучии. В его отсутствие этим занимался постоянный представитель ДК в ООН Тхиун Прасит, который в ответ на критику внутренней политики «красных кхмеров» резонно замечал: «На улицах Нью-Йорка больше терроризма, чем в Демократической Кампучии».

Йенг Сари собрал в министерстве иностранных дел Демократической Кампучии толковых и умных сотрудников. Большинство дипломатов «красных кхмеров» имели европейское университетское образование. Наконец-то Йенг Сари занялся делом, к которому готовился всю свою сознательную жизнь.

Именно Йенг Сари был главным стратегом и тактиком международной деятельности «красных кхмеров», став для мировой общественности олицетворением коммунистической Кампучии. Правой рукой Йенг Сари был Тхиун Прасит, который сопровождал его во всех зарубежных поездках. Пол Пот редко встречался с иностранцами без Йенг Сари и Тхиун Прасита.

Несмотря на высокое положение во властной иерархии «красных кхмеров», Йенг Сари не удалось уберечь свое министерство от чисток. Многих сотрудников МИДа репрессировали или сослали на перевоспитание в сельскохозяйственные коммуны. Кадровые работники «красных кхмеров» крестьянского происхождения недолюбливали интеллигентов, собравшихся в министерстве иностранных дел, обвиняя их в буржуазных наклонностях. Министр сумел защитить некоторых из своих сотрудников, но не всех.

Йенг Сари не посылал дипломатов на работу за границу, потому что боялся отправлять своих людей в капстраны. Дело дошло до того, что на одном из заседаний постоянного бюро ЦК ПКК Йенг Сари потребовал гарантий безопасности для сотрудников МИДа, назначенных на дипломатические посты за границей. Другими словами, Йенг Сари просил, чтобы дипломатов, отправляемых на загранработу, не обвинили потом в сотрудничестве с зарубежными разведками.

Годовой отчет ЦК ПКК за 1976 год содержал следующий пассаж: «Нашей единственной неудачей за границей явля-

ется нехватка кадров в революционном движении, которые способны работать в сфере иностранных дел. <...> В настоящее время мы нуждаемся в четырех-десяти новых послах». Раздел о международной деятельности писал Йенг Сари, который мог себе позволить в столь серьезном документе едва уловимую иронию по поводу кадров в революционном движении. Как раз в это время на важные административные посты в МИДе ДК были назначены безграмотные революционеры, выходцы из «лесных племен», всю свою жизнь проведшие в глухих и труднодоступных джунглях на северо-востоке Кампучии. Йенг Сари не мог посылать за границу безграмотных революционеров из крестьян по причине их абсолютной бесполезности там. Поэтому большинство заграничных дипломатических постов оставалось вакантными вплоть до свержения режима «красных кхмеров».

Начиная с сентября 1975 года, Йенг Сари организовал возвращение на родину из Европы и США кхмерских студентов и интеллектуалов, находившихся в капиталистических странах, но желавших внести вклад в построение коммунизма в Демократической Кампучии. Пик их возвращения пришелся на декабрь 1975 года, когда кхмеры прибывали из Франции и других стран Европы иногда по несколько сот человек в день.

Среди возвратившихся проводился предварительный отбор. Так, кхмеры, учившиеся в военных учебных заведениях в США, бесследно исчезали. То же самое происходило и с кхмерами, обучавшимися в советских вузах, которые не соглашались с жесткими критическими оценками социализма в СССР. С другой стороны, с кхмерами, учившимися в КНР и КНДР, обходились мягко. После курса политических лекций возвращенцы из Китая и Северной Кореи работали переводчиками с китайскими и северокорейскими специалистами и советниками, находившимися в Кампучии, или же их направили на работу в МИД ДК.

По прибытии в Пномпень в течение трех недель возвращенцы слушали лекции о политике новых властей. Причем с лекциями зачастую выступали очень высокопоставленные руководители «красных кхмеров», например, Кхиеу Самфан.

Лекции проходили в аудиториях Высшего технического института кхмеро-совесткой дружбы.

Затем возвращенцы дожны были отправляться на физические работы в сельскохозяйственные коммуны для того, чтобы вжиться в новое общество и окончательно избавиться от буржуазных привычек. Пол Пот так разъяснил смысл этого мероприятия: «Мы хотим, чтобы люди, вернувшиеся из-за рубежа, увидели основу жизни, ее источник, который никогда не пересыхает и который находится в народных массах. Мы хотим, чтобы они имели больше веры в народ, которая поможет им поверить в себя. Обретя эту веру в бесценном опыте народа, они смогут внести вклад в дело строительства родины».

Кхмерские интеллигенты возвращались из-за рубежа вплоть до декабря 1978 года, то есть за несколько недель до падения режима «красных кхмеров». Иностранных жен в Кампучию не пускали. Исключение составили две француженки, приехавшие со своими мужьями. Одна из них работала переводчицей в МИДе, а другой почему-то разрешили вернуться во Францию.

Остававшиеся в Париже кхмеры создали Комитет патриотов Демократической Кампучии, ставший неофициальным рупором «красных кхмеров» в Западной Европе. Комитет распространял в западных странах информационные материалы, приходившие из Пномпеня, а также разоблачал клеветнические измышления по поводу массовых репрессий «красных кхмеров». Пол Пот высоко оценивал деятельность Комитета: «За границей есть много кхмеров, которые являются патриотами, последовательно защищающими Демократическую Кампучию от нападок империалистов, гегемонистов, реакционеров и национальных предателей».

Первые описания зверств «красных кхмеров» появились 24—25 октября 1975 года во французском журнале «Ла Круа». Священник-миссионер Франсуа Поншо старательно записал рассказы кампучийских беженцев в Таиланде. Вскоре после этого статьи о тирании «красных кхмеров» напечатали лондонская газета «Санди Таймс», гонконгский журнал «Фар Ис

терн Экономик Ревью» и многие другие периодические издания западных стран.

Реакция «красных кхмеров» на эту кампанию нашла отражение в одном из документов МИД Демократической Кампучии: «Враги на Западе готовят открытую вооруженную агрессию». Исходя из этой предпосылки, формулировалось основное направление внешнеполитической деятельности Демократической Кампучии в отношении западных стран: «Изоляция врагов на международной арене».

Антизападная пропаганда «красных кхмеров» приобрела еще более насыщенный характер. «Радио Пномпеня» регулярно обвиняло капиталистические страны в эксплуатации Кампучии в предыдущие годы.

В апреле 1976 года кампучийские беженцы разослали в ООН, ЮНЕСКО и различные правозащитные организации послания с описаниями преступлений «красных кхмеров» против населения. Ни ООН, ни международные правозащитники не отреагировали на эти письма. Может быть, потому что беспристрастные наблюдатели подметили в рассказах беженцев красноречивую закономерность. О зверствах «красных кхмеров» говорили богатые беженцы, которые в ходе кампучийской революции лишились денег, имущества, домов, машин и приличного социального статуса. К тому же их отправили жить и работать в деревню.

Беженцы плебейского происхождения иначе оценивали деятельность «красных кхмеров». Например, один рабочий из Пномпеня находил условия работы в коммунах «не особенно суровыми, а порции еды обычно достаточными, а временами даже слишком большими». Он полагал, что у «красных кхмеров» хорошая теория, поскольку они стремились очистить общество от иностранного влияния и восстановить гордость за кхмерскую историю». А в Таиланд этот рабочий убежал потому, что ему не нравилось работать на рисовых чеках.

Еще большее впечатление произвел рассказ одного вьетнамца, который в поисках лучшей жизни также подался на Запад. Ему пришлось пройти через всю Кампучию, чтобы попасть в Таиланд. Шел он два месяца: с февраля по апрель

1976 года. Чтобы прокормиться, останавливался на два-три дня в коммунах, работал в поле, а затем шел дальше. Впервые о злодеяниях «красных кхмеров» этот вьетнамец услышал уже в Таиланде: «Я не могу этому поверить. Пройдя через всю страну, я не видел ни одного убийства или массового истребления людей. Никто никогда не говорил мне в Кампучии об этом».

Как бы там ни было, но весной 1976 года прошла волна дипломатического признания режима «красных кхмеров» западными государствами, многие из которых ограничили деятельность на своей территории антикампучийских организаций, созданных бывшими лонноловцами и беженцами. В западной прессе существенно сократилось количество публикаций о зверствах «красных кхмеров».

Специализированные организации ООН искали возможности сотрудничества с «красными кхмерами». Например, Детский фонд ООН — ЮНИСЕФ — обратился к правительству Демократической Кампучии с предложением обсудить вопрос о бесплатных поставках в Кампучию лекарств и медицинского оборудования.

Враждебность Запада к «красным кхмерам» стала более ощутимой после конференции на высшем уровне Движения неприсоединения, состоявшейся в августе 1976 года в Коломбо. В своем выступлении председатель Государственного президиума Демократической Кампучии Кхиеу Самфан призвал неприсоединившиеся страны усилить борьбу за установление нового международного экономического порядка: «Для завоевания экономической независимости и процветания, мы должны сами решать свою судьбу. Как только наша экономика станет подлинно независимой, мы сразу получим гарантии нашей политической независимости. Нынешний международный экономический порядок ведет к тому, что страны третьего мира становятся еще беднее из-за эксплуатации их богатыми странами. <...> Богатые страны стремятся сохранить старый международный экономический порядок, чтобы продолжить эксплуатацию наших стран. <...> Мы верим, что настойчивые усилия приведут к созданию подлинно независимой экономики, что является основой сплоченной

солидарности бедных стран в борьбе против старого международного экономического порядка эксплуатации со стороны богатых стран».

В принципе Кхиеу Самфан не сказал ничего нового. И до него на форумах неприсоединения говорилось о необходимости нового экономического порядка. Но все ограничивалось теоретическими рассуждениями, облеченными в форму просьбы к Западу. «Красные кхмеры» на практике доказывали возможность введения нового международного экономического порядка без согласия западных стран.

В течение 1977 года Запад приглядывался к «красным кхмерам». Некоторые капиталистические страны (Япония, Швеция, Франция) готовились к открытию посольств в Пномпене.

В марте 1978 года консульский работник французского посольства в Пекине встретился с сотрудниками посольства Демократической Кампучии. Состоялся обмен мнениями по конфликтой ситуации между Кампучией и Вьетнамом. Француз предложил посреднические услуги Парижа по нормализации кампучийско-вьетнамских отношений. Кроме этого, обсуждались перспективы восстановления дружественных отношений между двумя странами и возобновления деятельности кампучийского посольства в Париже и французского — в Пномпене. В здании французского посольства в Пномпене «красные кхмеры» организовали гостиницу, в которой останавливались кадровые работники, приезжавшие из провинций в командировки в столицу. Но не в этом заключалась главная трудность.

Кампучийцы выразили недовольство позицией Франции, которая «покровительствует кхмерским предателям и позволяет им совершать на своей территории действия, вредные для имиджа Демократической Кампучии». Французский собеседник ответил, что во Франции есть «много разных газет и политических организаций, одни из которых хвалят "красных кхмеров", а другие ругают, но ни одни, ни другие не имеют к правительству Франции никакого отношения». Француз выразил удовлетворение содержанием первой официальной встречи французского дипломата с представителями Демо-

кратической Кампучии, предпринятой по инициативе правительства Франции.

Показательно, что в этот период влиятельная парижская газета «Монд» демонстрировала предрасположенность к «красным кхмерам», осуждая агрессивную внешнюю политику Вьетнама.

Казалось, ничто не предвещало неприятностей для «красных кхмеров», как вдруг 8 марта 1978 года Комитет по правам человека ООН, сославшись на письма кампучийских беженцев, обратился к генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму с просьбой рассмотреть вопрос о нарушении прав человека в Демократической Кампучии. В августе 1978 года Комитет, изучив почти тысячу страниц свидетельств кампучийских беженцев, пришел к выводу, что «красные кхмеры» проводят политику геноцида против кампучийского народа. Реагируя на это обвинение, 16 сентября 1978 года Йенг Сари направил в ООН телеграмму: «Мы отвергаем решение комитета, которое является наглым вмешательством во внутренние дела Демократической Кампучии».

Летом 1978 года «красные кхмеры» приступили к осуществлению экономических преобразований, краеугольным камнем которых должно было стать возобновление денежного обращения в стране. С этой целью в Пномпень из коммун свозились бывшие банковские служащие. Руководителем денежной реформы назначили брата Тхиун Прасита — Тхиун Чума, который аргументировал необходимость возвращения денег: «Производство увеличилось настолько, что бартер больше не годится. Мы собираемся ввести рыночные отношения, поэтому нуждаемся в банкнотах, заказ на печатание которых уже подготовлен».

В Демократической Кампучии все взаиморасчеты производились по принципу натурального обмена. Данные о количестве риса, переданном коммунами государству, вносились в общегосударственный учетный регистр. Также как и данные о количестве произведенной продукции промышленными предприятиями. Каждое предприятие получало количество риса, эквивалентное количеству произведенной продукции

Как и каждая коммуна получала то количество промышленных товаров, которое было эквивалентно количеству переданного государству риса. Неэффективность столь громоздкой системы учета и распределения стала очевидной.

В 1978 году число промышленных предприятий невоенного назначения перевалило за семьдесят. Это были электростанции, речные судоверфи, механические и лесопильные заводы, текстильные, прядильные, швейные и красильные фабрики, авторемонтные мастерские, соляные копи, предприятия по переработке латекса, производству шин, одеял, кисейных сеток от москитов, рыболовных сетей, запчастей для велосипедов и автомобилей, электрических батарей, прохладительных напитков, растительного масла, обуви, стекла, джута, цемента, сигарет, рыбного соуса, мыла, бумаги, шелка и т.д. Управление всем этим народным хозяйством вызывало определенные сложности. Поэтому «красные кхмеры» не нашли ничего лучшего, как вернуться к деньгам. Можно сказать, что они наступали на горло своей самой пронзительной революционной песне.

Руководство ДК очень беспокоили обвинения ООН в геноциде. Успокаивало, что в августе 1978 года Швейцария установила с Демократической Кампучией дипломатические отношения. Да и заместитель Бельгийской лиги защиты прав человека профессор Франсуа Риго, посетивший Кампучию в сентябре 1978 года, по возвращении в Европу сказал, что, конечно, с правами человека у «красных кхмеров» не все в порядке, но положение не столь ужасно, как кажется в ООН.

«Красные кхмеры» прекрасно осознавали, что обвинения в геноциде могут стать предлогом для иностранного военного вторжения в Кампучию. Поэтому во второй половине 1978 года Пол Пот дал несколько интервью иностранным журналистам, в которых постарался разъяснить сущность внутренней политики ДК.

МИД ДК регулярно рассылал по миру телексы на английском и французском языках. Началось издание ежемесячного журнала «Кампучия» на кхмерском языке, который распространялся среди кхмеров, проживавших в Европе. С 30 нояб-

ря 1978 года начал выходить ежедневный «Бюллетень новостей Демократической Кампучии» на английском языке. На «Радио Пномпеня» появились выпуски новостей на европейских языках. Йенг Сари называл это «войной радиоволн».

Вся эта информационная активность должна была развеять утверждения о геноциде «красных кхмеров». Главным ударом информационного наступления «красных кхмеров» стало заявление Йенг Сари о готовности руководства Демократической Кампучии открыть страну для зарубежных журналистов.

Иностранные общественные делегации, прибывавшие в Кампучию в 1978 году, обычно возили в сельскохозяйственные кооперативы. Эти делегации состояли, как правило, из китайцев и европейцев. После осмотра сельхозугодий гостей приводили в просторное общественное помещения кооператива, где были накрыты столы для сытного и обильного обеда. Гости обедали вместе с крестьянами — членами кооператива. Особого общения не получалось, поскольку кхмерские крестьяне вообще не говорили на иностранных языках. Зато они любезно предлагали сигареты иностранцам, которые замечали, что почти каждый кхмер имел нераспечатанную пачку сигарет. После обеда членам делегаций показывали мастерские, в которых ремонтировались тракторы и другая сельскохозяйственная техника.

В октябре 1978 года Йенг Сари официально пригласил генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма посетить Демократическую Кампучию в любое удобное для него время. Руководство ДК выразило готовность показать Вальдхайму жизнь простых кампучийцев и обсудить с ним все интересующие его вопросы, в том числе и касающиеся соблюдения прав человека.

Вначале Вальдхайм сказал что-то невразумительное. Затем пресс-служба ООН распространила сообщение, что поездка Курта Вальдхайма по странам Юго-Восточной Азии запланирована на январь 1979 года. После этого уже сам Вальдхайм добавил, что поедет в Кампучию только в том случае, если его пригласит и Вьетнам. Свою позицию генсек ООН обосновал тем, что в условиях роста напряженности в ка

пучийско-вьетнамских отношениях он не может ехать только в одну из вовлеченных в конфликт стран. Правительство Вьетнама уведомило ООН, что с радостью примет у себя Курта Вальдхайма, но позже, а когда конкретно — сообщит дополнительно.

План Йенг Сари провалился. Ведь он приглашал генерального секретаря ООН в надежде предотвратить вьетнамское вторжение. Но ООН не захотела встать на пути вьетнамских дивизий в Кампучию.

АМЕРИКАНСКИЕ ПИНКИ

Переместив городское население в сельскую местность, «красные кхмеры», кроме всего прочего, разрушили агентурную сеть, выстроенную ЦРУ США по очень простой схеме.

Завербованные американцами агенты снабжались радиопередатчиками. Они должны были регулярно сообщать резиденту ЦРУ в Бангкоке о всем увиденном и услышанном при новой власти, а также распространять провокационные слухи, сеять панику среди людей, подстрекать их на массовые волнения и голодные бунты с целью дестабилизации режима «красных кхмеров». Но вся агентура сидела в городах. А всех горожан выселили в сельскохозяйственные коммуны, куда они, естественно, не могли взять с собой радиопередатчики. С паникерами и провокаторами «красные кхмеры» не церемонились. Последнее сообщение резидент ЦРУ получил в апреле 1975 года из города Компонгспы от тамошнего агента, который с горечью прокричал в микрофон: «Вы хуже, чем французы!» В итоге у ЦРУ не осталось ни одного информатора в Кампучии.

12 мая 1975 года кампучийские патрульные катера задержали в территориальных водах Кампучии американское торговое судно «Майагез». Руководство «красных кхмеров» ничего не знало об этом, потому что еще не наладило элементарную связь между регионами и столицей.

Вашингтон, не оправившийся от унизительного бегства американцев из Пномпеня, тут же объявил инцидент международным кризисом. Генри Киссинджер решил превратить заурядное происшествие в серьезную конфронтацию между Западом и Востоком в контексте холодной войны и с пафосом продекларировал: «Есть пределы, за которые США нельзя задвинуть».

Белый дом выступил с требованием немедленно отпустить «Майагез». В ответ — тишина.

Догадавшись, что «красные кхмеры» просто не слушают никаких заявлений из Вашингтона, Киссинджер отправил его текст китайцам в надежде, что те все-таки доставят его адресатам. Китайцы вернули это послание, сказав, что они, собственно говоря, ни при чем, и американцы обращаются не по адресу.

Администрация США оказалась в затруднительном положении. Дипломатические миссии покинули Пномпень. С кампучийской столицей не было никакой связи: ни почтовой, ни телеграфной, ни телефонной. Прождав сутки, президент США Джеральд Форд отдал приказ о проведении военной операции по освобождению американского судна. Боевые корабли ВМС США двинулись к кампучийскому побережью, а в воздух поднялись американские бомбардировщики.

Руководители «красных кхмеров» узнали о происходящем случайно, из передачи радиостанции «Голос Америки». В Пномпеня срочно отправили гонца с приказом немедленно отпустить «Майагез» на все четыре стороны. Рано утром 14 мая 1975 года министр информации Ху Ним зачитал по правительственной радиостанции сообщение об освобождении судна. «Красные кхмеры» не хотели нового витка конфронтации с США.

Через тридцать минут после выступления Ху Нима морская пехота США высадилась на остров Кох Танг. Морские пехотинцы натолкнулись на сопротивление отрядов «красных кхмеров», окопавшихся на острове. В это же время авиация США начала бомбардировку морского порта Компонгсаома, железной дороги, нефтеперерабатывающего завода и аэродрома. Теоретически американские самолеты прикрывали морских пехотинцев, застрявших на отдаленном острове.

Истинную подоплеку абсурдности американской бомбежки раскрыл представитель президента США, заявивший журналистам: «Это плохо, если кто-то заходит слишком далеко в попытке пнуть нас, когда мы падаем. Это дает нам шанс пнуть их в ответ — сильно». Американский «пинок» стоил жизни тридцати восьми морпехам, большинство из которых погибло уже после того, как «красные кхмеры» отпустили тридцать девять членов команды американского судна.

Еще один инцидент произошел 25 февраля 1976 года, когда неопознанные самолеты сбросили несколько бомб на город Сиемреап, в результате чего пятнадцать человек погибли, а тридцать получили ранения. «Красные кхмеры» приписали эту «варварскую бомбардировку» ВВС США, хотя Белый дом и выступил с опровержением.

Вероятно, это и вправду не были американские самолеты, поскольку как раз в это время руководство США прилагало усилия по нормализации отношений с Демократической Кампучией. Так, принимая 26 ноября 1975 года в Вашингтоне министра иностранных дел Таиланда Чатичай Чонхавана, государственный секретарь США Генри Киссинджер сказал ему: «Вы должны сообщить камбоджийцам, что мы будем их друзьями, несмотря на то, что они — жестокие головорезы. Мы готовы к улучшению отношений с ними».

Улучшение отношений между США и Демократической Кампучией началось в 1976 году, когда «красные кхмеры» купили у американской фармацевтической компании Montrose Chemical Corporation четыреста тонн противомалярийных медикаментов, за которые заплатили 450 тысяч долларов. Эта сделка стала возможной благодаря специальному разрешению правительства США, которое в 1975 году наложило запрет на любые торгово-экономические связи с Кампучией. Американская администрация объяснила свои действия гуманитарными соображениями.

Во второй половине 1976 года американская благотворительная организация American Friends Service безвозмездно передала в Китае «красным кхмерам» еще одну партию медикаментов. В 1977 году «красные кхмеры» договаривались сразу с несколькими американскими фирмами о поставках в Кампучию лекарств и медицинского оборудования, несмотря на то, что в том же 1977 году Палата представителей Конгресса США проголосовала за введение экономического эмбарго против Демократической Кампучии.

Вашингтон явно искал пути сближения с «красными кхмерами», которые, со своей стороны, были заинтересованы в закупках на рынках западных стран индустриального оборудования.

В октябре 1976 года эмиссары «красных кхмеров», тайно прибывшие в Гонконг через Пекин, зарегистрировали там фирму «Рен Фунг», созданную специально для торговли с капиталистическими странами. В фирме работало всего два человека — директор Ван Рит и секретарша Хо Хат, — которые категорически отрицали связь «Рен Фунг» с Демократической Кампучией.

Спецслужбы США и Великобритании, зная, что за фирмой «Рен Фунг» стоят «красные кхмеры», не препятствовали ее сделкам с западными бизнесменами.

Главным внешнеторговым партнером Демократической Кампучии в капиталистическом мире стала Великобритания: или напрямую, или же через свою азиатскую колонию — Гонконг.

В 1977—78 годах не установленная пока британская фирма продавала «красным кхмерам» в больших количествах продукцию химической промышленности, необходимую для производства каучука. Эти поставки включали лимонную и муравьиную кислоту, сернокислый алюминий, интексициды, калийные квасцы, а также специальные химикаты для обработки каучука.

Через Гонконг проходило 90% внешнеторгового оборота «красных кхмеров» с капиталистическими странами, который в 1976—78 годах достиг почти 25 миллионов долларов. «Красные кхмеры» покупали в Гонконге медикаменты, витамины, муку, картофель, засоленное мясо, нефтепродукты, минеральные удобрения, опрыскиватели, электрооборудование, батарейки, продукцию химической, металлургической и машиностроительной промышленности, комплектное оборудование для фармацевтической фабрики, предприятий по производству каучука и других промышленных объектов, систем коммуникаций, инструменты, запчасти к автомобилям и другим транспортным средствам, мотоциклы, мешки, шпагат, киноаппаратуру и кинопленку.

Демократическая Кампучия продавала в Гонконг каучук, рис, рыбу и некоторые другие товары растительного и животного происхождения.

В октябре 1976 года президент США Джимми Картер выступил с внешнеполитической инициативой, направленной

на нормализацию отношений с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией. Он послал в Индокитай специальную делегацию для обсуждения с руководством индокитайских стран проблемы американских военнослужащих, пропавших без вести во время войны. Вьетнам и Лаос доброжелательно отреагировали на инициативу Картера.

А «красные кхмеры» проигнорировали просьбу Вашингтона разрешить делегации посетить Пномпень. В Лаосе американцы предприняли последнюю попытку попасть в Демократическую Кампучию. Представитель госдепартамента США пошел к кампучийскому посольству во Вьентьяне, чтобы передать письмо с просьбой о посещении Кампучии. Американцу пришлось полчаса бродить вокруг посольства, пока его калитка наконец-то чуть приоткрылась. В щель просунулась женская рука, забрала конверт, после чего дверь вновь герметично закрылась.

Ответа от «красных кхмеров» американцы так и не дождались, если не считать ответом комментарий «Радио Пномпеня»: «Кампучийский народ кипит гневом против американских империалистов и их прихвостней. Поскольку кампучийский народ любит независимость, суверенитет и свободу, он не может разрешить американским империалистам направить делегацию в Демократическую Кампучию».

Поскольку кампучийское руководство демонстративно пренебрегало всеми попытками политико-дипломатического сближения, предпринятыми администрацией США, то американцы озаботились нарушением прав человека в Кампучии.

В конце 1976 года член Палаты представителей Конгресса США Стефен Соларз поехал в Таиланд, где внимательно выслушал рассказы кампучийских беженцев о злодеяниях «красных кхмеров». Вернувшись в Вашингтон, Соларз добился разрешения на внеочередной въезд в США для почти всех беженцев, рассказывавших об ужасах правления «красных кхмеров». Кроме того, он потребовал провести в Конгрессе США слушания по нарушениям прав человека в Демократической Кампучии. Главными свидетелями на этих слушаниях выступили кампучийские беженцы, которых Соларз привез с собой из Таиланда.

В мае 1977 года Конгресс США рекомендовал государственному департаменту осудить режим Демократической Кампучии. Но администрация президента Картера ограничилась выражением озабоченности по поводу нарушений прав человека «красными кхмерами».

Как раз в это время на авансцену американской внешней политики вышел новый советник президента США по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский, обнаруживший очень большой потенциал в кампучийско-вьетнамском противостоянии, который давал Америке шанс на политический реванш в Индокитае. Бжезинский придал пограничному конфликту между Кампучией и Вьетнамом значение противоборства двух социалистических супердержав — Советского Союза и Китая. В первом публичном выступлении по Индокитаю Бжезинский объявил, что СССР и КНР борются друг с другом с помощью, соответственно, Вьетнама и Кампучии, и назвал кампучийско-вьетнамский конфликт «войной по доверенности» между Советским Союзом и Китаем.

Заявления Бжезинского возмутили государственного секретаря США Сайроса Вэнса, который не обладал никакими объективными данными, подтверждавшими провокационные выступления президентского советника. Между Вэнсом и Бжезинским вспыхнула нешуточная ссора.

Американская дипломатия под руководством Вэнса работала как раз над тем, чтобы не допустить втягивания Китая и Советского Союза в кампучийско-вьетнамский конфликт, что было чревато серьезными осложнениями для всей системы международных отношений. Бжезинский придерживался прямо противоположной точки зрения. Он полагал, что чем ярче разгорится война между Вьетнамом и Кампучией, и чем глубже будут втянуты в нее КНР и СССР, тем лучше для стратегических интересов США в Юго-Восточной Азии.

К началу 1977 года в военных и разведывательных кругах США созрело убеждение, что во внешней политике Демократической Кампучии антивьетнамский национализм превалирует над марксизмом. Это превращало «красных кхмеров» в потенциальных партнеров Белого дома. Американцы не только закрыли глаза на перегибы «красных кхмеров», но

даже подретушировали международный имидж Демократической Кампучии.

В 1977 году Совет по внешней политике США издал научный труд, в котором «принудительное перемещение кампучийцев после апреля 1975 года», совершенное «красными кхмерами», классифицировалось всего лишь как «нежелательная модель решения проблемы неконтролируемой урбанизации азиатских городов».

Однако, 4 марта 1978 года правительства Австралии, Норвегии, Канады и Великобритании обратились в Комитет по правам человека ООН с предложением рассмотреть вопрос о нарушении прав человека в Демократической Кампучии. 18 апреля 1978 года парламент Канады принял заявление с осуждением геноцида «красных кхмеров» против собственного народа. Соединенные Штаты были вынуждены присоединиться к международной кампании протеста против внутренней политики «красных кхмеров».

21 апреля 1978 года президент США Джимми Картер назвал правительство Демократической Кампучии наихудшим нарушителем прав человека в современном мире. Четыре месяца спустя сенатор Джордж МакГоверн, всерьез воспринявший слова Картера, предложил направить в Кампучию международные силы гуманитарного вмешательства для свержения режима «красных кхмеров». Но администрация США проигнорировала этот призыв.

Збигнев Бжезинский раскручивал в Кампучии совсем иную комбинацию. В мае 1978 года в Пекине Бжезинский обсуждал с китайскими руководителями перспективы сотрудничества между США и Китаем «по таким вопросам, как помощь усилиям стран Юго-Восточной Азии воспрепятствовать советской поддержке вьетнамского экспансионизма». Бжезинский объявил о новом американском подходе, который выражался в поддержке усилий Китая по противодействию глобальной и региональной гегемонии. Кроме того, Бжезинский попросил китайцев помочь американцам установить политический контакт с «красными кхмерами».

Летом 1978 года США и КНР провели секретные переговоры, на которых обсуждалась координация действий по ока-

ние помощи «красным кхмерам» в войне с Вьетнамом. Позже китайские руководители оправдывали данный внешнеполитический сговор с американцами тем, что США имели больше возможностей для «поддержания мира в Юго-Восточной Азии и сдерживания экспансии социал-империализма».

В ноябре 1978 года в Бангкоке Дэн Сяопин вел секретные переговоры с американскими представителями о налаживании сотрудничества между агентурой ЦРУ в Таиланде и «красными кхмерами» в целях их совместной борьбы с вьетнамцами.

К осени 1978 года тональность заявлений американских представителей о положении в Демократической Кампучии заметно смягчилась. Так, 25 октября 1978 года, отвечая на вопросы журналистов о наличии народных восстаниях в Кампучии против «красных кхмеров», заместитель госсекретаря США сказал: «Наша информация так же ограничена, как и ваша. ...>Если восстания и есть, то они имеют очень и очень фрагментарный характер. <...> Поэтому я не могу высказать официального мнения по этому вопросу».

Американские эксперты не разделяли опасений китайских коллег по поводу масштабов ожидавшегося вьетнамского вторжения в Кампучию. Аналитики ЦРУ полагали, что вьетнамские войска остановятся в восточной части страны, создав там плацдарм для более позднего наступления на Пномпень. Вполне вероятно, что китайцы ознакомили «красных кхмеров» с американскими выводами, которые придали уверенности руководству Демократической Кампучии в его конфронтации с Вьетнамом.

«Красные кхмеры» хотели заручиться более существенной политико-дипломатической поддержкой Вашингтона. Поэтому в декабре 1978 года они пригласили в Демократическую Кампучию двух американских журналистов: Ричарда Дадмэна из сент-луисской «Пост-Диспач» и Элизабет Бэккер из «Вашингтон Пост». Во время второй индокитайской войны они работали в Пномпене, критиковали войну США в Индокитае и демонстрировали определенную благосклонность к «красным кхмерам».

Ричард Дадмэн был опытным и авторитетным международным корреспондентом. В 1970 году «красные кхмеры» за-

держали его в районе боевых действий, но через сорок дней отпустили. В 1978 году Дадмэн готовился уйти на заслуженный отдых. Поездка в Демократическую Кампучию венчала его блестящую журналистскую карьеру.

Элизабет Бэккер «красные кхмеры» пригласили потому, что она представляла влиятельную американскую газету «Вашингтон Пост». Перед поездкой в Пномпень Бэккер консультировали эксперты по кампучийским делам в государственном департаменте, министерстве обороны и ЦРУ США. «Красные кхмеры» считали Бэккер агентом американской разведки.

Личным переводчиком и гидом Дадмэна и Бэккер был Тхиун Прасит. Уже один этот факт свидетельствовал о той важности, которую руководство Демократической Кампучии придавало приезду американских журналистов. Лидеры «красных кхмеров» очень хотели довести свои взгляды до правительства США.

Во время часовой беседы Пол Пот рассказывал американским гостям о заговоре Вьетнама и Советского Союза по уничтожению Демократической Кампучии. Пол Пот, одетый в серебристый костюм китайского стиля, говорил без бумажки, ни разу не повысив голоса, медленно, с мягкими и убеждающими интонациями: «Мы очень хотим мира, чтобы строить нашу страну».

Бэккер нашла Пол Пота «физически хорошо сложенным мужчиной с изящным и приятным лицом, не красивым, но привлекательным, с отполированными жестами и манерами». Дадмэн отметил «почти паучьи» руки вождя «красных кхмеров». Свой монолог об агрессивной сущности Вьетнама Пол Пот закончил фантастическим сценарием битвы армий стран советского блока и НАТО на полях сражений в Кампучии. Пол Пот надеялся получить от США политико-дипломатическое прикрытие в грядущей войне.

Помимо интервью с Пол Потом, «красные кхмеры» подготовили для Дадмэна и Бэккер разнообразную программу поездок по Кампучии, чтобы они своими глазами увидели строительство кампучийского коммунизма.

Ричард Дадмэн опубликовал в Австралии свои впечатления о революции «красных кхмеров»: «Я не видел никаких признаков голодания. Я видел сотни простых кампучийцев. ... По моим наблюдениям, они питались адекватно. <...> Более существенный признак отсутствия голода — обычный вид игривых маленьких детей, у которых не было ни апатии, ни вздутых животов, являющихся признаками голодания или недоедания. <...> Я видел сотни взрослых людей с хорошим здоровьем, много беременных женщин и кормящих матерей, вид которых опровергал сообщения кампучийских беженцев о том, что из-за суровых условий жизни большинство женщин стало бесплодными».

Похожая тональность угадывалась и в статьях Элизабет Бэккер, также опубликованных в Австралии: «Перед поездкой в Кампучию все мне говорили о том, как плохо работает [экономическая] система. Я была удивлена общим уровнем производства в стране. ... Я вынуждена признать, что экономическая система, кажется, работает». Публикации Бэккер появились и в США в «Вашингтон Пост». Правда, в этих статьях Бэккер ничего не писала о работающей экономической системе «красных кхмеров», сконцентрировав внимание на подготовке вьетнамского вторжения в Кампучию.

В декабре 1978 года США и КНР установили дипломатические отношения. «Красные кхмеры» очень надеялись, что американо-китайское сближение поможет их борьбе с вьетнамской экспансией. В последующие годы эти надежды полностью оправдались.

ТРЕТЬЯ ИНДОКИТАЙСКАЯ ВОЙНА

7 января 1979 года вьетнамские войска вступили в Пномпень, положив конец правлению «красных кхмеров». В тот же день была провозглашена Народная Республика Кампучии (НРК). Эти события вызвали неоднозначную реакцию мирового сообщества. Государства — члены Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в совместном заявлении от 12 января 1979 года выразили сожаление в связи с вооруженным вторжением Вьетнама в Кампучию, подрывавшим ее независимость, суверенитет и территориальную целостность.

21 января 1979 года правительство Таиланда объявило о признании «красных кхмеров» единственными законными представителями Кампучии. Руководители «красных кхмеров» получили право свободного проживания и передвижения по Таиланду, а также беспрепятственного выезда и возвращения в страну.

8 январе 1979 года два члена политбюро ЦК Коммунистической партии Китая тайно посетили Бангкок, где обсудили с тайским руководством варианты финансовой, военной, экономической и политической помощи «красным кхмерам». Китай и Таиланд заключили секретный договор, в соответствии с которым на бывшей американской военной базе Такхли создавался оперативный центр по координации деятельности китайских спецслужб в Юго-Восточной Азии. Китайские транспортные самолеты могли использовать военные аэродромы ВВС Таиланда для переброски «красным кхмерам» оружия и боеприпасов. Китай брал на себя обязательства поставлять таиландской армии современное вооружение, а также принимать участие в боевых действиях в случае вооруженного нападения Вьетнама на Таиланд.

Кроме того, Пекин обязался прекратить всякую поддержку Коммунистической партии Таиланда. В июне 1979 года КПТ

предложила таиландскому правительству временное сотрудничество против угрозы вьетнамской экспансии, а 11 июля 1979 года радиостанция Компартии Таиланда, находившаяся в Китае, прекратила вещание.

Таиланд разрешил «красным кхмерам» создавать базы на таиландской территории вблизи границы с Кампучией. Командование вооруженных сил Таиланда обязалось оказывать всемерную помощь отрядам «красных кхмеров» при подготовке и проведении боевых и террористических акций против армии НРК и вьетнамских войск, расквартированных в Кампучии.

27 июня 1979 года таиландские власти выделили на территории Таиланда в районе города Трат специальную зону для политического руководства «красных кхмеров» во главе с Пол Потом. Туда же для обучения командиров «красных кхмеров» прибыли китайские военные инструкторы. Таиландское правительство расчитывало, что «красные кхмеры» создадут подобие санитарного кордона вдоль кампучийско-таиландской границы, что воспрепятствует выдвижению вьетнамской армии непосредственно к территории Таиланда.

Сингапур полностью поддержал действия Таиланда. В то же время, премьер-министр Малайзии Датук Хуссейн и президент Индонезии Сухарто в марте 1980 года подписали совместную декларацию, в которой выразили обеспокоенность по поводу активного вмешательства Китая и СССР в кампучийский конфликт. Джакарта и Куала-Лумпур продемонстрировали недовольство чрезмерным политическим влиянием великих держав на дела Юго-Восточной Азии. В индонезийско-малайзийской декларации предлагался фундаментальный принцип региональной дипломатии: страны ЮВА должны сами решать проблемы региона без доминирующей роли супердержав.

Ряд стран АСЕАН, и в первую очередь Индонезия, разделяли неприятие Вьетнамом великодержавных устремлений Китая в ЮВА. Это заложило основу дипломатичес- кого сближения между Джакартой и Ханоем. Индонезийцы и вьетнамцы решили совместно искать такое решение кампучийской проблемы, которое удовлетворяло бы страны АСЕАН и Вьетнам.

Тем не менее, в июне 1980 года на конференции в Куала-Лумпуре министры иностранных дел стран АСЕАН подтвердили признание правительства Демократической Кампучии в качестве законного представителя Кампучии в Организации Объединенных Наций. Страны АСЕАН также высказались против политико-дипломатического признания режима, установленного в Пномпене вьетнамскими силами, то есть НРК, и осудили вьетнамское военное вмешательство в дела Кампучии.

Добившись дипломатического успеха на региональном уровне, в конце 1979 года «красные кхмеры» предприняли меры по своей политической реабилитации на Западе. Сначала это попытался сделать Пол Пот, давший несколько интервью западным корреспондентам. В том числе и японскому журналисту Наоки Мабучи — тому самому, который в 1976 году нелегально пробрался в Кампучию и подружился с «красными кхмерами». Отвечая на вопрос о массовых убийствах в Демократической Кампучии, Пол Пот сказал: «Только несколько тысяч кампучийцев, возможно, умерли из-за некоторых ошибок в осуществлении нашей политики, направленной на обеспечение высокого уровня благосостояния населения». После этого Пол Пот на много лет стал недоступен журналистам.

В 1979 году правозащитники потребовали предать Пол Пота суду международного трибунала в Гааге за геноцид против кампучийского народа. Это требование не услышали ни в Бангкоке, ни в Пекине, ни в Вашингтоне.

Тем не менее, Пол Пот передал функции политического лидерства Кхиеу Самфану, который летом 1980 года в интервью западным журналистам сказал: «Пол Пот — искренний патриот, и народ это знает. Сейчас он осуществляет командование в военной области, но ни он, ни армия не имеют полномочий в политических делах». Йенг Сари более понятно объяснил причины рокировки в высшем руководстве «красных кхмеров»: «Имя Пол Пота плохо воспринимается мировым общественным мнением».

Одновременно Кхиеу Самфан объявил об исчезновении социалистической перспективы в Кампучии, а также о демократизации и либерализации движения «красных кхмеров».

7 декабря 1981 года «красные кхмеры» обнародовали «Политическую программу Демократической Кампучии». Пообещав принять демократическую систему правления и не строить в Кампучии ни социализм, ни коммунизм, «красные кхмеры» объявили о роспуске Коммунистической партии Кампучии и создании вместо нее Партии Демократической Кампучии социал-демократической направленности, согласной на введение в Кампучии свободного капитализма.

Реальная власть в руководстве «красных кхмеров» по-прежнему концентрировалась у Пол Пота и его ближайшего окружения: Нуон Чеа, Йенг Сари, Та Мока и Сон Сена, образовавших политбюро Партии Демократической Кампучии, в то время как номинальный лидер «красных кхмеров» Кхиеу Самфан стал всего лишь кандидатом в члены политбюро. Пол Пот оставался главнокомандующим боевыми отрядами «красных кхмеров», которые официально именовались Национальной армией Демократической Кампучии.

Политическая мимикрия «красных кхмеров» никого не ввела в заблуждение. Именно поэтому Франция, осуждая вьетнамизацию Кампучии, отвергла заигрывание с «красными кхмерами». Разъясняя позицию Парижа, французский министр иностранных дел Ролан Дюма сказал: «Ни один политик во Франции не может представить возможность встречи или переговоров с Пол Потом». Французы презирали Сианука, который продолжал тесно сотрудничать с «красными кхмерами».

Но большинство западных государств акцептировало «красных кхмеров» в качестве важнейших участников процесса урегулирования кампучийской проблемы, проголосовав за сохранение места Кампучии в ООН за представителями Демократической Кампучии. Франция воздержалась, резонно заявив, что это решение Генеральной ассамблеи ООН фактически означает международную легитимизацию движения «красных кхмеров». Однако максимум, чего сумел добиться Париж — нейтралитета Европейского союза в кампучийском конфликте. ЕС не признавал ни провьетнамское правительство НРК, ни правительство Демократической Кампучии «красных кхмеров».

Неприглядный образ «красных кхмеров» потенциально мог привести к серьезным неприятностям для их зарубежных покровителей. Рано или поздно встал бы вопрос, почему ведущие западные государства поддерживают организацию, обвиненную в совершении ужасных преступлений против человечности. Прямым текстом эти опасения сформулировал министр иностранных дел Филиппин Карлос Пенья Ромуло, заявивший по поводу сотрудничества с «красными кхмерами»: «Нас ожидает кризис в ООН по вопросу о представительских полномочиях Кампучии».

Для предотвращения этого кризиса в июле 1982 года было создано Коалиционное правительство Демократической Кампучии (КПДК), в которое вошли «красные кхмеры» и еще две кхмерские группировки. Одну из них возглавил Сианук. Во главе второй встал прозападный кхмерский политик Сон Сана, ориентировавшийся на Соединенные Штаты. КНР, США и страны АСЕАН нашли выход из щекотливого положения. Теперь они могли заявлять, что поддерживают силы кхмерского сопротивления, а не «красных кхмеров».

После сформирования КПДК практически все западные правозащитные организации во главе с такой авторитетной структурой, как Международная амнистия много лет не вспоминали о преступлениях «красных кхмеров» против кампучийского народа.

Франция так и не признала КПДК из-за присутствия в нем «красных кхмеров».

А та же Япония, после создания КПДК возобновила активные контакты с лидерами «красных кхмеров». Связи с КПДК поддерживали многие общественные организации Японии: Центр за спасение Кампучии, Японское движение за мир и демократию, Японский комитет за спасение кхмерских беженцев, Японский комитет международной конференции по Кампучии и другие. Сначала руководителей «красных кхмеров» (Кхиеу Самфана и Йенг Сари) японцы принимали на неофициальном уровне, а затем перешли и на официальный. Чаще других в Токио приезжала секретарь министерства иностранных дел Демократической Кампучии, председатель Красного Креста Демократической Кампучии Йенг Тхирит. В ходе своих

официальных визитов она обсуждала с представителями министерства иностранных дел Японии формы экономического и политического давления на Вьетнам.

Кампучийская проблема решалась не за столом дипломатических переговоров, а на поле боя.

С помощью Китая и стран АСЕАН «красные кхмеры» восстановили боеспособность своей партизанской армии, которая насчитывала до пятидесяти тысяч бойцов. США и Великобритания вооружили отряды Сон Сана численностью до пятнадцати тысяч человек. Сианукисты выставили приблизительно двадцать тысяч боевиков.

В 1987 году спецслужбы Таиланда, Сингапура и Малайзии с помощью ЦРУ США создали Кампучийскую рабочую группу (KWG — Kampuchean Working Group), которая занималась поставками оружия, составлением планов сражений и сбором разведывательной информации для вооруженных формирований КПДК. Малазийцы проводили военную подготовку командного состава. Сингапурцы закупали оружие и военное снаряжение в Германии, Бельгии, Южной Корее, Швеции и на Тайване. Тайцы контролировали две пропагандистские радиостанции KWG, вещавшие на Кампучию. Штаб-квартира KWG находилась в Бангкоке, а представительства — в Париже, Бонне и Токио.

Командование таиландской армии развернуло полномасштабное сотрудничество с «красными кхмерами». Тайские военные строили лагеря для кампучийских беженцев, численность которых на территории Таиланда к середине 1980-х годов составила примерно двести шестьдесят тысяч человек. Именно лагеря беженцев являлись основным источником рекрутов в отряды «красных кхмеров». Военная служба там была обязательна с шестнадцати лет. Половина обитателей лагерей беженцев состояла из юношей призывного возраста. Показатель рождаемости составлял пять процентов. Лишь шесть тысяч беженцев смогли найти хоть какую-то работу. С учетом этих обстоятельств «красные кхмеры» располагали практически неисчерпаемым источником пополнения живой силой своих вооруженных отрядов.

Влиятельной группой поддержки «красных кхмеров» были таиландские бизнесмены, которые с помощью «красных кхмеров» нелегально вывозили из Кампучии ценные породы тропической древесины и драгоценные камни. Ежегодный доход «красных кхмеров» от контрабандной торговли этими ходовыми товарами достигал ста миллионов долларов.

24 августа 1985 года появилось решение руководства «красных кхмеров» за подписью Кхиеу Самфана о том, что гражданские и военные кадры Партии Демократической Кампучии должны освобождать занимаемые посты по достижении шестидесяти лет, после чего они могли работать советниками, профессорами, экспертами или дипломатами. Это решение приурочили к шестидесятилетнему юбилею Пол Пота, который 3 сентября 1985 года стал директором Высшего института национальной обороны, обязанности которого заключались в том, чтобы наблюдать, рассматривать, исследовать и составлять рекомендации по вопросам национальной обороны. Вместо Пол Пота главнокомандующим Национальной армией Демократической Кампучии назначили Сон Сена, бывшего министра обороны Демократической Кампучии.

До 1989 года армии «красных кхмеров» и прочим формированиям КПДК противостояли вьетнамские войска. Численность вьетнамских военнослужащих в Кампучии сокращалась ежегодно и составляла в 1979 году — 224 тысячи, в 1982 году — 180 тысяч, в 1983 год — 150 тысяч, в 1987 год — 120 тысяч, в 1988 год — 100 тысяч, в начале 1989 года — 50 тысяч человек. В сентябре 1989 года Вьетнам полностью вывел свои войска из Кампучии. Динамика сокращения вьетнамских войск являлась своеобразным индикатором укрепления режима НРК.

За десять лет вьетнамцы создали, обучили и вооружили многочисленную и боеспособную Народно-революционную армию Кампучии численностью более ста тысяч солдат. Кроме того, были сформированы силы местной самообороны численностью более двухсот тысяч человек.

Уже в середине 1980-х годов армия НРК могла самостоятельно нейтрализовать подрывную деятельность «красных кхмеров», которую премьер-министр НРК Хун Сен охаракте-

ризовал следующим образом: «После тяжелого поражения 7 января 1979 года «красные кхмеры» закрепились на западе Кампучии. Начиная с этого времени, при постоянной помощи китайских гегемонистов и реакционных сил в правящих кругах Таиланда, враг построил и укрепил много баз вдоль кампучийско-таиландской границы. Часть этих баз находится на кампучийской территории, часть — непосредственно на границе, часть — на территории Таиланда. Эти базы имеют не только военное значение, там созданы административные, экономические, политические, дипломатические и общественные организационные структуры. <...> Внутри страны враг проводит деятельность по привлечению на свою сторону населения. Создает тайную сеть агентуры. По замыслу врага, его агенты должны проводить активные действия с целью свержения революционной государственной власти».

О выводе вьетнамских войск из Кампучии заговорили в ноябре 1984 года после редакционной статьи в главной газете Вьетнама «Нян Зан», в которой указывалось: «Вьетнамские силы уйдут из Кампучии, когда опасность возвращения к власти Пол Пота будет устранена, а безопасность Кампучии полностью гарантирована».

К апрелю 1985 года вьетнамские войска и армия НРК уничтожили все базы «красных кхмеров» на территории Кампучии. Тяжелые поражения вынудили «красных кхмеров» объявить о том, что они прекратят военные действия после того, как Ханой подпишет соглашение о выводе вьетнамских войск из Кампучии.

В этот момент на политическую арену третьей индокитайской войны вышел новый игрок — Австралия.

В марте 1985 года австралийский министр иностранных дел Билл Хэйден провел переговоры с министром иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Тхатем и с премьер-министром НРК Хун Сеном, который сделал принципиально важное заявление: «Мы готовы пойти на уступки Сианука и другим деятелям кхмерской оппозиции, если они согласятся объединиться с нами для устранения Пол Пота». Австралия предложила компромиссную формулу решения кампучийской проблемы: мирные соглашения правительства НРК с группировками

Сианука и Сон Сана за счет выведения «красных кхмеров» из процесса кампучийского урегулирования.

В июне 1986 года Билл Хейден впервые на официальном уровне предложил провести международный суд над Пол Потом и его ближайшим окружением за преступления геноцида, совершенные в Демократической Кампучии. Это предложение поддержали министры иностранных дел Малайзии и Индонезии. Казалось, что Австралия сможет взять на себя бремя регионального политического лидера, увлечь своими инициативами страны Юго-Восточной Азии и добиться мирного решения кампучийской проблемы без вмешательства США и Китая.

Но американцы торпедировали начинания Австралии. США хотели, чтобы кампучийская проблема решалась по сценарию, написанному в Вашингтоне. С этой целью американские представители, со ссылкой на разведывательные данные ЦРУ США, распространили в столицах стран Юго-Восточной Азии дезинформацию о соотношении сил между НРК и КПДК.

Согласно американским предсказаниям, после вывода вьетнамских войск из Кампучии правительство НРК во главе с Хун Сеном должно было продержаться под ударами «красных кхмеров» не более семи месяцев. Поэтому американцы разработали иезуитский план решения кампучийской проблемы: а) добиться вывода вьетнамских войск из Кампучии, одновременно наращивая боевую мощь «красных кхмеров» и прочих формирований КПДК; б) свергнуть правительство НРК с помощью «красных кхмеров»; в) сформировать новое правительство Кампучии из сианукистов и сонсановцев с параллельным выводом из политической игры «красных кхмеров» путем передачи их лидеров международному трибуналу, который осудил бы их за преступления геноцида.

Реализации американского плана способствовала и перестройка внешней политики СССР, начатая генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым.

28 июля 1986 года во Владивостоке Горбачев поведал миру о новой стратегии Советского Союза в Азии. Говоря о кампучийской проблеме, Горбачев подчеркнул, что СССР хочет дружить не только с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, но

и со всеми странами Юго-Восточной Азии, а также с Китаем. Советский лидер предложил простую формулу решения кампучийского кризиса: «Здесь [в кампучийской проблеме], как и в других проблемах Юго-Восточной Азии, многое зависит от нормализации китайско-вьетнамских отношений». Другими словами, за обещание Пекина нормализовать китайско-советские отношения Горбачев отдавал Индокитай на откуп Китаю, фактически бросая на произвол судьбы союзников Москвы — Вьетнам, Лаос и Кампучию.

Реализацией новой советской стратегии в Индокитае занялся заместитель министра иностранных дел СССР Игорь Рогачев, который уговорил руководство Вьетнама и НРК пойти на уступки по всем принципиальным вопросам кампучийского урегулирования.

Переломным моментом в изменении позиции СССР по кампучийской проблеме стал визит в Китай в 1989 году министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе. Он подписал с министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем совместное заявление по проблеме кампучийского урегулирования, основные положения которого сводились к следующему: «Обе стороны считают, что все заинтересованные государства должны осуществлять постепенное сокращение военной помощи любой из кампучийских сторон вплоть до ее полного прекращения. СССР и КНР приветствуют диалог между кампучийскими сторонами на основе национального примирения. ... Советская и китайская стороны выступают за то, чтобы не было возвращения в Кампучии к политике и практике недавнего прошлого».

Окончательно эти договоренности были скреплены в ходе визита в Пекин в мае 1989 года Михаила Горбачева. Советский лидер и председатель Госсовета КНР Дэн Сяопин подписали совместное заявление с выражением поддержки суверенной и нейтральной Кампучии, а также с взаимными обязательствами СССР и КНР гарантировать независимость и нейтралитет Кампучии.

Среди великих держав только Франция старалась руководствоваться в процессе кампучийского урегулирования гуманистическими, а не геостратегическими расчетами.

В ноябре 1987 года близ Парижа прошла первая неформальная встреча между премьер-министром НРК Хун Сеном и Сианук, знаменовавшая собой начало процесса национального примирения в Кампучии. Выступая в качестве посредника, Франция инициировала процесс мирного решения кампучийской проблемы без участия «красных кхмеров».

В дальнейшем между Хун Сеном и Сианук состоялось еще несколько неформальных встреч, на которых обговаривались принципиальные вопросы кампучийского урегулирования. Все они проходили в окрестностях французской столицы. Однако сын Сианука — Ранаридх, находившийся под американским влиянием, — уговорил папу не порывать с «красными кхмерами». Поддавшись американскому и китайскому давлению, 28 февраля 1988 года Сианук прервал серию встреч с Хун Сеном и вернулся в Пекин.

Инициатива Франции не на шутку перепугала «красных кхмеров». Если бы примеру Парижа последовали и другие великие державы, то это предрешило бы политическую изоляцию «красных кхмеров».

Стремясь не допустить подобного развития событий, летом 1988 года «красные кхмеры» пустили слух, что Пол Пот, Та Мок и Йенг Сари, имена которых ассоциировались с массовыми убийствами в Демократической Кампучии, желая полностью отойти от дел, обратились к видным представителям таиландской армии с просьбой помочь им получить политическое убежище в Таиланде. Таким способом «красные кхмеры» надеялись нейтрализовать обвинения в геноциде. Кроме того, «красные кхмеры» отказались от герба, флага и государственного гимна Демократической Кампучии.

Десять лет международная общественность почти ничего не знала о жизни Пол Пота. К этому времени он развелся с Кхиеу Поннари, которая сошла с ума, и женился на девушке, которая была младше его на тридцать лет. Молодая жена родила Пол Поту дочку. Вождь кампучийской революции вел уединенный образ жизни, разъезжая по джунглям между базами «красных кхмеров» на белом джипе с затемненными стеклами.

Однажды, прогуливаясь по Пекину, один западный журналист увидел в витрине фотоателье семейную фотографию и узнал в главе семейства Пол Пота, который очень сильно сдал — заметно поседел и постарел. Казалось, все, даже внешний облик, свидетельствовало о превращении Пол Пота в политический труп.

Уйдя в тень, Пол Пот по-прежнему держал в своих руках рычаги реального управления «красными кхмерами». Штаб-квартира Пол Пота — «бюро 87» — находилась на таиландской территории около города Трат. Участок окружали два ряда колючей проволоки. А охранял многочисленный отряд «красных кхмеров». На подступах к зоне располагались посты тайской армии. Поселение состояло из двух жилых домов для Пол Пота с семьей, шести бараков для гостей, кухни и столовой.

«Бюро 87» очень напоминало отшельническое место, а политические собрания — какие-то эзотерические бдения. Самого Пол Пота сравнивали с лесным монахом, адептом медитации, размышлявшим вслух перед гостями. Выступая в 1988 году на секретном совещании кадровых работников, Пол Пот сказал: «Наше движение отказалось от кожицы, но не от плода внутри. <...> Политика изменилась, но наш дух остается прежним. <...> Когда вода поднимается — рыбы едят муравьев, но когда вода спадает, то муравьи поедают рыб».

Уловки «красных кхмеров» не работали. В июле 1988 года в столице Индонезии Джакарте состоялась неформальная встреча с участием представителей всех стран-членов АСЕАН, Вьетнама, Лаоса, НРК и КПДК с целью обмена мнениями по принципам кампучийского урегулирования. Неожиданно для «красных кхмеров» на джакарт-ской встрече была принята жесткая формулировка о необходимости принятия мер по предотвращению «повторения направленной на геноцид политики и практики режима Пол Пота». Впервые на межгосударственном уровне, пусть и в неофициальном формате, «красные кхмеры» обвинялись в проведении политики геноцида, что практически исключало их участие в будущем правительстве Кампучии. В этом и состояла задумка Индонезии,

которая активно поддержала усилия Франции по политической изоляции «красных кхмеров».

В сентябре 1988 года французский президент Франсуа Миттеран объявил о намерении Парижа созвать международную конференцию по Кампучии, которая закрепила бы принципы решения кампучийской проблемы без участия «красных кхмеров».

В это время руководство Вьетнама переживало сложный генезис своего отношения к кампучийской проблеме. Разрастание внутриполитического кризиса в СССР разрушало мечты Ханоя о создании в Юго-Восточной Азии системы социалистических стран под предводительством Вьетнама. Поэтому постепенно главной внешнеполитической задачей Ханоя стало сохранение в Кампучии дружественного Вьетнаму режима. Вьетнамцы заявили о готовности уйти из Кампучии, но при условии недопущения возвращения «красных кхмеров» к власти.

Подобную комбинацию невозможно было разыграть без согласия Китая. В январе 1989 года Ханой и Пекин достигли базового соглашения по международному аспекту кампучийской проблемы: Вьетнам обещал вывести свои войска из Кампучии, а Китай — прекратить всякую помощь «красным кхмерам». Вьетнамцы и китайцы сошлись на том, что внутренний аспект решения кампучийской проблемы должен быть согласован на международной конференции по Кампучии, все хлопоты по проведению которой брала на себя Франция.

В апреле 1989 года правительство Вьетнама официально объявило о полном выводе вьетнамских войск из Кампучии к сентябрю того же года. В мае 1989 года Сианук и Хун Сен договорились об отстранении «красных кхмеров» от мирного урегулирования в Кампучии.

30 июля 1989 года в Париже открылась международная конференция по Кампучии. Министр иностранных дел Франции Ролан Дюма предложил компромиссный вариант создания переходного двухпартийного правительства Кампучии с участием Сианука как главы государства и Хун Сена как премьер-министра, но без «красных кхмеров». Переходное пра-

вительство провело бы свободные демократические выборы, по итогам которых формировалось бы постоянное правительство Кампучии. Хун Сен соглашался на предложенный французами компромисс. Сианук отказался.

Через некоторое время стало ясно, что дипломатические усилия Франции блокируются Соединенными Штатами и их союзниками. Так, Сингапур настаивал на удалении из заключительных документов конференции ссылки на геноцид «красных кхмеров». Это была не пустая юридическая формальность, а дипломатический кодовый язык, хорошо понятный лидерам «красных кхмеров». Замена термина «геноцид», являющегося преступлением по международному праву, на более неопределенную формулировку — «политика и практика прошлого» — означала, что «красным кхмерам» отводилась определенная политическая роль в будущем устройстве Кампучии. Более того, представитель Сингапура заявил, что парижская конференция должна решить проблему прекращения вьетнамской оккупации Кампучии. Отвечая на вопрос журналистов об ответственности «красных кхмеров» за преступления геноцида, полномочный представитель сингапурского правительства сказал: «Я не хочу возвращаться в прошлое, я хочу смотреть в будущее».

Действуя через своих подручных, Вашингтон стремился перенести обсуждение кампучийской проблемы в Совет безопасности ООН, который пересмотрел бы принципы кампучийского урегулирования, предложенные Францией. После месяца бесплодных дискуссий, 30 августа 1989 года, министр иностранных дел Франции Ролан Дюма объявил о приостановлении работы Парижской конференции.

21-29 сентября 1989 года последние вьетнамские части покинули территорию Кампучии. Ханой обнародовал официальные данные о понесенных потерях: 55 300 вьетнамских солдат погибли в борьбе с «красными кхме- рами», то есть почти столько же, сколько американцев во время второй индокитайской войны.

Кхмерские оппозиционные группировки мгновенно отреагировали на вывод вьетнамских войск.

Нарушая все ранее достигнутые договоренности, 24 сентября 1989 года Сианук выступил по радиостанции «Голос Национальной армии Демократической Кампучии», то есть по радиостанции «красных кхмеров», с призывом к населению Кампучии начать вооруженное восстание с целью свержения правительства Хун Сена, угрожая большими неприятностями всем, кто сохранит лояльность режиму НРК: «Вы должны немедленно избавиться от режима Хун Сена. Вы должны сплотиться вокруг сил нашего движения сопротивления. Вы должны сделать это сейчас, пока не слишком поздно. Настоящие патриоты должны четко видеть, что вы также являетесь патриотами. Присоединяясь к нам, вы можете избежать [в будущем] неотвратимой опасности непосредственно для вас. В противном случае я не смогу защитить вас».

В конце 1989 года отряды «красных кхмеров» начали наступление на правительственные войска, захватив два уездных центра на западе Кампучии вблизи таиландской границы. Этим их военные успехи и ограничились.

Во всех двадцати провинциальных городах и в ста семидесяти уездных центрах продолжала функционировать правительственная администрация. Правительство Хун Сена контролировало более девяноста процентов территории и населения Кампучии. Режим НРК оказался значительно сильнее и устойчивее, чем предполагалось. Хорошо вооруженная и обученная правительственная армия без особых проблем отбивала атаки «красных кхмеров». Большая часть населения поддержала Хуна Сена, обеспечивавшего стабильность в стране в течение десяти лет.

Между тем Вашингтон приступил к практической реализации своего сценария решения кампучийской проблемы. 3 ноября 1989 года Генеральная ассамблея ООН приняла очередную резолюцию по Кампучии с очень мягкой формулировкой в отношении «красных кхмеров». Одновременно Вашингтон добился от правительства Австралии отставки Билла Хейдена с поста министра иностранных дел, что повлекло за собой кардинальное изменение в австралийской позиции.

24 ноября 1989 года новый министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс представил австралийский план кам-

пучийского урегулирования, предусматривавший передачу Организации Объединенных Наций функций временного управления Кампучией до проведения в стране парламентских выборов под контролем ООН.

Вначале правительство Хун Сена с воодушевлением поддержало новую австралийскую инициативу. Но вскоре наступило глубокое разочарование, когда стало ясно, что Австралия, пересмотрев свою позицию, выступает за участие «красных кхмеров» в кампучийском урегулировании.

«План Эванса» предусматривал такую систему выборов, которая обеспечивала бы парламентское представительство для любой партии, собравшей не менее одного процента голосов избирателей. При таком подходе какое-то количество кандидатов от «красных кхмеров» наверняка попадало бы в Национальное собрание Кампучии. Имея даже весьма ограниченное представительство в парламенте, «красные кхмеры» могли требовать участия своих представителей в новом правительстве Кампучии.

Франция по-прежнему активно противодействовала планам политической реабилитации движения «красных кхмеров». Французский президент Миттеран неустанно говорил о неприемлемости для Парижа компромисса с «красными кхмерами». Франция первой среди западных стран пошла на сближение с правительством Хун Сена.

Неожиданно на одну позицию с Францией встала Япония, которая как бы заменила Австралию. Японское правительство выступило со специальным заявлением, в котором указывалось на недопустимость участия «негуманной силы», т.е. «красных кхмеров», в формировании нового правительства Кампучии. Идя по пути, проложенном Францией, в июне 1990 года Япония свела в Токио Сианука и Хун Сена, чтобы те договорились о проведении выборов в Кампучии с ограниченным участием ООН и без «красных кхмеров».

Вначале Хун Сен и Сианук акцептировали японское предложение. Но вскоре Сианук пошел на попятную. Американцы серьезно предупредили его, что вооруженные формирования сианукистов не получат американского оружия, если Сианук будет придерживаться токийских соглашений с Хун Сеном.

США не подпускали к кампучийскому урегулированию ни Париж, ни Токио, потому что не хотели усиления влияния Франции и Японии в ЮВА. Было совершенно ясно, что страны, внесшие наибольший вклад в решение кампучийской проблемы, обретут наиболее благоприятные позиции не только в Индокитае, но и во всей Юго-Восточной Азии.

Во второй половине 1990 года «красные кхмеры» предприняли второе наступление на правительственную армию Хун Сена. США не оставляли попыток силового решения кампучийской проблемы путем разгрома режима Хун Сена с помощью «красных кхмеров». Но и на этот раз наступательные операции «красных кхмеров» разбились о стойкость правительственной армии.

Тогда Вашингтон выступил с инициативой о полном разоружении вооруженных формирований всех кампучийских сторон. На практике это означало бы расформирование правительственной армии Хун Сена под международным контролем. Места размещения хунсеновских войск находились у всех на виду. А отряды «красных кхмеров» прятались в джунглях, где проконтролировать процесс их разоружения не представлялось возможным. Да американцы и не стремились к этому. Они хотели политическими методами сделать то, чего «красные кхмеры» не могли достичь на поле боя — ликвидировать правительственную армию. Злонамеренность Вашингтона была настолько очевидной, что даже послушный американцам австралийский министр иностранных дел Эванс выступил против этого предложения США.

Но американцы не унимались. В феврале 1991 года тайские генералы, ориентировавшиеся на США, свергли демократически избранного премьер-министра Таиланда Чатичай Чонхавана, выступавшего за нормализацию отношений с правительством Хун Сена.

Новое руководство Таиланда резко сместило акценты своего участия в кампучийском урегулировании. Бангкок вернулся к жесткой политике в отношении Ханоя и Пномпеня, одной из составляющих которой была безоговорочная поддержка «красных кхмеров».

Принимая в мае 1991 года номинального лидера «красных кхмеров» Кхиеу Самфана, новый премьер-министр Таиланда Ананд Паньярачун многозначительно изрек: «Шестнадцать лет назад меня также обвиняли в том, что я являюсь коммунистом, а теперь меня выбрали премьер-министром. В любом обществе всегда есть сторонники твердой и мягкой линии, а общество меняет свое отношение к ним с течением времени». В апреле 1991 года главнокомандующий таиландской армией Сучинда Крапайон публично назвал Пол Пота хорошим парнем. Пол Пот и главком таиландской армии неоднократно встречались, обговаривая детали военно-политического решения кампучийской проблемы. Эти два деятеля настолько сблизились, что Крапайон даже заявил о необходимости справедливо оценить деятельность Пол Пота.

Когда стало окончательно ясно, что «красные кхмеры» не способны свергнуть правительство Пномпеня, Сианук пошел на новое сближение с Хун Сеном.

После многомесячных переговоров, 6 июня 1991 года Сианук объявил о сенсационном решении вернуться в Пномпень. Хун Сен и Сианук договорились о конкретном механизме политического решения кампучийской проблемы без «красных кхмеров». Суть договоренностей сводилась к тому, что Сианук признает победу Народной партии Хун Сена на предстоящих парламентских выборах. А Хун Сен восстановит в Кампучии конституционную монархию и посадит Сианука на трон.

В той или иной форме достигнутые договоренности поддержали Франция, Япония, Индонезия и Австралия, суммарный внешнеполитический вес которых уравновешивал американское давление на процесс кампучийского урегулирования. Не помогали даже грубые окрики, доносившиеся из Вашингтона, когда, например, заместитель государственного секретаря США Ричард Соломон раскритиковал мирные инициативы Японии как вносящие беспорядок в международные миротворческие усилия в Кампучии. Правительство Австралии настолько осмелело, что вновь потребовало придать лидеров «красных кхмеров» международному правосудию.

«Красные кхмеры» отреагировали заявлением Кхиеу Самфана, обвинившего правительства некоторых западных стран в стремлении разрушить кампучийское урегулирование своим нежеланием позволить «красным кхмерам» играть политическую роль в мирном процессе в Кампучии. В заявлении Кхиеу Самфана угадывалась угроза торпедировать миротворческий процесс, если Запад не позволит «красным кхмерам» легализоваться на политической арене Кампучии.

Эти завуалированные предостережения подействовали. В западных СМИ появились комментарии по поводу изменения «красных кхмеров». Со ссылкой на американские разведывательные источники, западная пресса сообщала о директиве Пол Пота, запрещавшей «красным кхмерам» отбирать у мирных жителей домашних птиц и животных. Аналитики западных посольств в Бангкоке говорили о почтительном отношении «красных кхмеров» к гражданским жителям. Писалось об экологическом законе «красных кхмеров» по защите природных ресурсов Кампучии. Один из приближенных Пол Пота — Та Мок, прозванный в народе мясником за необузданную жестокость во времена Демократической Кампучии, — характеризовался западными разведывательными источниками как горячий защитник экологии и подвергающихся опасности исчезновения разновидностей диких животных.

Осенью 1991 года представителей «красных кхмеров» (Кхиеу Самфана и Сон Сена) пригласили в Париж на подписание соглашений по мирному решению кампучийской проблемы. «Красные кхмеры» официально вошли в большую политику мирового масштаба, поставив свои подписи рядом с подписями представителей постоянных членов Совета безопасности ООН.

Французы чувствовали себя скованно. На пресс-конференции один из журналистов, сославшись на конвенцию ООН по предотвращению геноцида, предложил французскому правительству немедленно взять под стражу Кхиеу Самфана и Сон Сена и предъявить им обвинения в совершении преступлений против человечности. Министр иностранных дел Франции Ролан Дюма неуклюже ответил: «У нас очень хорошие адвокаты. <...> Они всегда найдут решение».

После подписания Парижских мирных соглашений «красные кхмеры» взяли под свой контроль новые районы на западе Кампучии. Это была продуманная стратегия политической борьбы. В секретном документе, датированном 6 февраля 1992 года, Пол Пот изложил конфиденциальный план стратегического наступления в сельской местности, который предусматривал нападения на деревни с целью привести ситуацию в состояние хаоса и открыть поле битвы в Пномпене.

Воспользовавшись мирным процессом, «красные кхмеры» значительно укрепили свои позиции в стране.

НАРОДНАЯ КАМПУЧИЯ

Все ключевые посты в правительстве Народной Республики Кампучии (НРК) заняли оставшиеся в живых ветераны движения Кхмер Иссарак, а также люди, сбежавшие во Вьетнам от репрессий «красных кхмеров». В 1981 году из двадцати четырех членов Совета министров НРК одиннадцать были иссараковцами, восемь — бывшими «красными кхмерами» и пятеро — беспартийными.

В январе 1979 года иссараковцы и перебежчики от «красных кхмеров» провели партконференцию, на которой объявили о возрождении Народно-революционной партии Кампучии (НРПК). Фактически появилась новая партия, о существовании которой официально объявили лишь два года спустя. Юридически это мероприятие оформили как переименование Коммунистической партии Кампучии, которую здоровые силы, перешедшие на сторону вьетнамцев, очистили от радикализма «красных кхмеров». Члены Компартии Кампучии, не совершившие преступлений в Демократической Кампучии и одобрявшие новую партийную программу, признавались членами НРПК.

В мае 1981 года четвертый съезд НРПК избрал генеральным секретарем ЦК партии Пен Сована. Из восьми членов политбюро трое — Хенг Самрин, Чеа Сим и Хун Сен — были бывшими «красными кмерами». Центральный комитет НРПК состоял из пяти ветеранов Кхмер Иссарак, десяти бывших «красных кхмеров» и двадцати новых партийцев без революционного прошлого. Помимо высшего партийного поста, майор вьетнамской армии Пен Сован получил должности заместителя председателя Народно-революционного совета (правительства) НРК, министра обороны и главнокомандующего Народно-революционной армией Кампучии.

В декабре 1981 года Пен Сована сместили со всех занимаемых постов, и вывезли во Вьетнам. Согласно официаль-

ной версии, у него обнаружилось тяжелое нервное расстройство как результат напряженной работы, постоянных головных болей, бессонницы и злоупотребления снотворными препаратами. По неофициальной версии, вьетнамцы заподозрили Пен Сована в неблагонадежности.

В дальнейшем Кампучией правил триумвират в составе: Хенг Самрин, председатель Государственного совета НРК, генеральный секретарь ЦК НРПК; Хун Сен, премьер-министр и министр иностранных дел НРК; Чеа Сим, председатель Национального собрания (парламента) НРК.

15—19 августа 1979 года Народно-революционный трибунал Пномпеня заочно приговорил Пол Пота и Йенг Сари к смертной казни за преступления геноцида против кампучийского народа. Таким образом, партийно-государственное руководство НРК подвело черту под своим прошлым, связанным с «красными кхмерами».

Народная Республика Кампучии оказалась в международной изоляции. Большинство членов ООН не признало правительство НРК и на сессиях Генеральной ассамблеи ООН голосовало за резолюции с требованием вывести вьетнамские войска из Кампучии, а также за сохранение места Кампучии в ООН за «красными кхмерами».

В оправдание своей поддержки «красным кхмерам» большинство западных стран стремилось преуменьшить последствия массовых репрессий «красных кхмеров» с целью локализовать внимание международного сообщества на негативных последствиях вьетнамского вторжения в Кампучию. В 1980-х годах западные средства массовой информации в подробностях описывали трудности жизни кхмеров под вьетнамской оккупацией.

Под влиянием антивьетнамской пропаганды большинство западных общественных благотворительных отказалось оказывать гуманитарную помощь населению Кампучии. Представители немногих международных неправительственных организаций, обосновавшихся в Пномпене после 1979 года, сотрудничали с разведывательными службами западных государств. Исключение составляли австралийские общественные организации, которые как могли помогали

властям НРК, настойчиво требуя от правительства Австралии принять меры по организации международного трибунала над кликой Пол Пота и официально признать Народную Республику Кампучию.

Дипломатические отношения на уровне посольств с НРК установили Вьетнам, Лаос, СССР, Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Куба и Индия.

В первые годы после образования НРК все сферы государственно-партийной, социально-экономической и общественно-политической деятельности в Кампучии находились под тотальным контролем вьетнамцев. Это обусловливалось как объективными, так и субъективными причинами. С одной стороны, вьетнамцы восстанавливали разрушенную «красными кхмерами» традиционную государственную структуру страны. С другой, Ханой сознательно выстраивал вьетнамский протекторат над Кампучией, навязывая НРК вьетнамский социалистический опыт в сферах государственного, экономического, политического и идеологического строительства.

Три теневые структуры определяли жизнедеятельность НРК. Высший орган («А-40») состоял из экспертов ЦК Коммунистической партии Вьетнама, готовивших рекомендации по ключевым вопросам развития НРК. Орган среднего уровня («В-68») состоял из вьетнамских советников при министерствах и ведомствах НРК. Третий орган («А-50») руководил вьетнамскими советниками, работавшими с провинциальной администрацией. В целях упорядочения работы вьетнамских советников, в 1983 году был создан координационный орган — Аппарат вьетнамских советников и специалистов в Кампучии, подотчетный Секретариату ЦК Коммунистической партии Вьетнама. Непосредственное руководство деятельностью вьетнамских советников осуществлял Руководящий комитет вьетнамских советников. Много лет его возглавлял член политбюро ЦК КПВ, командующий группой войск Вьетнамской народной армии в Кампучии, генерал-полковник Доан Кхюэ.

В Кампучии постоянно находилось не менее пяти членов ЦК КПВ. Регулярно, не реже одного раза в год, как правило, в Ханое проходили совместные заседания политбюро двух партий — КПВ и НРПК. Все решения всех государствен-

Торжественная демонстрация в Пномпене в честь Народной Республики Кампучии с портретами Карла Маркса, Владимира Ленина, Хо Ши Мина и местного коммунистического вождя. 1984 год.

Горожане на пути в сельскохозяйственные коммуны. Апрель 1975 года.

Государственный герб Демократической Кампучии.

Один из отрядов «красных кхмеров» перед решающим наступлением на Пномпень. Апрель 1975 года.

Бойцы «красных кхмеров» во время войны с проамериканским режимом генерала Лон Нола. 1970-1975 годы.

Так выглядел Пномпень во времена Демократической Кампучии, 1975-1978 годы.

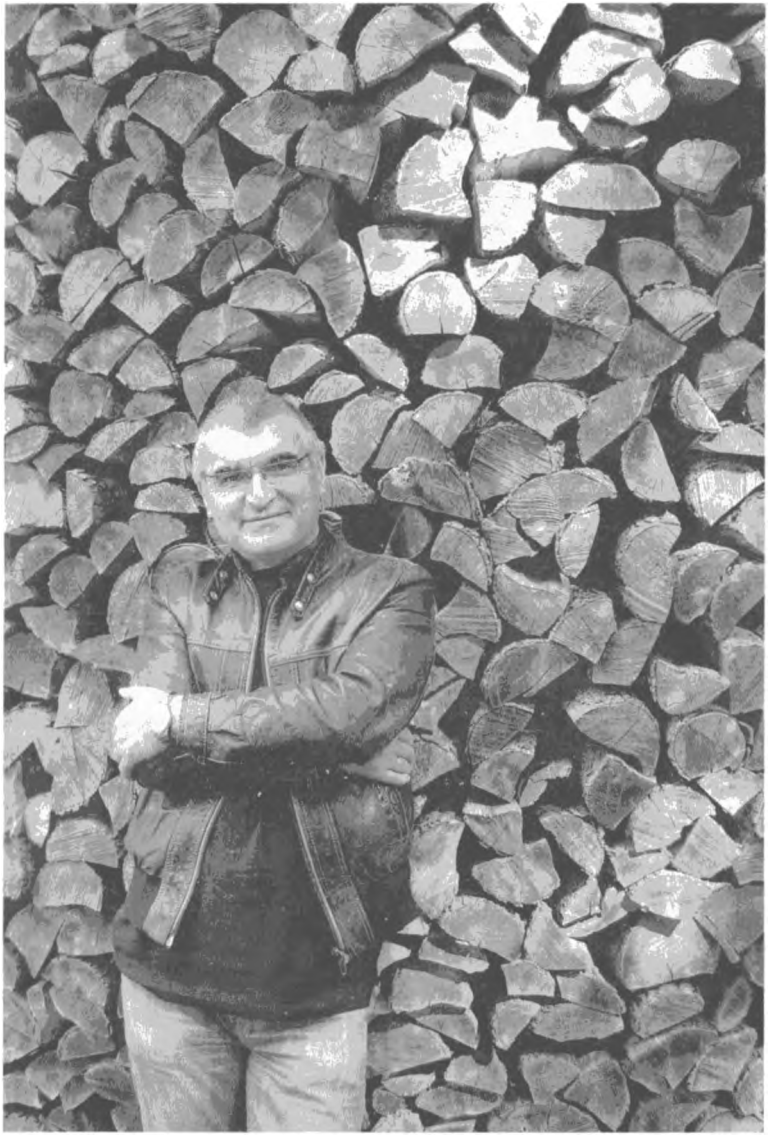
Вступление «красных кхмеров» в Пномпень. Апрель 1975 года.

Бойцы «красных кхмеров».

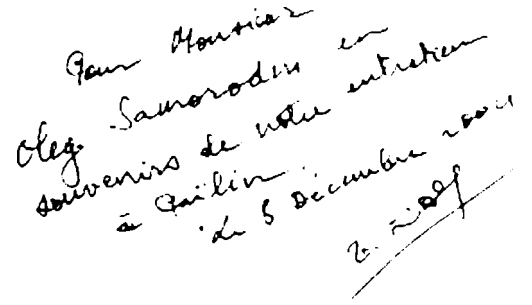
Мобильные детские пропагандистские отряды в Демократической Кампучии, 1975-1978 годы.

Михаил Горбачев принимает в Кремле руководителей провьетнамского режима Народной Республики Кампучии (по правую руку от Горбачева) Хенг Самрин и Хун Сен. Конец 1980-х годов.

Бойцы «красных кхмеров» в освобожденном Пномпене, 17 апреля 1975 года.



Олег Самородний.



L'histoire récente du Cambodge et mes prises de position

Автограф Кхиеу Самфана Олегу Самороднему.

ных учреждений НРК принимались только с одобрения вьетнамских советников. Руководители групп вьетнамских советников при министерствах и ведомствах НРК имели ранг заместителей министров при соответствующих министерствах и ведомствах Вьетнама. По всей стране, на провинциальном и уездном уровнях, работало около пятисот вьетнамских советников, как правило, представителей породненных вьетнамских городов и провинций. В конце 1984 года, исходя из соображений безопасности, группы вьетнамских советников на уездном уровне упразднили.

При министерстве обороны НРК, генеральном штабе и главном политическом управлении Народно-революционной армии Кампучии находилось примерно полторы тысячи военных советников. С уровня роты и вплоть до высшего командования рядом с кампучийскими военнослужащими присутствовали и вьетнамские офицеры. Наряду с советниками при министерстве внутренних дел НРК, вьетнамские спецслужбы создали на территории Кампучии и Таиланда собственную агентурную сеть, неизвестную кхмерам.

В 1979—1985 годах вьетнамские советники направлялись в Кампучию на длительный период, без фиксированного срока командирования. Использовалась тактика вживания, максимальной адаптации к кхмерским условиям и достижения большего взаимопонимания, в том числе и посредством изучения кхмерского языка, с местными функционерами.

В середине 1980-х годов проявился феномен усталости от кампучийской проблемы. Вьетнамские советники открыто возмущались тяжелыми условиями работы в Кампучии (недружелюбное окружение, оторванность от семей, отсутствие отпусков, низкая зарплата). Рост недовольства достиг апогея осенью 1986 года, когда впервые за семь лет вьетнамского военного присутствия в Кампучии одно из подразделений вьетнамской армии, расквартированное в городе Сиемреап, отказалось выполнить приказ о выдвижении к таиландской границе.

После этого руководство Вьетнама объявило о начале переходного периода (1985—87 гг.), в течение которого существенно расширились полномочия кампучийских чиновников

в сфере принятия решений. Этот процесс проходил под наблюдением вьетнамских советников, которые по-прежнему оставались в Кампучии. Однако видоизменялись их функции — от руководящих к координирующим.

Вьетнамцы делали ставку на кхмеров, в преданности которых они не сомневались. Это были, во-первых, вьетнамские граждане кхмерской национальности, выходцы из Южного Вьетнама, во-вторых, молодые кхмеры, прошедшие длительную подготовку во Вьетнаме. Закрытые военизированные школы для молодых кхмеров были созданы во Вьетнаме в 1979—1980 годах. В эти школы набирали кхмеров-сирот четырнадцати-семнадцати лет, чьих родителей убили «красные кхмеры». После возвращения в Кампучию, начиная с 1986 года, выпускники этих школ вживлялись в государственные структуры НРК, работая секретарями Союза народно-революционной молодежи Кампучии в различных министерствах и ведомствах НРК с последующим вступлением в НРПК и дальнейшим выдвижением на руководящие посты.

Абсолютное большинство гражданских вьетнамских советников покинуло Кампучию в 1988 году, за год до вывода вьетнамских войск из страны.

Благодаря экономической, военной и гуманитарной помощи Советского Союза и стран социалистического содружества, правительство НРК с помощью контингента вьетнамских войск в Кампучии смогло довольно быстро нейтрализовать подрывную и террористическую активность «красных кхмеров».

Надо сказать, что вьетнамцы проявляли некоторую ревность в отношении СССР и других социалистических стран. Кхмеры, выпускники советских вузов, имели меньше шансов для успешной и быстрой карьеры, чем их коллеги, обучавшиеся во Вьетнаме. Кхмерские курсанты, заканчивавшие военные училища в СССР, Чехословакии и ГДР, после возвращения на родину направлялись на многомесячные курсы во Вьетнам. Время от времени вьетнамцы проявляли недовольство по поводу превышающего объема советской экономической помощи НРК по сравнению с поставками из СРВ, а также возможным некоторым отставанием в будущем экономи-

ческого развития Вьетнама от НРК в результате помощи СССР и других социалистических стран.

Оттеснив с помощью вьетнамских войск отряды «красных кхмеров» в джунгли и решив неотложные социальные проблемы, руководство НРК приступило к проведению мероприятий по стабилизации внутриполитического положения в стране.

В 1985 году пятый съезд Народно-революционной партии Кампучии легализовал частный сектор в экономике. Правительство НРК провело смелые по тем временам экономические реформы, включая приватизацию сельскохозяйственных угодий, рынка недвижимости, промышленного и торгового секторов. В результате политических преобразований буддизм получил статус государственной религии, официально был провозглашен внешнеполитический нейтралитет.

Примечательно, что как раз в это же время среди руководителей «красных кхмеров» произошел раскол. В 1986 году бывший вице-премьер и министр иностранных дел Демократической Кампучии Йенг Сари высказал предложение о постепенном сближении с премьером НРК Хун Сеном, за что его осудили Пол Пот, Кхиеу Самфан, Нуон Чеа и Та Мок, которые настаивали на войне до победного конца с провьетнамским режимом НРК.

Йенг Сари фактически отстранили от дел и отправили в городок Пайлин. Йенг Сари особенно не огорчался. С преданными ему отрядами «красных кхмеров» он стал практически единоличным хозяином залежей сапфиров, рубинов, изумрудов в окрестностях Пайлина, затерявшегося в джунглях на западе Кампучии. Там Йенг Сари спокойно дождался мирного урегулирования кампучийской проблемы.

Между тем в Советском Союзе началась перестройка. Дуновения советской демократизации долетели и до Пномпеня. 10-11 марта 1987 года министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе посетил НРК с официальным визитом, в ходе которого обласкал молодого, неопытного, но очень перспективного Хун Сена. Шеварднадзе ошарашил премьер-министра НРК сообщением о желании Москвы устроить ему встречу с Сианук, формальным лидером кхмерской анти-

правительственной оппозиции. Осознав, что происходит, Хун Сен очень обрадовался. Переговоры с Сианук, корифеем мировой политики, закрепляли за Хун Сеном статус признанного государственного деятеля не только национального, но и международного масштаба.

Советское руководство мало беспокоили амбиции Хун Сена. Просто Москва пришла к выводу, что содержание режима НРК слишком дорого обходится бюджету Советского Союза. Поэтому правительство Хун Сена обязано выходить на самоокупаемость. А без прорыва международной блокады НРК это невозможно.

В кампучийско-советском коммюнике, выпущенном после встречи Хун Сена и Шеварднадзе, выражалась готовность правительства НРК начать переговоры для достижения национального примирения с двумя некоммунистическими фракциями кхмерской оппози- ции, то есть с монархистами-сианукистами и западниками-сонсановцами.

Из Пномпеня министр иностранных дел СССР вылетел в Ханой. Вьетнамцы прохладно восприняли советскую инициативу. Они полагали, что хитрый Сианук переиграет необразованного Хун Сена, не имевшего опыта ведения сложных международных переговоров. Но вьетнамцам все-таки пришлось согласиться на советское предложение. Особенно после того, как Шеварднадзе посоветовал им внимательно изучить подготовку СССР к выводу советских войск из Афганистана.

12 апреля 1987 года с некоторым фанфаронством Хун Сен предложил Сианук встретиться в Париже, Стокгольме или Канберре. Реакция Сианука последовала 7 мая 1987 года, когда он публично сказал, что «сыт по горло кровавой диктатурой SS — "красных кхмеров", которые не отказались от супергитлеровских и суперсталинских методов мистера Пол Пота». Это означало, что Сианук готов к встрече с Хун Сеном.

Но оставались «красные кхмеры», которые все равно не прекратили бы партизанскую войну. Хун Сен изложил свой подход к проблеме «красных кхмеров» в июне 1987 года в интервью корреспонденту итальянской газеты «Унита»: «Мы признаем за "красными кхмерами" как за политической организацией право участвовать в урегулировании кампучий-

ского конфликта. Но мы не можем согласиться, во-первых, с участием лидеров группировки в будущей структуре власти Кампучии. Их список мы уточним и назовем позднее. Во-вторых, с легализацией вооруженных формирований "красных кхмеров". Это инструмент, с помощью которого полпотовская группировка может снова захватить власть в Кампучии».

В июле 1987 года, выступая на международной конференции по Кампучии в Бангкоке, Кхиеу Самфан, отреагировав на инициативу Хун Сена, сказал, что «красные кхмеры» не хотят возвращаться к власти в Кампучии, так как это будет равносильно самоубийству. В сентябре 1987 года Хун Сен заявил о согласии вступить в контакт с Кхиеу Самфаном.

Процесс национального примирения стартовал в ноябре 1987 года во время первой встречи между Хун Сеном и Сианyком в окрестностях Парижа. В декабре 1987 года Кхиеу Самфан объявил о своей готовности подключиться к переговорам со стороны «красных кхмеров». Но так и не подключился. Вероятно, потому что в январе 1988 года газета «Бангкок пост» опубликовала выдержки из выступления Хун Сена на секретном заседании Совета министров НРК 18 июня 1987 года, на котором Хун Сен определил политику национального примирения как тактический ход с целью внести раскол в ряды «красных кхмеров».

Хун Сен действительно задумал решить кампучийскую проблему, договорившись с Таиландом. Без поддержки Бангкока «красные кхмеры» долго бы не протянули. Вся инфраструктура обеспечения их деятельности — базы, лагеря беженцев, поставки оружия, контрабандная торговля — замыкалась на Таиланде. Если бы Бангкок перерезал эти артерии, то «красным кхмерам» очень быстро бы пришел конец.

В середине 1980-х годов руководство Таиланда несколько отошло от односторонней поддержки «красных кхмеров», намереваясь решить кампучийскую проблему путем достижения политического компромисса с правительствами НРК и Вьетнама.

В 1985 году Ханой сообщил Бангкоку о принципиальной готовности сократить вьетнамское военное присутствие в Кампучии при условии ликвидации угрозы для правитель-

ства НРК, исходящей от «красных кхмеров». После этого Таиланд предложил поменять персональный состав руководства «красных кхмеров», чтобы сделать его более приемлемым в качестве партнеров на переговорах с Хун Сеном. Министр иностранных дел Таиланда Сиддхи Саветсила предлагал в лидеры «красных кхмеров», например, бывшего министра обороны Демократической Кампучии Сон Сена, говоря о нем как об очень хорошем человеке.

Американцы не одобряли заигрывание Бангкока с Ханоем и Пномпенем. Государственный секретарь США Джордж Шульц предостерег руководство Таиланда от сближения с Вьетнамом, призвав к чрезвычайной осторожности в формулировках мирных предложений по Кампучии.

В 1988 году правительство Таиланда возглавил Чати-чай Чонхаван, сторонник мягкой внешнеполитической линии. Он пересмотрел официальную внешнеполитическую доктрину Таиланда как прифронтового государства, противостоящего вьетнамскому военному присутствию в Кампучии. Новый премьер-министр Таиланда пошел на сближение с Ханоем и Пномпенем, провозгласив цель — превращение Индокитая из поля боя в зону торговли.

Будучи умным и осторожным политиком, Чатичай терпеливо создавал предпосылки для нормализации отношений с Вьетнамом и НРК. В декабре 1988 года Чатичай послал главнокомандующего вооруженными силами Таиланда в Лаос на секретную встречу с Хун Сеном, в ходе которой в приватной обстановке они обговорили принципиальные вопросы безопасности двух стран. После этого в январе 1989 года министр иностранных дел Таиланда Сиддхи Саветсила приехал в Ханой, где заявил об отсутствии неразрешимых противоречий в таиландско-вьетнамских отношениях.

После визита Саветсилы в Ханой правила игры в кампучийском урегулировании изменились. В конце января 1989 года Чатичай пригласил Хун Сена посетить Бангкок в качестве своего личного гостя.

Визит Хун Сена в Таиланд вызвал переполох среди «красных кхмеров» и их зарубежных покровителей. Таиланд, который в течение нескольких десятилетий был самым преданным

союзником США в Юго-Восточной Азии, выпадал из обоймы. В ответ на упреки, что Чатичай обедает с врагом, то есть с Хун Сеном, один из ближайших советников таиландского премьера ответил: «Впервые тайская политика строится на принципах морали. Мы хотим быть катализатором устранения насилия в Кампучии». Чатичай открыто говорил о своем намерении прекратить поддержку марксистского маньяка Пол Поту.

Продолжение вооруженной борьбы в Кампучии наносило ущерб интересам Таиланда. Чатичай прекрасно осознавал, что, если вдруг случится самое худшее, и «красные кхмеры» вновь придут к власти в Кампучии, то ничего хорошего это Таиланду не принесет. Чатичай посмел называть вещи своими именами: «Никто не будет высаживать своих морских пехотинцев в Кампучии, если «красные кхмеры» станут угрожать Пномпеню — ни США, ни Китай». Чатичай верил в то, что сможет убедить США думать о Юго-Восточной Азии и Индокитае не военно-политическими, а политико-экономическими категориями.

После переговоров с Хун Сеном премьер-министр Таиланда отправился в Пекин на встречу с Дэн Сяопином. По словам советника Чатичая, китайский лидер злился и нервничал. Прервав нравоучения Дэна, Чатичай сказал: «Мы пробовали давить на Вьетнам и Кампучию одиннадцать лет. Это — не способ строить межгосударственные отношения в регионе. ... Китай может ждать еще десять лет решения кампучийской проблемы. Мы не можем».

Политика Чатичай Чонхавана выходила далеко за рамки собственно кампучийского урегулирования. Он захотел разрушить устоявшийся образ Таиланда как очень податливой и лояльной к США страны, готовой поступиться собственными интересами в угоду великодержавным амбициям Соединенных Штатов. Чатичай решил, что Бангкок должен отобрать у Сингапура статус торгово-экономического центра Юго-Восточной Азии. Чатичай понимал, что один из способов достижения этой цели заключается в расширении зоны экономического влияния Таиланда на соседние страны Индокитая, включая Вьетнам, Кампучию и Лаос. А для этого нужно было закончить войну.

В поисках союзников в ноябре 1989 года Чатичай направил личных эмиссаров во все страны Юго-Восточной Азии и в важнейшие столицы Европы. Тайская аргументация — безнравственно поддерживать военные усилия «красных кхмеров» — была безупречной с точки зрения морали, но неубедительной. Никто не хотел оказаться под прессом американского давления.

Администрация президента США Джорджа Буша (старшего) решила наказать Таиланд за отступничество от жесткой политики в отношении Вьетнама и НРК. Вашингтон конфиденциально предупредил Бангкок: если Таиланд прекратит поддержку «красных кхмеров» ради развития торговли с Кампучией и Вьетнамом, тогда за это Чатичаю придется заплатить несоизмеримо высокую цену.

Государственный секретарь США Джеймс Бейкер открытым текстом заявил о необходимости включения «красных кхмеров» в будущее правительство Кампучии. Любой иной подход Бангкока к политической роли «красных кхмеров» означал появление серьезных разногласий между США и Таиландом.

Чатичай принял вызов и пошел на открытый конфликт с американцами. Официальный представитель правительства Таиланда сообщил мировой общественности, что, несмотря на публично выраженное отвращение к «красным кхмерам», начиная с 1979 года, США целенаправленно содействовали повышению боеспособности отрядов «красных кхмеров». Это была публичная пощечина. Американцы всегда категорически отрицали любое участие Вашингтона в вооружении «красных кхмеров».

Внешнеполитические разногласия между Таиландом и США переросли в жесткое дипломатическое противоборство. В мае 1990 года Соединенным Штатам удалось заблокировать предложение Таиланда о передаче лагерей кампучийских беженцев под международную опеку. Таким способом Бангкок хотел оградить кхмерских беженцев от психологического давления и насилия со стороны «красных кхмеров». 14 июня 1990 года Чатичай посетил Вашингтон в попытке все-таки достичь согласия по кампучийской проблеме с президентом США Джорджем Бушем (старшим), который, однако,

высказался за всестороннее решение кампучийской проблемы с участием «красных кхмеров».

Летом 1990 года Чатичай Чонхаван посетил Пномпень с официальным дружественным визитом. Это был уже очень серьезный шаг. Стало ясно, что Таиланд готов де-юре признать правительство Хун Сена. Это событие коренным образом поменяло бы ситуацию в Индокитае. Хун Сен и Чатичай смогли бы очень быстро договориться о совместных мерах по ликвидации военно-политической организации «красных кхмеров».

Но в феврале 1991 года в результате военного путча тайские генералы свергли демократически избранное правительство Чатичай Чонхавана.

Расправившись с Чатичаем, американцы сосредоточили усилия на ликвидации в Кампучии режима Хун Сена. К началу 1990-х годов правительство НРК действительно столкнулось с очень серьезными проблемами.

Еще в 1979 году США и западные страны ввели экономическое эмбарго против НРК. Режим Хун Сена держался благодаря экономической помощи СССР, ежегодный объем которой доходил до ста миллионов долларов. В 1991 году Советский Союз внезапно и резко сократил помощь правительству Хун Сена до двенадцати миллионов долларов. Конечно, это был тяжелый удар, который смягчило лишь то обстоятельство, что перед выводом вьетнамских войск из Кампучии в сентябре 1989 года Москва передала правительству Хун Сена вооружения, боеприпасов и военного снаряжения на сумму в четыреста пятьдесят миллионов долларов.

Ничем не мог помочь Хун Сену и Вьетнам, который сам оказался в аналогичном положении. В 1990 году советская помощь Вьетнаму сократилась на шестьдесят три процента. Парализованный внутренними проблемами, Советский Союз быстро терял интерес к Индокитаю и Юго-Восточной Азии в целом. Вывод советского гарнизона с военной базы Камрань во Вьетнаме стал знаковым событием, свидетельствовавшим об утрате Москвой влиятельных позиций в международных дипломатических играх вокруг Индокитая.

После краха СССР в августе 1991 года Хун Сен окончательно понял, что более он не может рассчитывать на Москву. На помощь его правительству подоспели Франция и Япония.

В июне 1991 года Франция в качестве сопредседателя Международной конференции по Кампучии приняла предложение Хун Сена о включении в итоговый документ предстоящей Парижской конференции по кампучийской проблеме тезиса о том, что новая кампучийская конституция должна соответствовать нормам конвенции ООН по предотвращению и наказаниям за преступления геноцида. Это был явный политический подкоп под «красных кхмеров», которых впоследствии можно было бы отдать под суд в соответствии с новой кампучийской конституцией. И хотя Совет безопасности ООН отклонил это предложение, и ссылка на преступления геноцида так и не появилась в мирных соглашениях по Кампучии, но Хун Сен понял, что в борьбе с «красными кхмерами» он может рассчитывать на поддержку Франции.

Осенью 1991 года Пномпень посетил министр иностранных дел Франции Ролан Дюма, который пообе- щал Хун Сену финансово-экономическую помощь.

С другой стороны, министерство иностранных дел Японии довело до Хун Сена позицию Токио, что кампучийский вопрос должен быть улажен самими кампучийцами без влияния извне. Японцы не сомневались, что без внешнего вмешательства победителем во внутрикампучийской борьбе выйдет Хун Сен.

В июне 1992 года правительство Японии сообщило о безвозмездном выделении двухсот миллионов долларов на послевоенное восстановление Кампучии. Естественно, японцы не хотели, чтобы эти деньги пропали, поэтому они сделали ставку на сильного государственного лидера Кампучии, то есть на Хун Сена.

Постепенно к усилиям Франции и Японии по поддержке правительства Хун Сена присоединились Австралия, Индонезия, Малайзия и другие страны АСЕАН. Последним был Таиланд. Это произошло в мае 1993 года в ходе визита в Пномпень министра иностранных дел Таиланда Прасонг Соонсири.

КИТАЙСКИЙ КУЛЬБИТ

После 1979 года действия Китая по отношению к «красным кхмерам» фокусировались на четырех направлениях: сохранение за «красными кхмерами» международного статуса законных представителей Кампучии, нормализация отношений «красных кхмеров» со странами Юго-Восточной Азии, изменение имиджа «красных кхмеров» в сторону большей благопристойности, наращивание боеспособности вооруженных формирований «красных кхмеров». По замыслу Пекина, «красные кхмеры» должны были оставаться главным фактором сдерживания вьетнамской экспансии в ЮВА.

13 января 1979 года премьер Госсовета КНР Дэн Сяопин вызвал к себе Йенг Сари и отчитал его за «несколько чрезмерную кампанию чисток слишком широкого охвата», которую «красные кхмеры» проводили в Демократической Кампучии. После этого Дэн изложил условия, на которых Китай был готов продолжить оказание помощи «красным кхмерам»: «Я хотел бы попросить, чтобы вы зарезервировали пост главы государства для Сианука. Товарищ Пол Пот будет премьер-министром, отвечающим за национальную оборону, и главнокомандующим. <...> В настоящий момент не выдвигайте коммунистическую партию на передний план, лучше пропагандируйте патриотизм, национализм и демократию».

Йенг Сари со всем согласился. После этого китайцы начали поставлять «красным кхмерам» оружие и боеприпасы, ежегодно в среднем на сто миллионов долларов. С января 1979 года китайская пресса пропагандировала союз всех патриотических сил Кампучии для борьбы с вьетнамской оккупацией.

Одновременно под нажимом китайцев предпринимались меры по облагораживанию имиджа «красных кхмеров», объявивших о роспуске Коммунистической партии Кампучии. В сообщении китайского информационного агентства

«Синьхуа» по этому поводу подчеркивалось: «Несмотря на то, что Коммунистическая партия Кампучии допустила ошибки на пути продвижения вперед, пройденном ею в исключительно сложной обстановке, она выполнила свои славные задачи». 15 декабря 1979 года Кхиеу Самфан сменил Пол Пота на посту председателя правительства Демократической Кампучии. «Красные кхмеры» отменили конституцию Демократической Кампучии и объявили о подготовке новой, которая «откроет путь к сотрудничеству между всеми слоями кхмерского общества».

С конца 1979 года «красные кхмеры» начали проводить регулярные террористические и подрывные акции против правительства НРК и вьетнамских войск, расквартированных в Кампучии. Военное командование «красных кхмеров» использовало пять «способов борьбы»: психологический террор против органов местного самоуправления — деревенских и общинных комитетов; террористические акты против органов государственной власти уездного и провинциального уровней; диверсии на коммуникациях (авто- и железные дороги, речная инфраструктура); нападения на базы вьетнамских войск и армии НРК в уездных и провинциальных центрах, пригородах крупных городов; удары по складам военного имущества, боеприпасов и стратегических запасов продовольствия.

Мелкие (по три-пять человек) диверсионно-террористические группы «красных кхмеров» действовали по всей Кампучии, перемещаясь по стране налегке, без оружия, боеприпасов и взрывчатки, которые они получали непосредственно перед совершением терактов от агентуры «красных кхмеров», имевшейся во всех уездах и городах. Время от времени «красные кхмеры» концентрировали достаточно крупные силы вблизи уездных или провинциальных центров с целью проведения боевых операций против соединений вьетнамских войск и армии НРК.

Летом 1982 года кхмерские оппозиционные группировки объявили о создании Коалиционного правительства Демократической Кампучии (КПДК), в которое вошли «красные кхмеры», партия монархистов ФУНСИНПЕК во главе с Сиану-

ком и прозападный Национальный фронт освобождения Камбоджи (НФОК) во главе с Сон Саном. В КПДК сохранялись все атрибуты (наименование, флаг, гимн) Демократической Кампучии с тем, чтобы не возникало дополнительных юридических проблем с международным признанием КПДК.

Сохранение символики Демократической Кампучии свидетельствовало о доминирующем положении «красных кхмеров» в КПДК. Каждая из группировок сохраняла организационную автономность. В совместном заявлении, подписанном Кхиеу Самфаном, Сиануком и Сон Саном подчеркивалось: «Каждая фракция, участвующая в Коалиционном правительстве Демократической Кампучии сохраняет свою собственную организацию, свою политическую сущность и свободу действий, включая право получать и использовать международную помощь, которая ей оказывается».

В начале 1980-х годов политический аспект кампучийской проблемы характеризовался статичным противостоянием КПДК и НРК. Ситуацию могла переломить более активная и действенная поддержка КПДК со стороны международного сообщества, прежде всего, Запада. Однако этому сильно мешала неприглядная репутация «красных кхмеров».

Поэтому в конце 1984 года появились слухи о том, что Китай склоняется к устранению Пол Пота и его сторонников из руководства «красных кхмеров» и выдвижению на руководящие должности не запятнанных преступлениями деятелей во главе с Сон Сеном, бывшим министром обороны Демократической Кампучии.

В начале 1985 года, под чужим именем Пол Пот несколько месяцев находился в Пекине, где лечился от тяжелой формы болотной лихорадки. Поползли слухи, что из-за тяжелой болезни Пол Пот, возможно, навсегда останется в Китае. Но руководители КНР сочли нецелесообразным в тот момент окончательное политическое устранение Пол Пота, что могло внести разброд и шатания в ряды «красных кхмеров». А ведь именно с помощью «красных кхмеров» Пекин держал под контролем и военную, и внешнеполитическую деятельность всей кхмерской оппозиции.

Разговоры об уходе Пол Пота с политической арены прекратились после заявления Дэн Сяопина: «Я не понимаю, почему некоторые люди хотят удалить Пол Пота. Верно то, что он совершил некоторые ошибки в прошлом, но теперь он ведет борьбу против вьетнамских агрессоров». Дэн Сяопин подтвердил, что Китай поддержит КПДК лишь при неизменности состава его руководства.

С целью выведения кампучийской проблемы из политического тупика в середине 1980-х годов китайские представители выступили с необычными заявлениями.

В июне 1984 года генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобань поддержал идею национального примирения в Кампучии с участием КПДК и правительства НРК.

Летом 1985 года директор Центра международных исследований Китая заявил, что Пекин никогда не настаивал на том, чтобы лидеры «красных кхмеров» обязательно вошли в состав нового правительства Кампучии.

В июле—августе 1985 года сначала вице-премьер КНР Ли Пэн, а затем и Дэн Сяопин заявили о готовности руководства Китая признать итоги будущих свободных выборов в Кампучии, а также о приемлемости для Пекина несоциалистической администрации в Кампучии.

Летом 1986 года Ху Яобань предложил «красным кхмерам» обдумать возможность сокращения своих вооруженных формирований. Осенью 1986 года заместитель министра иностранных дел КНР сказал своему индонезийскому коллеге: «Китай решил исключить фракцию Пол Пота, которую он так долго поддерживал, из мирных переговоров по решению кампучийского вопроса». В беседах с западными политиками китайские должностные лица описывали Пол Пота и его группу как «несчастный случай истории».

Вероятнее всего, Пекин не собирался в тот момент отказываться от поддержки «красных кхмеров». Китайцы зондировали почву, прощупывая варианты подходящего для них политического решения кампучийской проблемы.

Приняв китайские заявления о возможном отказе от поддержки Пол Пота за желание Пекина дистанцироваться от кампучийского урегулирования, государства Юго-Восточ-

ной Азии активизировали дипломатические усилия по разрешению кампучийского кризиса путем прямых переговоров с Вьетнамом.

К июню 1986 года министры иностранных дел государств-членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) разработали детальный проект урегулирования кампучийского вопроса. Предложенный вариант удовлетворял требование Ханоя о том, чтобы вывод вьетнамских войск из Кампучии сопровождался мерами по прекращению поставок китайского оружия «красным кхмерам». Эти меры, в частности, предусматривали размещение региональных международных миротворческих сил вдоль сухопутных и морских границ Кампучии с тем, чтобы перекрыть все маршруты поставок оружия «красным кхмерам» из Китая.

Естественно, подобная перспектива не устраивала Пекин. Китайцы приложили максимум усилий, чтобы заблокировать все попытки достижения регионального соглашения по Кампучии. Китай и не думал самоустраняться от решения кампучийской проблемы. Напротив, Пекин стремился к такому кампучийскому урегулированию, которое в максимальной степени усиливало бы влияние Китая в Юго-Восточной Азии.

Летом 1988 года представительство КНР при ООН распространило в Нью-Йорке информацию о готовности Китая предоставить Пол Поту и близким к нему лидерам «красных кхмеров» право на постоянное проживание в Китае в случае урегулирования кампучийской проблемы. Наблюдатели расценили это сообщение как намерение Пекина прекратить противостояние с Вьетнамом и форсировать политическое решение затянувшегося кампучийского кризиса.

Эти оценки косвенно подтвердились 20 октября 1988 года, когда китайское информационное агентство «Синьхуа» распространило сообщение, в котором китайская сторона впервые официально признала, что в период Демократической Кампучии «красные кхмеры» совершали ошибки.

В январе 1989 года, в ходе визита в Новую Зеландию, китайский премьер Ли Пэн официально пообещал сократить поставки оружия «красным кхмерам» в обмен на вывод вьетнамских войск из Кампучии. Эта тенденция продолжилась че-

рез год на парижской конференции по Кампучии, на которой китайская делегация вела себя на удивление тихо и скромно, не требуя для «красных кхмеров» каких-то особых привилегий при формировании будущего правительства Кампучии.

Через год после полного вывода вьетнамских войск из Кампучии, правительство КНР официально сообщило о прекращении поставок китайского оружия «красным кхмерам», начиная с августа 1990 года. Правда, наблюдатели сходились во мнении, что и при существовавших запасах у «красных кхмеров» хватило бы оружия и боеприпасов на пять—семь лет непрерывных боевых действий.

Кроме того, во второй половине 1990 года у «красных кхмеров» появилось около тридцати танков Т-59, как предполагалось, из Китая. Но Пекин не признал этого. До сих пор так и неясно, кто же все-таки продал танки «красным кхмерам», располагавшим достаточными финансовыми средствами для самостоятельной покупки столь дорогостоящего вооружения.

Возможно, китайцы решили перехитрить всех. В 1990 году в Кампучии заметно активизировались ортодоксальные коммунисты, попытавшиеся оттеснить от государственного руководства премьер-министра Хун Сена и его либеральных советников. Внутреннюю антихунсеновскую оппозицию возглавил Чеа Сим, ранее особо ничем не выделявшийся, занимавший сравнительно скромную должность председателя Национального собрания (парламента) НРК. Из всех кадровых работников «красных кхмеров», перешедших на сторону вьетнамцев, именно Чеа Сим занимал наиболее высокий пост в Демократической Кампучии. По Пномпеню поползли слухи о «красном решении» кампучийской проблемы.

Суть вероятного «красного решения» сводилась к тому, что Ханой и Пекин якобы договорились примирить ортодоксальных коммунистов в руководстве Народно-революционной партии Кампучии, правившей в НРК, с незапятнанными преступлениями деятелями «красных кхмеров». При этом в политическую отставку отправлялись бы, с одной стороны, Пол Пот и его окружение, а с другой — Хун Сен с единомышленниками. В этом случае война прекратилась бы, а в Кампучии сформировалось бы коммунистическое правительство по образу и подобию китайского или вьетнамского.

Судя по всему, вариант «красного решения» кампучийской проблемы не реализовался из-за решительных возражений Хун Сена. Весомость его аргументов подкреплялась тем обстоятельством, что все силовые структуры — армия, полиция, служба безопасности — сохраняли лояльность Хун Сену.

После этого китайцы решили посмотреть, чем закончатся наступления «красных кхмеров» на правительственные войска, предпринятые в 1990 и 1991 годах после вывода вьетнамских войск из Кампучии. Армия Хун Сена выстояла, а Китай окончательно разочаровался в военных способностях «красных кхмеров». Это и стало одной из причин отхода Пекина от жесткой линии в кампучийском урегулировании.

Другим важным фактором, повлиявшим на смягчение позиции Китая, стало налаживание отношений с Вьетнамом. Обеспокоенное размахом демократических преобразований в СССР вьетнамское руководство искало согласия с Китаем.

В июле 1991 года на седьмом съезде Коммунистической партии Вьетнама из состава политбюро ЦК партии вывели всех деятелей, придерживавшихся просоветской позиции. Все министры, числившиеся друзьями СССР, в том числе и министр иностранных дел Нгуен Ко Тхать, лишились своих постов.

7—10 августа 1991 года заместители министров иностранных дел КНР и СРВ договорились о быстром восстановлении отношений в экономике, торговле, коммуникациях, почтовых услугах и других областях. В ноябре 1991 года высокая партийно-правительственная делегация Вьетнама посетила Китай, чтобы «закрыть прошлое и открыть будущее в отношениях двух стран».

Одновременно Пекин пошел на сближение с правительством Хун Сена, который 16-17 июля 1991 года впервые посетил Китай с официальным визитом. На переговорах с китайскими руководителями Хун Сен пообещал признать гегемонию Китая в Юго-Восточной Азии, а взамен просил китайцев отойти от односторонней поддержки «красных кхмеров» и предоставить кампучийцам возможность самостоятельно разобраться между собой.

Третьим фактором, смягчившим позицию Пекина в кампучийском вопросе, было достижение Китаем стратегических целей в Юго-Восточной Азии. С июня по сентябрь 1991 года Китай и Лаос подписали серию договоров, восстановивших дружественные отношения между двумя странами. Благодаря многолетнему сотрудничеству по оказанию помощи «красным кхмерам» у китайцев установились отношения тесного сотрудничества с высшим командованием вооруженных сил Таиланда. Тайцы покупали в Китае в большом количестве не только обычное оружие, но и современное вооружение. К началу 1990-х годов Таиланд вышел на шестое место среди получателей китайского оружия. Интенсивное военно-техническое сотрудничество сцементировало межгосударственные отношения между Китаем и Таиландом. Бирма превратилась в зависимое от китайцев государство, поскольку практически вся бирманская внешняя торговля шла через Китай.

Также продуктивно развивались отношения КНР и с другими странами Юго-Восточной Азии. Еще во второй половине 1970-х годов Пекин отошел от поддержки революционно-повстанческих группировок в ЮВА, что создавало повышенную напряженность в отношениях Китая со странами региона в 1960-е годы.

Общая геополитическая ситуация в регионе и мире также складывалась исключительно благоприятно для Пекина. Ликвидация американских военных баз на Филиппинах и советской военной базы в Камрани во Вьетнаме означала, что КНР остается единственной великой державой, сохраняющей военное присутствие в ЮВА.

Кроме того, Китай извлек явную выгоду из испуга третьего мира в связи с военной атакой США против Ирака в 1991 году. Крах СССР, многолетнего противника США, придал Китаю новую функцию противовеса американской гегемонии, по меньшей мере, в Юго-Восточной Азии.

К началу 1990-х годов Китай достиг всех своих внешнеполитических целей в регионе: наказал Ханой за союз с СССР, воспрепятствовал Вьетнаму стать доминирующей державой в Индокитае, минимизировал влияния Москвы в Юго-Восточной Азии, утвердил примарность китайских геополитических

интересов в регионе, нормализовал отношения со странами АСЕАН, улучшил отношения с СССР посредством приемлемого для Китая способа разрешения кампучийской проблемы.

Когда Хун Сен предложил китайцам дружбу, то они приняли это предложение.

В июле 1992 года ЦК Коммунистической партии Китая пригласил председателя Народной партии Кампучии, отказавшейся от слова «революционной» в своем наименовании, Чеа Сима посетить КНР с официальным дружественным визитом. Очень показательно, что Чеа Сим приглашался не как председатель кампучийского парламента, а именно как руководитель дружественной партии. Китайское партийное руководство проинформировало Чеа Сима о намерении Пекина предпринять усилия по защите социализма в Азии путем формирования азиатского социалистического сообщества, которое включало бы Китай, Вьетнам, Северную Корею, Лаос и Кампучию. Чеа Симу предлагалось воодушевиться этой идеей, что он и сделал, посетив после Китая КНДР.

Китай все меньше и меньше нуждался в услугах «красных кхмеров». Пекин даже перешел к жесткому давлению на них. Например, с целью принудить «красных кхмеров» к участию в парламентских выборах в Кампучии весной 1993 года Китай выразил готовность ввести экономические санкции против «красных кхмеров», в том числе арестовать их счета в китайских банках.

После 1993 года Пекин фактически оставил «красных кхмеров» на произвол судьбы. Китай не предоставил убежища ни Пол Поту, ни другим лидерам «красных кхмеров». Хотя об этом китайцев просил, как это ни удивительно, Хун Сен, который не хотел возиться с Пол Потом в Кампучии. Максимум на что согласились китайцы — принять на лечение в психиатрической лечебнице первую жену Пол Пота Кхиеу Поннари, которая умерла в июле 2003 года.

С лета 1993 года китайские руководители прервали всякие отношения с «красными кхмерами», публично назвав глупым их отказ от участия в парламентских выборах в Кампучии. Йенг Сари даже не пустили в китайское посольство в Пномпене, когда тот пришел по каким-то консульским делам.

А ведь не так давно в качестве министра иностранных дел Демократической Кампучии Йенг Сари принимали в Пекине на высшем уровне.

Когда в 1994 году Париж попросил Пекин помочь решить вопрос с остатками «красных кхмеров», все еще укрывавшихся в кампучийских джунглях, китайцы ответили кратко: «Китай не желает больше тратить впустую время на конфликт в Кампучии. Есть много других, более важных дел».

После 1993 года Китай оказывал режиму Хун Сена не только политическую, экономическую, но и военную помощь. При этом Пекин совершенно не смущало, что Хун Сен использовал китайское оружие для окончательного подавления «красных кхмеров».

В июле 1996 года, в ходе визита в КНР, Хун Сен конфиденциально договорился с руководителями Китая о мерах, которые кампучийское правительство должно было предпринять для снижения западного влияния в Кампучии. В июле 1997 года Хун Сен закрыл представительство Тайваня в Пномпене, заявив, что Китай един и неделим. После этого в кампучийско-китайских отношениях наступила эра полного взаимопонимания.

ПОЛИТИКА НЕНАВИСТИ

14 января 1979 года, после выступления в ООН от имени Демократической Кампучии с осуждением вьетнамского вторжения в Кампучию, Сианук неожиданно попросил политического убежища в США. Казалось бы, Вашингтон получил удобный случай взять под свою опеку известного кампучийского лидера, под эгидой которого можно было бы развернуть борьбу против вьетнамской оккупации Кампучии. Но американцы отказали Сиануку, которому пришлось вернуться в Китай.

Соединенные Штаты сочли, что в кампучийском конфликте выгоднее сделать ставку на Пол Пота и на его партизанскую армию. Естественно, возникала проблема морального свойства — каким образом Вашингтон, мировой оплот демократии и либерализма, мог сговориться с Пол Потом, лидером наиболее радикальной коммунистической революции?

Эту проблему американцы решили с помощью Китая. Много лет спустя тогдашний советник президента США по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский признался: «В 1979 году я поощрял китайцев поддерживать Пол Пота. Пол Пот вызывал отвращение. Мы никогда не могли [открыто] поддерживать его, а Китай мог». По словам того же Бжезинского, Соединенные Штаты смотрели сквозь пальцы на китайскую помощь «красным кхмерам».

Первым публичным свидетельством американской доброжелательности к «красным кхмерам» стало посещение в ноябре 1979 года супругой президента США Розалин Картер лагерей кхмерских беженцев на таиландско-кампучийской границе. Внешне эта поездка преподносилась как миссия милосердия. Вскоре ее примеру последовала премьер-министр Великобритании Маргарэт Тэтчер.

Официально в лагерях находились только гражданские лица. В действительности там отдыхали и лечились также и

боевики «красных кхмеров». Это было вопиющим нарушением принципов деятельности международных гуманитарных организаций, которые не могут предоставлять помощь, прямую или косвенную, военизированным формированиям. В 1987 году ряд сотрудников британской благотворительной организации OXFAM предали гласности факты оказания гуманитарными организациями медицинской помощи солдатам «красных кхмеров», которые после лечения возвращались на поле боя в Кампучию.

В декабре 1979 года Пол Пот дал телевизионное интервью американским журналистам, в котором попросил правительство США оказать помощь для борьбы с вьетнамцами, ведшими в Кампучии, как он выразился, войну геноцида. Этот призыв услышали в Вашингтоне. После этого Пол Пот замолчал. В течение многих лет множество журналистов из разных стран старались договориться об интервью с ним, но безрезультатно.

С февраля 1980 года посольство США в Таиланде стало главным центром проведения операций по поддержке «красных кхмеров», дестабилизации положения в Народной Республике Кампучии, ведения разведывательной и подрывной деятельности против Вьетнама. Персонал американского посольства в Бангкоке увеличился с сорока восьми человек в 1975 году до ста двадцати шести сотрудников в 1980 году.

Прежде всего, американцы развернули пропагандистскую войну против режима НРК через передачи радиостанции «Голос Америки» на кхмерском языке. Агентура ЦРУ в Таиланде получила приказ оказывать всемерное содействие «красным кхмерам».

Одновременно Вашингтон предпринял меры по приуменьшению в глазах мировой общественности размаха массовых репрессий, проводившихся «красными кхмерами» в Демократической Кампучии. В мае 1980 года ЦРУ США выпустило демографический доклад, в котором отрицались массовые экзекуции в годы правления Пол Пота. Американские правительственные эксперты по Индокитаю проталкивали в средствах массовой информации Запада полуофициальную политическую реабилитацию «красных кхмеров», вождь ко-

торых — Пол Пот — теперь характеризовался как «харизматический лидер кровавой, но успешной крестьянской революции с существенным масштабом народной поддержки, поскольку по статистике, большинство крестьян не подвергалось большим зверствам».

В ноябре 1980 года бывший заместитель директора ЦРУ Рей Клайн скрытно посетил с инспекционной поездкой лагеря «красных кхмеров» на кампучийской территории. Скорее всего, это была официальная миссия, поскольку, как известно, бывших разведчиков не бывает.

После этого ЦРУ начало тайно финансировать модернизацию армии «красных кхмеров». По данным исследовательской службы Конгресса США, с 1980 по 1986 годы на продовольственную, экономическую и военную помощь «красным кхмерам» было израсходовано восемьдесят пять миллионов долларов. Утечка информации произошла из-за оплошности служащего Конгресса США, получившего эти данные для составления бухгалтерской отчетности. Деньги приходили из различных фондов на счета созданной в Бангкоке формально гуманитарной организации Kampuchean Emergency Group (KEG) — главного распределителя американской финансовой помощи «красным кхмерам».

Несмотря на официальное опровержение государственного департамента США, скандал замять не удалось. Конгресс США принял специальный акт, в котором указывалось: «Все средства, не израсходованные для действий, имеющих целью увеличение, прямо или косвенно, способности "красных кхмеров" проводить военные или военизированные действия в Кампучии, должны быть депонированы в Казначействе Соединенных Штатов». После этого государственный департамент США запретил американским должностным лицам пожимать руки представителям «красных кхмеров».

ЦРУ же нашло скрытые каналы их поддержки. Поскольку американское правительство финансировало большинство гуманитарных операций в районе таиландско-кампучийской границы, то значительная часть продовольственной и прочей благотворительной помощи доставалась подставным получателям, которые затем переправляли ее «красным кхмерам».

Американцы нашли обходные пути оказания военной, материальной и политической помощи «красным кхмерам», используя некоммунистические фракции кхмерского сопротивления: сианукoвскую партию ФУНСИНЕК и прозападный НФОК во главе с Сон Саном.

С представителями кхмерского сопротивления работал Совет американской безопасности (САБ), формально общественная, неправительственная организация, с разветвленной сетью структурных подразделений. В одном из таких подразделений — Комитете за мир с позиции силы — состояли известные политики и государственные деятели США, в том числе и американский президент Рональд Рейган. В мероприятиях под эгидой САБ участвовали министр обороны США, члены Сената и Палаты представителей Конгресса США. САБ проводил в Бангкоке конференции экспертов по кампучийской проблеме, которые рекомендовали правительствам Японии, КНР и стран АСЕАН поддержать расширение военного присутствия США в регионе и наращивание военной помощи кхмерским силам сопротивления, противостоящим агрессивности советско-вьетнамского союза.

США и Китай разработали план объединения трех кхмерских антиправительственных группировок в Коалиционное правительство Демократической Кампучии (КПДК). Подобная комбинация позволяла скрывать предоставление военно-материальной помощи «красным кхмерам», которых политически прикрывали монархисты из ФУНСИНПЕК и западники из НФОК.

Сианук и Сон Сан не хотели вступать в коалицию с «красными кхмерами», но американцы их заставили. На встрече с Сиануком в Пекине 25 апреля 1981 года Временный поверенный в делах США в КНР Стэплтон Рой прямо сказал Сиануку: «Достижение всеобъемлющей коалиции [с «красными кхмерами»] значительно повысит Ваши возможности получения помощи извне, поскольку в этом случае дружественным странам будет легче помогать Вам». И действительно, после заключения союза с «красными кхмерами» ФУНСИНПЕК и НФОК стали регулярно получать американскую финансовую помощь, которая поступала по каналам ЦРУ и составляла, по

разным оценкам, от семнадцати до тридцати двух миллионов долларов в год.

Ни для кого не было секретом, что ведущую роль в КПДК играли «красные кхмеры». Так, в июле 1982 года газета «Нью-Йорк Таймс» писала: «Красные кхмеры» Пол Пота контролируют главные силы кхмерских повстанцев, в то время как Сианук выполняет косметические функции». Американский политический истеблишмент отчетливо представлял себе положение дел в КПДК. Об этом свидетельствовали высказывания бывшего посла США в Камбодже в 1970-73 годах Эмори Сванка: «Третью фракцию в КПДК составляют коммунисты — «красные кхмеры». ... Их номинальный руководитель Кхиеу Самфан. Но командование армией «красных кхмеров» и реальная власть по-прежнему в руках Пол Пота, отвратительного и дискредитированного персонажа. ... Страхом перед Пол Потом объясняется принятие кхмерским народом режима НРК и отсутствие внутри Кампучии поддержки коалиции, которая ассоциируется с Пол Потом».

Вашингтон последовательно поддерживал «красных кхмеров». Бывший директор отдела Вьетнама, Лаоса и Кампучии государственного департамента США Шип Лоумэн впоследствии признал: «США одобряли возрождение и развитие политической и военной дееспособности «красных кхмеров», начиная с 1979 года». Создание КПДК облегчило Соединенным Штатам сохранение места Кампучии в ООН за «красными кхмерами». В 1982 году представитель США в ООН Джейн Киркпатрик заявила: «Мы поддерживаем присутствие Коалиционного правительства Демократической Кампучии, включая «красных кхмеров», в ООН».

После создания КПДК Палата представителей Конгресса США неоднократно принимала решения о выделении военной и экономической помощи некоммунистическим фракциям КПДК. Ответственность за доставку денег указанным адресатам возлагалась на Американское агентство международного развития, которое позже не смогло отчитаться за расходование десятков миллионов долларов, переданных кампучийским группам сопротивления. Персонал Агентства не посещал зоны боевых действий вооруженных формирований

КПДК, поэтому не мог (или не хотел) проверить, каким именно кхмерским группировкам доставались американские деньги.

Распределением денег на месте занималось ЦРУ США, которое, по данным гонконгского журнала «Фар Истерн Экономик Ревью», сотрудничало с китайцами в поставках оружия силам Пол Пота. В прессе появились свидетельства очевидцев, рассказавших о механизмах американской военной помощи «красным кхмерам».

В 1987 году сотрудник американского консульства в Бангкоке, предъявив документ, выданный правительством США, предлагал бывшему британскому солдату «работу по контрабанде оружия для Пол Пота за оплату в золоте». В том же 1987 году бывший военнослужащий австралийской армии признался в своей причастности к секретным американским операциям по поставкам оружия «красным кхмерам».

Затем появились свидетельства двух бывших сержантов из подразделения «зеленых беретов», охранявших посольство США в Таиланде. Они утверждали, что вышестоящие командиры приказали им уничтожить документы, которые связывали американскую Объединенную военную группу помощи в Таиланде с продажей в 1988 году американских боеприпасов, гранатометов, компонентов химического оружия и взрывчатки советского производства на сумму в несколько миллионов долларов на «черном рынке» Таиланда, откуда эти товары попали к «красным кхмерам». Еще один американский военнослужащий, который знал детали вышеуказанных сделок, был убит при невыясненных обстоятельствах на новом месте службы на американской военной базе на Окинаве в Японии.

Американская помощь «красным кхмерам» вызывала возмущение в широких кругах кхмерской эмиграции, пострадавшей от правления «красных кхмеров». Организации кхмерских беженцев в США направляли президенту США Рональду Рейгану обращения с требованием осудить преступления «красных кхмеров», совершенные в Демократической Кампучии. Американский комитет солидарности с Вьетнамом, Кампучией и Лаосом поддерживал связи с НРК и проводил акции протеста (пикеты, сбор подписей, письма протеста

правительству и в Конгресс США) с осуждением военно-политической и финансовой поддержки Вашингтоном «коалиции Пол Пота», а также против присутствия «красных кхмеров» в ООН. Все эти призывы остались без ответа.

Администрация Рейгана рассматривала «красных кхмеров» как важных партнеров при осуществлении тайной дипломатии США в Индокитае. В декабре 1980 года, после победы Рональда Рейгана на президентских выборах, Йенг Сари удовлетворенно сказал: «Мы связываем наши надежды с правительством Рейгана». При этом Йенг Сари намекнул на возможность сотрудничества «красных кхмеров» с антикоммунистическими группировками на юге Лаоса, боровшимися против провьетнамского правительства ЛНДР. Более четко по этому вопросу высказался другой лидер «красных кхмеров» Тхиун Мум: «Как смогут организации, которые американцы поддерживают во Вьетнаме и Лаосе, усиливаться без возможностей Демократической Кампучии?» То есть без «красных кхмеров».

Официальная позиция США по проблеме «красных кхмеров» формулировалась очень обтекаемо. Государственный департамент выступал с расплывчатыми разъяснениями в том смысле, что «красные кхмеры» должны понести ответственность за действия в Кампучии в конце 1970-х годов. Однако, когда министр иностранных дел Австралии Билл Хейден предложил учредить международный трибунал для суда над Пол Потом и его окружением, то государственный секретарь США Джордж Шульц сделал все, чтобы похоронить эту идею в самом начале.

США препятствовали любым попыткам Австралии, Франции, Японии, Индонезии и Таиланда договориться с Вьетнамом и НРК о мирном решении кампучийской проблемы. Несмотря на очевидную трудность в оправдании своих действий, Вашингтон ввел длительную и жесткую международную экономическую блокаду Народной Республики Кампучии, с одной стороны, а, с другой, поддерживал «красных кхмеров» и их союзников в борьбе против правительства НРК.

После вывода вьетнамских войск из Кампучии в сентябре 1989 года к удивлению США режим НРК не развалился. Пра-

вительство Хун Сена самостоятельно успешно противостояло «красным кхмерам» и контролировало ситуацию в стране.

Теперь Вашингтон заговорил о всестороннем урегулировании кампучийской проблемы с участием «красных кхмеров». Государственный секретарь США Джеймс Бейкер предложил включить «красных кхмеров» в будущее кампучийское правительство. Стало ясно, что Соединенные Штаты не успокоятся до тех пор, пока Хун Сен не будет отстранен от власти. Вашингтон хотел иметь в Кампучии именно антивьетнамское правительство. Поэтому государственный департамент США торпедировал наметившиеся договоренности между Хун Сеном и Сианук, которые оставляли бы «красных кхмеров» за рамками политического урегулирования кампучийской проблемы. Кроме этого, американцы добились исключения термина «геноцид» из текста мирных соглашений по Кампучии, что существенно облегчало общественно-политическую легализацию «красных кхмеров».

20 июля 1989 года, за два месяца до полного вывода вьетнамских войск из Кампучии, Конгресс США принял решение о дополнительных поставках оружия некоммунистическим фракциям КПДК. Вашингтон готовил насильственное свержение правительства НРК. В лагерях «красных кхмеров» в Таиланде появились американские и британские инструкторы, проводившие военное обучение. На них случайно наткнулся один английский журналист. Американцы сказали, что это сотрудники ЦРУ проводят «теоретические занятия, подготавливая «красных кхмеров» к легальной политической деятельности». Трудно было придумать более неуклюжее оправдание. Облик и повадки американских и британских «учителей» свидетельствовали, что они значительно лучше разбираются в боевом оружии, чем в принципах парламентской демократии. Скандал замять не удалось.

Осенью 1990 года вопрос о тайной военной помощи Великобритании «красным кхмерам» разбирался на слушаниях в Палате общин британского парламента, в ходе которых премьер-министр Великобритании Маргарэт Тэтчер сказала: «Я неоднократно ясно заявляла о том отвращении, с которым мы относимся к «красным кхмерам» и ко всему тому, за что

они выступают». Тем не менее, это отвращение не помешало британским спецслужбам длительное время сотрудничать с «красными кхмерами». В докладе британских общественных организаций, опубликованном в 1991 году, указывалось: «Великобритания была вовлечена в обучение кампучийских фракций сопротивления по использованию мин и взрывчатки, как в военных целях, так и против гражданских лиц».

После многочисленных официальных опровержений, правительство Великобритании признало, что в 1983-89 годах инструкторы британских вооруженных сил «обучали союзнические с «красными кхмерами» силы». Лондон решил выйти из азартных игр с «красными кхмерами». 8 ноября 1989 года министр иностранных дел Великобритании Дуглас Херд сообщил парламенту о намерении британского руководства установить официальные связи с правительством Хун Сена.

В апреле 1990 года в Конгрессе США вспыхнула полномасштабная политическая свара по поводу политики администрации Джорджа Буша (старшего) в Кампучии.

Член Палаты представителей Честер Аткинс заявил, что американская политика военной поддержки КПДК является безнравственной, после того как вьетнамские войска ушли из Кампучии. Аткинс возмущался, что правительство США продолжает направлять деньги в лагеря «красных кхмеров», по-прежнему сохраняет место Кампучии в ООН за «красными кхмерами» и блокирует оказание гуманитарной помощи народу Кампучии — и это все во имя борьбы с вьетнамской оккупацией, как бы не замечая, что Вьетнам уже ушел из Кампучии. Аткинс назвал действия президентской администрации Буша политикой ненависти: «Мы [США] все еще ведем вьетнамскую войну. Это — последнее сражение той войны, в котором мы используем «красных кхмеров». Мы не отдаем себе отчета в том, что «красные кхмеры» используют нас, а не наоборот. ... Нет такого фигового листка, достаточно большого, чтобы прикрыть тот факт, что лидеры некоммунистического кхмерского сопротивления воюют вместе с «красными кхмерами» в течение десяти лет».

Под эмоциональным напором Аткинса заместитель государственного секретаря США Ричард Соломон признал, что

президентская администрация отказалась от намерения арестовать Пол Пота по обвинению в геноциде. В действительности Вашингтон отказался даже от использования термина «геноцид» для описания политики «красных кхмеров» в Демократической Кампучии, предпочитая невразумительное словосочетание «вид насилия, совершенный Пол Потом».

Под давлением Конгресса президентская администрация Буша (старшего) объявила 18 июля 1990 года об изменении политики в кампучийском вопросе, что означало готовность к переговорам с Вьетнамом по кампучийской проблеме, выделение ограниченной гуманитарной помощи для детей в Кампучии и голосование против присутствия «красных кхмеров» в Организации Объединенных Наций. Также было заявлено о нежелательности возвращения «красных кхмеров» к власти в Кампучии. Но Вашингтон по-прежнему блокировал все усилия по решению кампучийской проблемы без участия «красных кхмеров», которые продолжали управлять миссией Кампучии при ООН до апреля 1993 года.

Хун Сен с воодушевлением воспринял смягчение американской позиции в кампучийском вопросе. В интервью американским журналистам 27 июля 1990 года он сказал: «Как только мы достигнем политического решения кампучийской проблемы, многопартийная система будет автоматически принята в Кампучии. <...> Почему мы не позволяем многопартийную систему сейчас? <...> Мы не хотим бороться одновременно на двух фронтах. <...> Для кампучийцев не столь важен вопрос многопартийной или однопартийной системы, а предотвращение возвращения режима геноцида Пол Пота». Но Вашингтон не воспринял реверансы Хун Сена.

США рассчитывали отстранить Хун Сена от власти и сформировать в Кампучии послушное, прозападное правительство в рамках осуществления плана ООН по урегулированию кампучийской проблемы. По признанию бывшего директора отдела Вьетнама, Лаоса и Кампучии государственного департамента США Шипа Лоумэна, Вашингтон с самого начала исходил из того, что «план ООН никогда не достигнет объявленных целей», то есть восстановления мира в Кампучии.

17 октября 1991 года Ричард Соломон, заместитель государственного секретаря США, сообщил: «США будут абсолютно восхищены увидеть Пол Пота и других [лидеров «красных кхмеров»] на скамье подсудимых за отвратительное насилие 1970-х годов». Но одновременно он выступил против предложения Хун Сена включить в мирные соглашения по Кампучии положение о проведении суда над лидерами «красных кхмеров».

В день подписания мирных соглашений по Кампучии 23 октября 1991 года государственный секретарь США Джеймс Бейкер сказал: «США подписали Конвенцию ООН против геноцида и мы поддержим усилия отдать под суд лиц, ответственных за массовые убийства 1970-х годов в Кампучии, если новое кампучийское правительство захочет выбрать этот путь». Мало кого смутило вопиющее лицемерие американской позиции: США выступали за участие «красных кхмеров» в будущем правительстве Кампучии, которое, если пожелает, должно было бы судить лидеров «красных кхмеров».

С начала 1992 года «красные кхмеры», нарушая мирные соглашения, наращивали боевые действия против правительственной армии Хун Сена. 20 августа 1992 года государственный департамент США выступил с официальным предупреждением: «Если "красные кхмеры" продолжат затруднять мирный процесс, то Совету безопасности ООН, вероятно, придется предпринять меры». Но никаких мер не последовало. Вашингтон ограничился исключительно словесными угрозами, блокируя введение эффективных санкций против «красных кхмеров». В том же августе 1992 года государственный департамент США проинформировал таиландское правительство о «нецелесообразности жесткого подхода к «красным кхмерам», поскольку это может привести к разрушению мирного процесса в Кампучии в целом».

Одновременно американцы провели акции по политической дискредитации режима Хун Сена. В феврале 1993 года государственный департамент США выпустил доклад о нарушении прав человека в Кампучии, в котором в основном говорилось об убийствах политических противников Хун Сена. А также о том, что должностные лица органов безопасности пномпеньского правительства, кажется, вовлечены в некото-

рые из этих убийств. Дискредитация режима Хун Сена должна была помочь его политическим противникам — монархистской партии ФУНСИНПЕК и прозападным деятелям — добиться победы в ходе грядущих парламентских выборов. Американские представители в Пномпене накануне выборов, не таясь, говорили: «Цель администрации США заключается в поддержке некоммунистов в их усилиях объединиться и управлять Кампучией после мирного урегулирования».

В апреле 1993 года один из командиров вооруженных формирований монархистов рассказал, что некоторые из политических убийств совершались людьми из ФУНСИНПЕК, а ответственность сознательно перекладывалась на правительственные структуры.

Одновременно появились сообщения о том, что «красные кхмеры», которые сами не участвовали в выборах, финансировали избирательную кампанию ФУНСИНПЕК в обмен на обещание монархистов включить представителей «красных кхмеров» в будущее правительство Кампучии. Опровергая эту информацию, председатель ФУНСИНПЕК Нородом Ранаридх сказал журналистам: «Пожалуйста, не верьте, что я получил шесть миллионов долларов от мистера Пол Пота. ... Если мы победим с большим преимуществом, то было бы разумно привлечь «красных кхмеров» в новое правительство. ... «Красные кхмеры» имеют много ярких молодых инженеров, которые получили образование во Франции. Почему они не должны быть привлечены в новое правительство?»

В мае 1993 года монархисты выиграли парламентские выборы с минимальным перевесом. Представитель США в Пномпене мрачно пожаловался: «Это не совсем то, что мы имели в виду».

Когда в июне 1993 года были оглашены окончательные результаты голосования, стало ясно, что без Народной партии Хун Сена сформировать новое, коалиционное правительство не получится. Но государственный департамент США конфиденциально проинформировал представителя министерства иностранных дел Великобритании в Пномпене, что «президент США не примет правительство с участием Хун Сена».

Раздосадованные американцы не стеснялись в выражениях. Один из американских чиновников на приватной вечеринке в Пномпене с апломбом заявил: «Мы сделаем в Кампучии то, что хотим. Мы можем обойтись без Сианука. Мы можем обойтись без Хун Сена. У нас есть девяносто миллионов долларов, чтобы купить депутатов Народной партии в парламенте Кампучии и получить необходимые две трети большинства, а затем сформировать коалицию по нашему выбору».

Однако было сформировано коалиционное правительство во главе с Нородомом Ранаридхом (первым премьер-министром) и Хун Сеном (вторым премьер-министром).

Американцы возненавидели Хун Сена, собственно говоря, не совсем понятно, за что именно. Может быть, потому, что кампучийское урегулирование прошло не под диктовку Вашингтона. И все из-за Хун Сена, который, казалось бы, в совершенно безнадежной ситуации не только сохранил, но и укрепил свою власть в стране.

В ноябре 1995 года кампучийская служба безопасности арестовала Нородома Сиривудха, занимавшего в то время пост министра иностранных дел. Его обвинили в руководстве заговором с целью убийства Хун Сена. Странно, но Сиривудха даже не судили, а просто выслали во Францию. Вероятно, это была сделка с американцами, поскольку после высылки Сиривудха правительство США внесло Кампучию в список государств, имеющих статус наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами.

Хун Сен находился под жестким пропагандистским прессом. Американские СМИ постоянно обвиняли его в авторитаризме и коррумпированности. Когда в 1996 году Хун Сен договорился о переходе на сторону правительства Йенг Сари с верными ему отрядами, американцы тут же припомнили Хун Сену его партизанское прошлое, когда он командовал полком «красных кхмеров».

В ответ на критику государственного секретаря США Мадлен Олбрайт по поводу договоренностей с Йенг Сари, Хун Сен сказал: «Они — американцы — не признавали смертный приговор Йенг Сари в 1979 году. После того, как он был приговорен народно-революционным трибуналом в Пномпе-

не, он отправился в Нью-Йорк, чтобы выступить с речью. Что это означает? Он выступал с речами на Генеральной Ассамблее ООН в 1979, 80, 81 годах — три года. Почему Интерпол или нью-йоркская полиция тогда не арестовали его и не выдали нам? Что в действительности скрывается за этим? <...> Когда был политический спрос на Йенг Сари, американцы говорили, что Йенг Сари не совершал никаких преступлений. В других обстоятельствах они говорят другое».

В июле 1997 Нородом Ранаридх затеял государственный переворот с целью отстранения Хун Сена от власти. После подавления путча преданными Хун Сену войсками США на две трети сократили экономическую помощь Кампучии. Под давлением США некоторые западные страны, а также Международный валютный фонд и Всемирный банк заморозили программы финансовой помощи Пномпеню. Экономическая помощь и программы сотрудничества с международными финансовыми институтами возобновились только после того, как Хун Сен простил Ранаридха и позволил ему вернуться на родину.

После июльских событий 1997 года Хун Сен вступил в открытую полемику с США: «Американцы обвиняют нас в неуважении прав человека. Но у нас есть свободная пресса и многопартийная демократия. Они могут быть преподавателями по экономике и технологиям, но не по политике, правам человека и демократии. Я не хочу быть их студентом. ... Американцы поддержали Пол Пота. ... Если бы никто не поддержал Пол Пота, если бы никто не принял его в Организацию Объединенных Наций, если бы никто не помогал ему, то наступил бы его скорый конец».

Осознавая весомость обвинений Хун Сена, администрация президента США Билла Клинтона решила поймать и судить Пол Пота. Таким способом предполагалось скрыть от мировой общественности многолетнее тесное сотрудничество американцев с «красными кхмерами». Никому бы не пришла в голову мысль обвинять Вашингтон в пособничестве «красным кхмерам», если бы на показательном процессе в США американцы осудили самого кровавого диктатора современности.

Клинтон решил все сделать по-голливудски. 9 апреля 1998 года он приказал спецподразделениям армии США найти Пол Пота в кампучийских джунглях, схватить его и доставить в Соединенные Штаты для предания суду.

Утром 15 апреля 1998 года Пол Пот услышал по «Голосу Америки», что его ближайший сподвижник Та Мок планирует выдать своего вождя американцам. Прослушав радиосообщение, Пол Пот занемог и слег. Вечером того же дня, 15 апреля 1998 года, в 22 часа он скончался. По официальной версии — от сердечного приступа. По неофициальной — Пол Пот покончил жизнь самоубийством. Или же его отравили. Труп сожгли, а прах развеяли по ветру.

ДОРОГИЕ МИРОТВОРЦЫ

Кампучийское урегулирование — самая масштабная и дорогостоящая миротворческая операция в истории Организации Объединенных Наций.

После ликвидации вьетнамцами Демократической Кампучии «красные кхмеры» остались полноправными членами почти всех специализированных учреждений ООН. В марте 1979 года генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм принял верительные грамоты от Тхиун Праси-та, ставшего постоянным представителем ДК в ООН, которая никогда ранее не принимала в свои ряды посланцев свергнутого правительства.

Свою беспринципность руководство ООН продемонстрировало буквально спустя несколько месяцев после уничтожения режима «красных кхмеров». 11 апреля 1979 года войска Танзании свергли диктаторскую клику в соседней Уганде во главе с Иди Амином. ООН автоматически признала новое правительство Уганды, установленное танзанийцами.

С самого начала «красные кхмеры» намеревались использовать ООН как инструмент своего возвращения к власти в Кампучии. 21 августа 1979 года они выдвинули требование вывода вьетнамских войск из Кампучии и предложили провести в стране парламентские выборы под контролем ООН: «Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций или его представитель будет приглашен контролировать первые законодательные выборы в Кампучии, чтобы убедиться в их свободном и демократичном проведении». Дальнейшие события показали, что миротворческая операция ООН в Кампучии планировалась по сценарию «красных кхмеров».

В 1979 году несколько международных неправительственных организаций обратились к ООН с призывом немедленно предоставить Кампучии гуманитарную помощь. В ноябре 1979 года генеральный секретарь ООН созвал конфе-

ренцию по вопросам чрезвычайной помощи кампучийскому населению. В результате в Народной Республике Кампучии появилось представительство Детского фонда ООН, Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев и Всемирной продовольственной программы. Международная помощь не могла кардинально повлиять на положение дел в НРК. Но она могла в какой-то степени смягчить остроту социальных проблем в стране и способствовать укреплению позиций провьетнамского правительства Кампучии.

Однако ООН выбрала вариант поддержки «красных кхмеров», которым доставалась значительная часть помощи, формально предназначавшейся для кхмерских беженцев в Таиланде. Таким образом, ООН оказывала «красным кхмерам» не только открытую политическую, но и завуалированную материальную поддержку.

ООН создала специальную структуру — УНБРО (United Nations Border Relief Operation) — по проведению гуманитарных акций на таиландско-кампучийской границе. Распределением материальной помощи занимался специальный представитель генерального секретаря ООН. Под предлогом облегчения доступа к лагерям беженцев, УНБРО отремонтировала или построила новые дороги, по которым осуществлялась доставка военного снаряжения для отрядов «красных кхмеров».

УНБРО подмяла под себя не только ооновские, но и все другие благотворительные организации, которые принуждали действовать в соответствии с распоряжениями и указаниями УНБРО. Ряд неправительственных организаций попробовали осудить карательную политику экономического и гуманитарного эмбарго против НРК, неконтролируемое распределение помощи в лагерях беженцев, а также использование международной гуманитарной помощи для достижения политических целей. Но их очень быстро заставили замолчать.

В июне 1980 года на северо-западе Кампучии на горе Пном Малай «красные кхмеры» создали центр управления террористическими и подрывными акциями против властей НРК. Там же расположилось правительство Демо- кратической Кампучии в изгнании. «Красные кхмеры» привели с со-

бой на Пном Малай примерно сорок пять тысяч кхмерских беженцев, которых кормили УНБРО и Международный комитет Красного Креста.

В июле 1981 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке прошла международная конференция по Кампучии. Вьетнам, СССР и их союзники бойкотировали конференцию, организаторы которой включили в повестку дня только вопрос о вьетнамской оккупации Кампучии, отказавшись обсуждать преступления геноцида «красных кхмеров».

Устроители мероприятия не допустили в зал заседаний делегацию НРК, выделив почетные места для «красных кхмеров». Немногие из участников конференции когда-либо посещали Кампучию, еще меньше имели адекватное представление о сути обсуждавшихся проблем. Председателем конференции выбрали министра иностранных дел Австрии Виллибальда Пара, а его заместителями — дипломатов из Гондураса и Сенегала. Откровенно слабый текст заключительной резолюции чиновники ООН повторяли в течение последующих десяти лет: «Ситуация в Кампучии является результатом нарушения принципа уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности государств, неприменения силы или угрозы силы в международных отношениях».

Основываясь на резолюции конференции, осенью 1981 года ГА ООН запретила оказание любой помощи правительству НРК. После этого почти все представительства гуманитарных организаций ООН свернули свою деятельность в Кампучии.

В июле 1982 года оппозиционные кхмерские группировки («красные кхмеры», монархисты и западники) объединились в Коалиционное правительство Демократической Кампучии (КПДК). В совместной декларации указывалось: «С целью обеспечения непрерывности и эффективности дипломатической деятельности Демократической Кампучии нынешнее руководство во главе с Кхиеу Самфаном имеет право возобновить свою деятельность в качестве члена Организации Объединенных Наций в целях сохранения правопреемственности Государства Демократической Кампучии». В ок-

тябре 1982 года Генеральная Ассамблея ООН признала КПДК законным представителем кампучийского народа.

«Красные кхмеры» использовали структуры ООН для проведения антивьетнамской пропаганды. Выступая на различных международных форумах ООН, Кхиеу Самфан, Тхиун Прасит, Йенг Тхирит и другие представители «красных кхмеров» обвиняли вьетнамские войска в репрессиях против мирного населения Кампучии. «Красные кхмеры» регулярно выступали на пресс-конференциях в европейском центре ООН в Женеве, рассказывая о результатах вооруженной борьбы против вьетнамской оккупации. Заявления и другие программные документы «красных кхмеров» распространялись как пресс-релизы постоянного представительства Демократической Кампучии в Нью-Йорке. Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр многократно встречался с Кхиеу Самфаном, обсуждая с ним положение в Кампучии.

В 1985 году «красные кхмеры» заявили о том, что они поддержат любое правительство Кампучии, сформированное по итогам выборов, организованных ООН. «Красные кхмеры» обещали поддержку новому кампучийскому правительству даже в том случае, если сами не войдут в него. В действительности руководство «красных кхмеров» вынашивало замыслы возвращения к власти, используя условия, созданные процессом мирного урегулирования под эгидой ООН.

Выступая в 1988 году на закрытом собрании кадрового актива «красных кхмеров», Пол Пот изложил план задержки выборов в Кампучии до тех пор, пока силы «красных кхмеров» не укрепятся на большей части страны. Достижению поставленной цели должна была способствовать и международная деятельность, суть которой сформулировал Кхиеу Самфан: «Внешний мир продолжает требовать политического завершения войны в Кампучии. Я мог бы закончить войну немедленно, если бы хотел, потому что внешний мир ждет этого от меня, но я тяну время, чтобы дать товарищам в Кампучии возможность выполнить все задачи. Для нас было бы хорошо закончить войну не политически, а военным способом». Пол Пот подкорректировал: «Политическое окончание войны — это исчезновение нашего движения. <...> Мы должны

препятствовать этому. <...> И в случае урегулирования [кампучийской проблемы] наши отряды останутся в джунглях для самообороны».

В августе 1990 года Совет безопасности ООН одобрил план мирного урегулирования в Кампучии под эгидой Организации Объединенных Наций, состоявший из трех главных компонентов.

1) Передача под контроль или управление ООН ключевых секторов Кампучии (иностранных дел, информации, финансов, внутренних дел и обороны).

2) Разоружение вооруженных формирований «красных кхмеров», монархистов, западников и армии НРК.

3) Организация и проведение парламентских выборов под контролем ООН.

Особенностью плана стал отказ ООН обратиться к проблеме геноцида «красных кхмеров». В комментарии СБ ООН указывалось лишь на «необходимость принять меры по соблюдению прав человека и гарантировать невозвращение к политике и практике прошлого».

Еще более красноречивым выглядело решение Комитета по правам человека ООН изъять из повестки дня своих заседаний проект решения по Кампучии, в котором упоминались злодеяния, достигшие уровня геноцида, совершенные в период правления «красных кхмеров», и содержалось обращение ко всем государствам с просьбой «обнаружить, арестовать, выдать или придать суду тех, кто ответственен за преступления против человечности, совершенные в Кампучии, а также предотвратить возвращение на правительственные позиции тех, кто несет ответственность за направленные на геноцид действия в период 1975-78 годов».

Из плана ООН невозможно было понять, каким образом ооновские наблюдатели собираются разоружать отряды «красных кхмеров», располагавшиеся в отдаленных, труднодоступных районах Кампучии. План ООН практически не содержал мер по определению местонахождения тайных складов оружия «красных кхмеров».

Предполагалось, что кампучийские стороны передадут ООН списки своих боевых подразделений, а также схемы

размещения складов оружия и боеприпасов. План не предусматривал никаких методов проверки этих списков. Проще контролировались части армии правительства Хун Сена, расквартированные на всем известных базах, в городах и населенных пунктах. Правительство НРК соглашалось на демобилизацию двух третей своих вооруженных сил, требуя того же и от противников. «Красные кхмеры», переименовав многие свои боевые отряды в гражданскую полицию, заявили о том, что они не подлежат разоружению.

Концепция управления Кампучией со стороны ООН в переходный период также вводила в заблуждение. Вначале специальный представитель генерального секретаря ООН Рафуддин Ахмед заявил, что взаимодействие ООН с административными структурами НРК ограничится теми функциями и действиями, которые могут непосредственно повлиять на проведение свободных и справедливых выборов в нейтральной политической среде. Однако, впоследствии Временная администрация ООН — ЮНТАК — фактически взяла на себя все функции управления Кампучией на период подготовки и проведения выборов, фактически лишив правительство Хун Сена политической власти. В то же время, план ООН не предусматривал никаких мер по контролю за деятельностью административных органов «красных кхмеров».

Готовность правительства Хун Сена к конструктивному сотрудничеству не была оценена руководством ООН, которое сохраняло экономическое эмбарго против НРК. Формально это преподносилось как акт нейтралитета ООН. В действительности это была завуалированная поддержка «красных кхмеров». Сокращение экономической помощи со стороны СССР и экономическая блокада со стороны Запада создавали дополнительные проблемы для кампучийского правительства. Ооновцы рассчитывали, что в условиях нарастания социально-экономических трудностей большинство избирателей проголосует против Народной партии Хун Сена.

Система проведения выборов также благоприятствовала «красным кхмерам». Предложенная правительством Хун Сена мажоритарная система, при которой в парламент проходил кандидат, получивший большинство голосов в дан-

ном конкретном избирательном округе, оставляла «красным кхмерам» мало шансов провести своих представителей в Национальное собрание Кампучии. ООН утвердила пропорциональную систему выборов, позволявшую «красным кхмерам» реально претендовать на представительство в парламенте.

План ООН не прописывал процедур эффективного контроля за избирательным процессом в районах, контролировавшихся «красными кхмерами». Ооновские наблюдатели намеревались проводить лишь точечную проверку в отдаленных областях. В то же время, план ООН предусматривал скрупулезное наблюдение за изби- рательным процессом в районах, находившихся под управлением правительства Хун Сена.

О том, что ооновский план проведения выборов потворствовал «красным кхмерам», свидетельствует и тот факт, что 17 октября 1991 года Совет безопасности ООН разрешил «красным кхмерам» переместить в Кампучию несколько сот тысяч кхмерских беженцев из Таиланда. Фактически под дулами автоматов «красные кхмеры» приводили в Кампучию своих потенциальных избирателей. Согласно внутренним документам Партии Демократической Кампучии, «красные кхмеры» планировали получить в Национальном собрании Кампучии до сорока депутатских мест из ста двадцати трех.

Временная администрация ООН обосновалась в Кампучии в 1991 году. Вместе с ооновцами в Пномпень прибыла и делегация «красных кхмеров» во главе с Кхиеу Самфаном для открытия своего официального представительства в кампучийской столице. Их встречала разъяренная толпа пномпеньцев. Даже Сианук мрачно констатировал: «Пять постоянных членов Совета безопасности ООН принудили кампучийцев смириться с возвращением "красных кхмеров" в Пномпень».

Осенью 1991 года Пол Пот объявил тактику действий «красных кхмеров» накануне выборов: «Провести стратегическое политическое наступление в сельской местности и открыть поле битвы в Пномпене с целью захвата политической власти. <...> Для этого надо провести ряд боевых атак, чтобы посеять панику. <...> План ООН — это результат нашей борьбы, оружие, которое надо использовать, чтобы нанести поражение врагам. <...> План ООН — в наших интересах, если его

правильно осуществлять, то мы победим. <...> Мы не должны позволить похоронить его».

«Красные кхмеры» были уверены, что ЮНТАК ничего не будет проверять в «их» избирательных округах и автоматически акцептирует любые итоги голосования.

В апреле 1992 года ЮНТАК организовала возвращение в Кампучию из Таиланда еще трехсот пятидесяти тысяч кхмерских беженцев, зарегистрированных в качестве избирателей в районах, контролировавшихся «красными кхмерами», которые отказались допустить туда наблюдателей ООН.

Одновременно «красные кхмеры» потребовали от ООН распустить правительственную администрацию Хун Сена во всех провинциях и уездах Кампучии и временно заменить ее сотрудниками ЮНТАК. Таким образом, по мнению «красных кхмеров», создавалась бы нейтральная политическая среда для проведения выборов.

У «красных кхмеров» начались проблемы с ООН после того, как ЮНТАК возглавил японский дипломат Ясуши Акаши.

Процесс разоружения кампучийских вооруженных формирований должен был начаться 13 июня 1992 года. Но за два дня до намеченного срока Акаши получил письмо от «красных кхмеров», в котором указывалось, что их отряды не имеют возможности позволить силам ЮНТАК продолжить развертывание в областях, контролируемых «красными кхмерами». Фактически они отказались разоружиться. Назвав подобные действия недопустимыми, Акаши признал, что «красные кхмеры» серьезно угрожают процессу урегулирования: «К сожалению, существующие нарушения перемирия со стороны «красных кхмеров» продолжают увеличиваться в числе и серьезности. Характер этих действий указывает на преднамеренную политику террора против обычных кампучийцев».

Акаши предложил Совету безопасности ООН рассмотреть вопрос о введении санкций против «красных кхмеров». Но заместитель генерального секретаря ООН по миротворческим операциям генерал Маррак Гоулдинг возразил: «Я не думаю, что мы должны говорить о санкциях».

Со своей стороны, «красные кхмеры» выдвинули ООН ультиматум — они не будут участвовать в выборах, если ЮН-

ТАК не создаст в Кампучии нейтральную политическую среду, то есть не распустит правительство Хун Сена и не разоружит правительственную армию.

Для придания большей весомости своим требованиям, «красные кхмеры» стали совершать нападения на персонал ЮНТАК и подразделения миротворческих сил ООН, которые продолжали бездействовать. Скандальную огласку получил эпизод с голландскими миротворцами, которые убежали из района «красных кхмеров», увидев перед собой мальчика-подростка с автоматом наперевес. А в большинстве случаев «красные кхмеры» просто бросали на дорогу бамбуковые палки, чтобы ооновские солдаты не лезли к ним. «Красные кхмеры» также пригрозили, что будут сбивать вертолеты ООН, если те вздумают летать над районами дислокации отрядов «красных кхмеров».

После этого командующий миротворческими силами ООН в Кампучии, французский бригадный генерал Мишель Лоридон, предложил руководителям ЮНТАК силой разоружить «красных кхмеров». Практически это означало бы начало боевых действий между миротворческими силами ООН и «красными кхмерами».

Руководство ООН быстро остудило боевой пыл французского генерала, отправив его в отставку. Уходя, Лоридон сказал: «У нас был шанс заставить "красных кхмеров" выполнять мирные соглашения, которые они подписали. Но я не сумел убедить в этом моих начальников. <...> Они только сидели и ждали, когда лидеры "красных кхмеров" согласятся разоружить свои отряды».

25 сентября 1992 года СБ ООН наконец-то пригрозил «красным кхмерам» санкциями, если те продолжат нарушать мирные соглашения. Но эти предостережения так и остались вербальными.

В ноябре 1992 года генеральный секретарь ООН Бутрос Гали одобрил тактику терпеливой дипломатии в отношении «красных кхмеров», которые в последующие месяцы неоднократно испытывали терпение ООН. В ноябре—декабре 1992 года они похитили восемьдесят семь миротворцев ООН, отпустив их после угроз и издевательств. «Красные

кхмеры» испортили новогодний праздник ооновцам, подвергнув артобстрелу пункты размещения ЮНТАК в городе Сиемреап. Нападение приняло столь угрожающий характер, что за несколько часов до новогоднего торжества 31 декабря 1992 года ооновский персонал вывезли из Сиемреапа на вертолетах. В январе 1993 года «красные кхмеры» захватили еще более двадцати служащих ООН.

Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали продолжал терпеливо твердить: «Даже если они [«красные кхмеры»] не соглашаются, важно поддерживать диалог». Используя тактику умиротворения, ООН одиннадцать раз выдвигала ультиматумы «красным кхмерам».

В ответ 31 января 1993 года «красные кхмеры» пригрозили развязать широкомасштабную войну, если по итогам выборов будет сформировано «неправильное правительство» Кампучии. Акаши с горечью признал: «Главной проблемой является отказ [«красных кхмеров»] соблюдать мирные соглашения. <...> Как прямое следствие этого, другие три кампучийские фракции также становятся менее последовательными в их приверженности мирным соглашениям». Еще более определенно высказался глава гражданского персонала ЮНТАК Жерар Порсель: «У нас [ООН] нет желания выполнять мирные соглашения. ... В отсутствии твердости по отношению к «красным кхмерам» видится доказательство слабости ЮНТАК».

13 апреля 1993 года «красные кхмеры» покинули свое представительство в Пномпене, окончательно уйдя из мирного процесса, из которого они извлекли максимальную выгоду. Территория, контролировавшаяся «красными кхмерами», увеличилась в четыре раза. В районах действий «красных кхмеров» теперь проживало полмиллиона человек. Годовой доход «красных кхмеров» от контрабандной торговли драгоценными камнями и древесиной возрос до двухсот пятидесяти миллионов долларов. Перед выборами «красные кхмеры» пригрозили, что положение станет более нестабильным, опасным и запутанным.

Ситуация стала выходить из-под контроля ЮНТАК. «Красные кхмеры» перешли к нападениям на персонал ООН, убив

нескольких японских, бангладешских и болгарских солдат из контингента миротворческих сил ООН и ранив индийских и голландских миротворцев. Реальной выглядела перспектива срыва выборов, если бы в дни голосования «красные кхмеры» провели серию террористических актов. Это означало бы крах миротворческих усилий ООН в Кампучии.

Но неожиданно «красные кхмеры» притихли, предоставив ООН возможность провести выборы в спокойной обстановке. Это произошло потому, что, во-первых, председатель партии ФУНСИНПЕК Нородом Ранаридх пообещал включить «красных кхмеров» в свое будущее правительство. А во-вторых, «красные кхмеры» надеялись, что Народная партия Хун Сена потерпит поражение и будет отстранена от власти.

«Красные кхмеры» питали отнюдь не иллюзорные надежды. ООН вмешалась в ход избирательной кампании на самом высоком уровне, когда в феврале 1993 года генсек ООН Бутрос Гали обвинил службу безопасности Хун Сена в убийстве политических оппонентов Народной партии. Доверие населения к правительству Хун Сена в определенной степени было подорвано.

ЮНТАК была настроена явно негативно к Народной партии и лично Хун Сену. Гражданский персонал ЮНТАК, набранный из кампучийцев, на две трети состоял из людей, враждебных правительству Хун Сена. Это были кхмеры, проживавшие ранее в капиталистических странах или находившиеся в лагерях беженцев в Таиланде. Именно эти люди вели подсчет голосов избирателей.

Буквально за несколько дней до выборов ЮНТАК внесла изменения в избирательный закон, разрешив опечатывать заполненные бюллетенями урны для голосования без присутствия представителей центральной избирательной комиссии, а также проводить подсчет голосов утром следующего дня, оставляя урны для голосования на избирательных участках. ЮНТАК не предприняла никаких действенных мер по контролю за тем, что же происходило на избирательных участках в ночь после голосования. В результате на следующее утро было обнаружено более тысячи урн со сломанными замками.

Итоги выборов оказались обескураживающими как для ООН, так и для «красных кхмеров». Монархисты из ФУНСИНПЕК одержали мизерную победу, получив пятьдесят девять депутатских мандатов в Национальном собрании, Народная партия — пятьдесят один, а прозападная партия Сон Сана — всего тринадцать мандатов. Ни одна из партий не достигла подавляющего преимущества.

Наиболее логичной выглядела правительственная коалиция между ФУНСИНПЕК и НПК. Однако монархисты попытались протащить в коалиционное правительство «красных кхмеров». Представитель ФУНСИНПЕК выразил готовность вести переговоры с «красными кхмерами» относительно их желания получить в новом правительстве пост министра обороны. Только решительные возражения Хун Сена сорвали планы по привлечению «красных кхмеров» к формированию нового правительства Кампучии.

Миротворческая операция ООН завершилась провалом. До конца не выполнили ни один из пунктов плана ООН. «Красные кхмеры» продолжали вести вооруженную партизанскую войну, ни одну из кампучийских группировок не разоружили, а выборы под контролем ООН мало походили на демократичное и свободное волеизъявление кампучийского народа.

Отвечая на вопрос журналистов о причинах столь бездарного проведения миротворческой операции, австралийский генерал Джон Сандерсон, заменивший француза Лоридона на посту главнокомандующего миротворческими силами ООН, сказал: «Миссия ООН была заполнена дилетантами, многие из которых — недавние выпускники академий — не имели практического опыта жизни и работы в той среде, в которой они оказались».

Для большинства из шести тысяч гражданских служащих ЮНТАК миротворческая миссия в Кампучии была удобным случаем улучшить свое материальное благосостояние. В дополнение к месячной зарплате, колебавшейся от пяти до двадцати тысяч долларов, сотрудники ЮНТАК получали суточные в размере ста тридцати долларов в день, что примерно равнялось годовому доходу среднего кампучийца. Примерно такие

же расценки жалованья и премиальных были и у офицерского состава миротворческого контингента ООН в Кампучии.

В ЮНТАК процветало воровство. В прессу просачивалась лишь крохотная толика информации о финансовых махинациях, которыми занимались служащие ЮНТАК. Не удивительно поэтому, что миротворческая операция ООН в Кампучии, продолжавшаяся двадцать один месяц, с вовлечением более двадцати тысяч миротворцев, оказалась самой дорогой в истории ООН. Было растрачено более двух миллиардов долларов.

Ооновская команда оставила о себе недобрую память. Большинство кхмеров ассоциируют миротворцев ООН с пьянством, развратом, воровством и бездельем.

Мандат Временной администрации ООН в Кампучии закончился 24 сентября 1993 года после сформирования правительства, принятия новой конституции и восстановления конституционной монархии во главе с королем Сианоуком.

КОНЕЦ «КРАСНЫХ КХМЕРОВ»

Формальным признаком завершения эпохи революционных потрясений в Кампучии стало возвращение предреволюционного международного наименования страны — Камбоджа.

В соответствии с планом ООН, до формирования правительства и принятия новой конституции Камбоджи «красные кхмеры», несмотря на их отказ от участия в парламентских выборах, по-прежнему оставались легальной политической партией, участие которой в правительстве поощрялось и приветствовалось. Руководители ООН опасались, что продолжение гражданской войны сделает очевидным абсолютно для всех факт провала миротворческой операции ООН в Камбодже. Поэтому глава Временной администрации ООН Якуши Акаши предложил лидеру «красных кхмеров» Кхиеу Самфану встретиться с Сиануком, чтобы обсудить с ним формы легального участия Партии Демократической Кампучии в общественно-политической жизни страны.

13 июля 1993 года в Пномпене вновь открылось официальное представительство «красных кхмеров». Кхиеу Самфан направил Сиануку письмо, в котором выражалась готовность передать под управление центральных властей контролировавшиеся «красными кхмерами» районы в обмен на посты в новом правительстве Камбоджи и командные должности в королевских (правительственных) вооруженных силах. Проникнув в официальные структуры государственной власти, «красные кхмеры» надеялись впоследствии подчинить их себе. Во внутренних документах Партии Демократической Кампучии подчеркивалось, что новое правительство Камбоджи развалится под давлением внутренних конфликтов.

Намерение ООН ввести «красных кхмеров» в состав правительства вызвало решительные возражения многих стран,

прежде всего, Франции, Японии и Австралии. Их позиция состояла в том, что после проведения парламентских выборов миссия ООН в Камбодже исчерпала себя. Проблема «красных кхмеров» из международной превратилась во внутреннюю проблему, которую должно решать новое камбоджийское правительство без вмешательства и вовлеченности внешних сил.

Против участия «красных кхмеров» в правительстве категорически выступил Хун Сен, весомость аргументов которого подкреплялась стоявшими за ним боеспособной армией и силами полиции.

Правительство Камбоджи сформировали из представителей партии ФУНСИНПЕК и Народной партии Камбоджи (НПК), лидеры которых стали премьер-министрами: Нородом Ранаридх — первым, а Хун Сен — вторым. Все министерства поровну поделили между ФУНСИНПЕК и НПК. В каждом оказалось по два министра: один назывался министром, а второй — государственным секретарем, один представлял монархистов, а другой — хунсеновцев. Разделение полномочий между двумя партиями выглядело следующим образом: ФУНСИНПЕК — внешние сношения и экономика, НПК — оборона и внутренние дела.

В августе 1993 года Хун Сен приказал правительственной армии начать наступление на партизанские базы «красных кхмеров». Это была, скорее, спецоперация по нейтрализации подрывной активности антиправительственных мятежников. Главный упор делался на разъяснительную работу. Хун Сен пообещал «красным кхмерам» амнистию. В сентябре 1993 года тысячи рядовых бойцов и командиров «красных кхмеров» воспользовались предложением Хун Сена и сложили оружие.

Париж полностью одобрил действия Хун Сена. В июле 1993 года Камбоджу посетил министр обороны Франции Франсуа Леотар. В рамках подписанного договора о военном сотрудничестве Франция брала на себя обязательства всячески помогать укреплению боеспособности вооруженных сил Камбоджи. Острие франко-камбоджийского военного сотрудничества было направлено против «красных кхмеров».

Вскоре примеру французов последовали австралийцы. Австралия согласилась предоставить камбоджийскому правительству существенную военную помощь для окончательной ликвидации военно-политической группировки «красных кхмеров».

Отношение к «красным кхмерам» вызвало серьезные разногласия между Ранаридхом и Хун Сеном. Несмотря на правительственный статус ФУНСИНПЕК, положение в стране по-прежнему контролировала Народная партия. Ранаридх рассчитывал изменить баланс сил в свою пользу путем включения «красных кхмеров» в правительство и интеграции их боевых отрядов в состав королевских вооруженных сил.

В декабре 1993 года Ранаридх опять предложил Кхиеу Самфану войти в состав правительства. Начинание Ранаридха поддержал его отец, король Сианук, который призвал правительство найти приемлемую формулу политической легализации «красных кхмеров». Хун Сен отклонил предложение Ранаридха как неконституционное.

В марте 1994 года Сианук выступил с новой инициативой о проведении консультативного «круглого стола» с участием «красных кхмеров». Хун Сен принял эту идею, подразумевая под ней обсуждение условий разоружения отрядов «красных кхмеров». Первый раунд консультаций проходил в столице Северной Кореи Пхеньяне.

20 апреля 1994 года Сианук получил «секретное письмо» от Кхиеу Самфана, в котором сообщалось о планах «красных кхмеров» устроить «большие неприятности в Пномпене и всюду по Камбодже». Кхиеу Самфан рекомендовал Сиануку немедленно покинуть Пномпень и просил короля не разглашать содержание письма, продиктованное «заботой о его личной безопасности».

Но Сианук объявил о письме, правда, весьма оригинальным способом, призвав провести внеочередные парламентские выборы с участием «красных кхмеров». Хун Сен сказал, что не видит смысла в проведении досрочных выборов, поскольку «красные кхмеры» могут участвовать в очередных парламентских выборах, если к этому времени они разоружатся и легализуются.

15 июня 1994 года в королевском дворце под председательством Сианука состоялись еще одни политические консультации между Ранаридхом, Кхиеу Самфаном и Хун Сеном. «Красные кхмеры» обещали разоружиться, но только после включения их представителей в состав правительства. Хун Сен не поверил этим обещаниям.

17 июня 1994 года в штаб-квартиру «красных кхмеров» в Пномпене прибыл усиленный наряд полиции во главе с министром внутренних дел. Кхиеу Самфану и его помощникам предложили незамедлительно покинуть столицу, поскольку силы правопорядка не имели возможности гарантировать безопасность «красных кхмеров».

В ходе визита в Индонезию, 22 июня 1994 года, Хун Сен сообщил, что больше не будет никаких переговоров с лидерами «красных кхмеров», возможно только обсуждение условий их капитуляции. Хун Сен отдал распоряжение руководителям силовых ведомств Камбоджи тщательно изучить индонезийский опыт по подавлению мятежных партизанских группировок.

В июле 1994 года парламентская фракция Народной партии представила в Национальное собрание законопроект, объявлявший «красных кхмеров» вне закона. Сианук отказался подписать этот закон. Но вместо него 15 июля 1994 года это сделал председатель парламента Чеа Сим. «Красные кхмеры» осудили закон и объявили о создании правительства национального спасения во главе с Кхиеу Самфаном.

В августе 1994 года правительственные войска начали широкомасштабное наступление на позиции «красных кхмеров» на западе Камбоджи. Во время проведения боевых операций проявились серьезные трения между различными подразделениями королевской армии, которая состояла как бы из двух частей: соединений бывшей армии Народной Республики Кампучии и прежних вооруженных формирований партии ФУНСИНПЕК. Монархисты неохотно воевали со своими недавними союзниками — «красными кхмерами».

15 января 1995 года, по предложению Хун Сена, правительство не продлио амнистию для «красных кхмеров». Теперь всех бойцов «красных кхмеров», захваченных в плен, судили и

сажали в тюрьму. На протяжении всего 1995 года и в первой половине 1996 года шли ожесточенные бои между правительственными войсками и отрядами «красных кхмеров».

Война правительства с «красными кхмерами» вновь принимала затяжной характер. Военные нужды по-прежнему поглощали большую часть государственного бюджета. Хун Сен прекрасно понимал, что народ ждет от него мира и эффективного решения социально-экономических проблем. Поэтому в августе 1996 года Хун Сен пошел на политическую сделку с Йенг Сари, который уже давно выступал за переговоры с Хун Сеном.

14 сентября 1996 года Сианук подписал королевский декрет об амнистии Йенг Сари, перешедшего вместе со своими отрядами на сторону правительства. Йенг Сари объяснил свой поступок тем, что он не хотел оказаться на стороне проигравших. Хун Сен утвердил Йенг Сари главой муниципалитета города Пайлина, расположенного на западе Камбоджи, вблизи границы с Таиландом. С 1979 года Пайлин находился под контролем «красных кхмеров», будучи их неформальной столицей.

После перехода Йенг Сари на сторону правительства в руководстве «красных кхмеров» стали безраздельно господствовать непримиримые во главе с Та Моком, выступавшим за продолжение войны с Хун Сеном.

Именно с этой группировкой непримиримых «красных кхмеров» в октябре 1996 года вступил в тайные сношения Ранаридх, готовивший государственный переворот с целью отстранения Хун Сена от власти. От имени Ранаридха секретные переговоры с «красными кхмерами» вел бывший командующий вооруженными формирования- ми ФУНСИНПЕК генерал Бун Чхай.

В январе 1997 года эмиссары Ранаридха договорились с Та Моком о скрытной переброске в Пномпень отрядов «красных кхмеров», которые в столице переодевались в форму королевских вооруженных сил. Эти не учтенные министерством обороны боевые соединения составили костяк «тайной армии» Ранаридха, которая концентрировалась в окрестностях Пномпеня в ожидании сигнала к началу путча.

Не исключено, что подготовка Ранаридха к государственному перевороту поощрялась спецслужбами США. Во всяком случае, как раз в этот период американские СМИ развернули мощную пропагандистскую кампанию по демонизации Хун Сена.

В марте 1997 года съезд партии ФУНСИНПЕК принял решение о начале конфронтации с Народной партией. Монархисты решили организовать массовые беспорядки в Пномпене под видом демонстраций протеста против коррумпированной клики Хун Сена. На съезде также объявили о формировании антихунсеновского Объединенного национального фронта, который с целью привлечения сторонников нагнетал бы в стране антивьетнамскую истерию. Лидеры ФУНСИНПЕК выступали с провокационными и подстрекательскими заявлениями о продаже Хун Сеном Камбоджи вьетнамцам. Тайно готовились погромы вьетнамских поселений в Камбодже.

В июне 1997 года Ранаридх договорился с Кхиеу Самфаном о присоединении «красных кхмеров» к Объединенному национальному фронту.

«Красные кхмеры» опять получили возможность для захвата власти в Камбодже. После свержения Хун Сена они планировали подчинить себе и Ранаридха. Это подтверждают протоколы заседания руководства Партии Демократической Кампучии: «Лодка Ранаридха тонет, а наша — нет. Мы должны помочь Ранаридху, предложив ему палку, но не руку и не объятия. Нельзя позволить ему цепляться за нашу лодку, а то мы все пойдем ко дну. <...> Объединенный национальный фронт не важен. Присоединение к фронту даст нам легитимность. Как только мы обретем законный статус, мир захочет помочь нам. <...> Фронт — только возможность для накопления сил. Мы не идем с Ранаридхом, чтобы умереть, а чтобы накопить силы для борьбы с дикими вьетнамцами».

15 мая 1997 года в морском порту Сиануквиля пришвартовалось судно, груженное, как указывалось в таможенной декларации, запасными частями. В действительности, на борту находились боеприпасы и оружие — автоматы и противотанковые управляемые ракетные установки. Оружие ввозилось в страну в тайне от правительства и министерства обо-

роны Камбоджи. Получателем груза значилась канцелярия первого премьер-министра Ранаридха, который позже оправдывался тем, что это оружие предназначалось для его личной охраны.

На самом деле автоматы АК-47 и ПТУРСы предназначались для его «тайной армии» в Пномпене. У путчистов не было танков и другой бронированной техники. Все бронетанковые части сохраняли верность Хун Сену. При помощи переносных ракетных установок путчисты намеревались уничтожать правительственные танки. Подставные лица покупали оружие в Польше и Чехии, чтобы замести следы.

3 июля 1997 года Ранаридх и лидер «красных кхмеров» Кхиеу Самфан подписали секретный пакт о совместных действиях по свержению Хун Сена.

Возможно, что о готовящемся мятеже Хун Сену собирался рассказать бывший министр обороны Демократической Кампучии Сон Сен, который также был шефом службы безопасности ДК. Как раз в это время Сон Сен намеревался, по примеру Йенг Сари, сдаться правительству. Но 9 июня 1997 года, по приказу Пол Пота, Сон Сен, его жена Юн Ять, которая в ДК занимала пост министра культуры, их дети и несколько ближайших родственников были зверски убиты (их тела переехал тяжелый грузовик) за предательство.

5 июля 1997 года Хун Сен с семьей отдыхал на курорте Вунг Тау в Южном Вьетнаме, когда по мобильному телефону ему сообщили о начале путча. Хун Сен сразу же вылетел на вертолете в Пномпень.

Отдых Хун Сена в Вунг Тау не был государственной тайной. Согласно установленному порядку, оба премьер-министра — Ранаридх и Хун Сен — должны были заблаговременно информировать друг друга и совет министров о планах своих зарубежных поездок. Хун Сен сообщил правительству, что с 1 по 7 июля 1997 года он проведет отпуск в Южном Вьетнаме. Именно на это время путчисты и запланировали мятеж.

Примечательно, что накануне путча, 4 июля 1997 года, Ранаридх тайно улетел в Бангкок. Вероятно, он просто струсил и решил отсидеться в таиландской столице.

Отряды ФУНСИНПЕК, усиленные «красными кхмерами», заняли столичный аэропорт Почентонг с целью воспрепятствовать возвращению Хун Сена из Вунг Тау. После чего двинулись двумя колоннами в Пномпень, намереваясь взять под свой контроль все государственные учреждения.

На начальной стадии мятежа перевес сил был на стороне путчистов. В столице отсутствовали крупные армейские части. Полтора дня яростные атаки мятежников сдерживали личная охрана Хун Сена и военная полиция. К вечеру 6 июля 1997 года в Пномпень подоспели армейские подразделения, которые добили путчистов. Причем добивали в буквальном смысле, убив на месте сотни, а может быть и тысячи человек из ФУНСИНПЕК, сдавшихся правительственным войскам.

. Сразу после подавления мятежа, вечером 6 июля 1997 года, Ранаридх выступил по радиостанции «Голос Америки», обвинив Хун Сена в совершении государственного переворота. Правительство США моментально объявило о свертывании своих программ финансовой помощи Камбодже. Международный валютный фонд и Всемирный банк также приостановили программы сотрудничества с камбоджийским правительством.

Но на этот раз Вашингтону не удалось организовать новую международную экономическую блокаду Камбоджи. Большинство западноевропейских стран, ведомые Францией, а также Япония и Австралия, не прервали оказание финансово-экономической помощи правительству Хун Сена. Вместе с тем, они выразили обеспокоенность в связи с нарушениями прав человека, последовавшими за подавлением мятежа. Единственной страной, безоговорочно поддержавшей действия Хун Сена, был Китай. Максимум, чего удалось добиться американцам, так это на год отстрочить прием Камбоджи в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии.

После подавления путча монархисты продолжили военное сотрудничество с «красными кхмерами», заключив с ними союз для борьбы с правительством Хун Сена. Это вызвало осуждение практически во всех зарубежных странах. С целью завоевания симпатий международного общественного мнения «красные кхмеры» решились на крайнюю меру — принести в жертву Пол Пота.

25 июля 1997 года на показательном суде, организованном лидерами «красных кхмеров» Та Моком и Нуон Чеа, Пол Пота приговорили к пожизненному домашнему аресту за убийство Сон Сена с семьей, а также за попытки разрушить политику национального примирения. Проведя этот судебный фарс, многолетние соратники Пол Пота отчаянно стремились доказать миру, что они — неполпотовцы и не несут ответственности за массовые репрессии во времена Демократической Кампучии. Ответственным за преступления «красных кхмеров» решили сделать одного Пол Пота, который к тому времени уже превратился в дряхлого и апатичного старца.

До марта 1998 года остатки партизанских отрядов «красных кхмеров» еще сопротивлялись правительственным войскам. Но после взятия последнего опорного пункта «красных кхмеров» в Анлонг Венге на северо-западе Камбоджи наступила агония. Та Мок, Нуон Чеа и Кхиеу Самфан, прихватив с собой больного Пол Пота, ударились в бега по джунглям. Как раз в это время они узнали, что их собирается ловить американский спецназ.

Судя по всему, между беглецами разгорелись споры по поводу того, что же делать с Пол Потом. Та Мок предлагал отдать его американцам. Но Нуон Чеа и Кхиеу Самфан, вероятнее всего, решили отравить Пол Пота, чтобы он унес с собой в могилу все главные тайны движения «красных кхмеров». Военный командир монархистов Бун Чхай говорил: «За десять дней до смерти Пол Пота "красные кхмеры" сообщили мне, что они дадут ему яд. Я заранее знал, что он умрет».

По свидетельству одного из охранников, умирая, Пол Пот заплакал и сказал: «Я знаю, что многие люди меня ненавидят и думают, что я виновен в массовых убийствах. Я очень доверял своим близким товарищам, которые все сделали не так, как надо».

Вечером 15 апреля 1998 года труп Пол Пота показали нескольким иностранным журналистам, которые его сфотографировали. 17 апреля 1998 года тело вождя «красных кхмеров» сожгли на костре из автомобильных покрышек.

Один из близких товарищей Пол Пота — Та Мок — так прокомментировал смерть своего вождя: «Теперь с Пол Потом покончено. <...> Он — не что иное, как коровье дерьмо, от которого даже больше пользы, потому что его можно использовать как удобрение. <...> Хорошо, что Пол Пот мертв. Я не чувствую никакого горя. <...> Это Пол Пот причинял неприятности нашему движению. Без Пол Пота наше движение не походило бы на то, во что оно превратилось».

Нуон Чеа, который тридцать пять лет был заместителем Пол Пота, сказал: «Я надеюсь, что плохое имя Пол Пота исчезнет с его смертью. Теперь плохие образы ушли, теперь не будет больше обвинений».

Последние вооруженные группы «красных кхмеров» сложили оружие в декабре 1998 года.

Заключение

После свержения режима «красных кхмеров» в 1979 году встал вопрос о привлечении их лидеров к судебной ответственности за преступления против человечности, совершенные в Демократической Кампучии в 1975—78 годах.

В августе 1979 года народно-революционный трибунал Пномпеня заочно приговорил к смертной казни генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Кампучии, премьер-министра Демократической Кампучии Пол Пота и вице-премьера, министра иностранных дел Демократической Кампучии Йенг Сари. Это были наиболее известные лидеры «красных кхмеров». В тени остались персоны, которые несли, может быть, даже большую ответственность за массовые репрессии.

Мало кто всерьез воспринял тот приговор, поскольку пномпеньский народно-революционный трибунал представлял собой пропагандистское мероприятие, призванное оправдать военное вторжение Вьетнама в Кампучию. Именно в это времена появилась умопомрачительная цифра в три миллиона человек, якобы уничтоженных «красными кхмерами». Речь шла о почти половине населения Кампучии. Элементарный здравый смысл подсказывал, что приведенные вьетнамцами данные о количестве жертв режима «красных кхмеров» явно завышены.

Позже солидные ученые попробовали подсчитать, сколько же точно людей убили «красные кхмеры». Это оказалось сложной задачей. В настоящее время применительно к количеству жертв режима Пол Пота — Йенг Сари чаще всего фигурирует приблизительная цифра в полтора миллиона человек, погибших от репрессий, голода, непосильного труда и болезней.

Все точки над «i» в запутанной истории «красных кхмеров» мог бы расставить беспристрастный международный

трибунал над лидерами «красных кхмеров», обвиненных в геноциде против кхмерского народа.

После многолетних проволочек такой трибунал был учрежден в 2006 году при содействии ООН. В 2009 году начался суд над Канг Кек Иеу, бывшим начальником тюрьмы в Туолсленг, которого через год приговорили к 30 годам заключения. А еще через год — в 2011 году — перед трибуналом предстали главный идеолог кхмерских коммунистов Нуон Чеа, бывший глава государства «красных кхмеров» Кхиеу Самфан, бывший министр иностранных дел Демократической Кампучии Йенг Сари и его супруга Йенг Тирит, занимавшая пост министра по социальным делам во времена правления «красных кхмеров».

Странно, но судебный процесс в Пномене над некоторыми руководящими деятелями режима «красных кхмеров» не вызвал особого ажиотажа ни в Камбодже, ни за ее пределами.

Уникальность «красных кхмеров», как и их преступная сущность, состоит не в количестве убитых ими людей. Особенность этого ультрарадикального коммунистического движения заключается в том, что «красные кхмеры» попытались создать модель общественного устройства, альтернативную всем известным формам государственности. В Демократической Кампучии «красные кхмеры» на практике приблизились к тем идеалам коммунистического общества, описания которого можно найти в произведениях социалистов-утопистов.

«Красные кхмеры» категорически отвергли то, что принято называть развитым или цивилизованным обществом. Они полагали, что тот же «дикарь», живущий в в гармонии с окружающим миром, более счастлив, чем люди, сознание и психика которых растерзаны страстями и пороками индустриального общества.

Движение «красных кхмеров» возникло не в вакууме. Оно было порождено противоречиями современного мира, которые никуда не исчезли, а, может быть, даже еще более обострились. А это значит, что идеи, вдохновлявшие «красных кхмеров» на революционную борьбу, будут порождать новые формы антицивилизационных движений. Например, исламистов и антиглобалистов.

Весьма показательно, что теория и практика «красных кхмеров» вызывали симпатию не только у активистов радикальных (маоистских) коммунистических группировок в странах Азии, Африки, Европы и Америки, но и у некоторых западных интеллектуалов.

Повышенный интерес представляет и личность лидера «красных кхмеров» Пол Пота, смерть которого оставила много неразгаданных загадок. По сути, нет однозначного ответа на вопрос, кем в действительности был Пол Пот, который ни разу публично не признал, что его настоящее имя Салот Сар.

В биографии Пол Пота много путаницы. Например, с его возрастом. Когда Пол Пот уезжал на учебу во Францию, то, по имевшимся у него документам, ему было двадцать лет. Хотя, исходя из даты рождения, должно было быть двадцать три. В 1956 году, когда Пол Пот регистрировал в Пномпене брак с Кхиеу Поннари ему должен быть тридцать один год, а в свидетельстве о браке почему-то записано, что двадцать девять. Примечательно, что жена Пол Пота, сошедшая с ума Поннари, никогда никому не давала никаких интервью.

В беседе с югославскими журналистами в 1978 году Пол Пот сказал, что когда-то он шесть лет прожил в пагоде и два года был буддийским монахом. Но когда именно? В известной биографии Пол Пота просто нет места для этих восьми лет монашеского отшельничества. Кроме того, совершенно непонятно, в какой провинции и в какой пагоде мог монашествовать Пол Пот.

Человек с революционным псевдонимом Пол появился среди руководителей Коммунистической партии Кампучии только в 1967 году. А полная версия псевдонима — Пол Пот — была обнародована только в марте 1976 году, когда стало известно, что человек под таким именем назначен премьер-министром Демократической Кампучии.

А несколько месяцев спустя — 26 июня 1976 года — гонконгский журнал «Фар Истерн Экономик Ревью», со ссылкой на источники в руководстве «красных кхмеров», писал: «Пол Пот присоединился к антияпонскому сопротивлению в 1940-х годах, он родился в деревне вблизи границы с Вьетнамом и трудился простым рабочим на каучуковых плантациях». При-

мечательно, что в официальных сообщениях «красных кхмеров» указывалось, что Пол Пот был избран депутатом Собрания народных представителей Демократической Кампучии от рабочих каучуковых плантаций.

В феврале 1978 года посол Демократической Кампучии в Китае публично отрицал, что Пол Пот и есть Салот Сар, который, по утверждению того же посла, умер во время войны. Опять же: какой войны?

И наконец самое интересное. Кхмерский пилот, сбежавший из Кампучии в Таиланд в 1977 году, утверждал, что он перевозил на своем вертолете высших руководителей Демократической Кампучии и знал обоих — и Салот Сара, и Пол Пота. Причем, по словам этого вертолетчика, по своему положению Салот Сар стоял значительно выше Пол Пота.

Даже если просто сложить известные факты из биографии Пол Пота в единое целое, то получится очень пестрая мозаика. Остается впечатление, что в разные годы Пол Пот был разным человеком.

Югославские журналисты, бравшие интервью у Пол Пота в 1978 году, свой первый вопрос сформулировали очень просто: « Кто вы, товарищ Пол Пот?»

Четкого и ясного ответа на этот вопрос нет до сих пор.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Заря коммунизма над Индокитаем 10
Увидеть Париж и стать марксистом 19
Вьетнамский синдром 35
Светоч маоизма 44
Темень ревизионизма 51
Оскал империализма 60
Козни социал-империализма 70
Напряжение орла 78
Нулевой год 86
Братские враги 99
Социал-империализм в действии 116
Лаотянская дружба 128
Китайский гегемон 136
Об экспорте революции 154
Неприсоединимые 168
Ортодоксальный социализм 176
Революционный интернационал 187
Ось Стокгольм — Токио 204
Как Запад ушел с дороги 212
Американские пинки 224
Третья индокитайская война 234
Народная Кампучия 254
Китайский кульбит 267
Политика ненависти 277
Дорогие миротворцы 292
Конец «красных кхмеров» 305

Заключение 315

Массово-политическое издание

ТИТАНЫ И ТИРАНЫ

Самородний Олег

ПОЛ ПОТ
КАМБОДЖА — ИМПЕРИЯ НА КОСТЯХ?

Редактор *Е. Ю. Бузев*
Художник *Б. Б. Протопопов*
Верстка *А. А. Кувшинников*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм»: 617-0825, 617-0952
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.10.2013.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 2 000 экз. Заказ 3614.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0502-3

Режим «красных кхмеров» стал самой страшной диктатурой в человеческой истории. Пирамиды из человеческих черепов, братские могилы с тысячами безымянных жертв... Но имели ли к этому отношение «красные кхмеры» на самом деле? Был ли блестящий студент Сорбонны Пол Пот чудовищем или его сделала таким советская и американская пропаганда, чтобы скрыть собственные грешки?

Что погубило молодую процветающую страну, с которой стремились дружить самые респектабельные международные институты? Факты, приведенные в представленной книге, поражают.

Олег Самородний едва ли не единственный специалист по истории «красных кхмеров» на постсоветском пространстве. Эта книга — самое объективное исследование вопроса на русском языке! Автор безжалостно разоблачает мифы о «чудовищном геноциде» и называет его подлинных виновников.

Книга для всех, интересующихся историей холодной войны.

ISBN 978-5-4438-0502-3

интернет-магазин
OZON.ru
1013282528